PG 3470
.U8 L5
1873
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Глѣбъ Успенскій

ЛѢНТЯЙ

ЕГО ВОСПОМИНАНІЯ, НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРО ОДНУ СТАРУХУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ А. Ѳ. БАЗУНОВА.
30 НЕВСКІЙ ПРОСП. 30.
1873

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

Новое изданіе, заключающее въ себѣ всѣ литературныя произведенія автора, написанныя до послѣдняго времени СЕМЬ большихъ томовъ. 1872. Ц. 12 р. съ пер. 15 р.

Въ отдѣльной продажѣ:

Проселочныя дороги, романъ безъ интриги. 2 т. Ц. 3 р. 50 к.
Переселенцы, романъ въ пяти частяхъ. Ц. 2 р. 50 к.
Рыбаки, повѣсть. Ц. 2 р.
Два Генерала, повѣсть. Ц. 1 р.
Похожденія Накатова или недолгое богатство, повѣсть. Ц. 75 к.
Столичные родственники, повѣсть. Ц. 75 к.
Зимній вечеръ, повѣсть на новый годъ. Ц. 50 к.
Неудавшаяся жизнь, повѣсть. Ц. 50 к.
Антонъ горемыка, повѣсть. Ц. 60 к.
Четыре времени года, повѣсть. Ц. 50 к.
Кошка и мышка, повѣсть. Ц. 40 к.
Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ. (Очерки современныхъ нравовъ) Ц. 20 к.
Деревня, повѣсть. Ц. 50 к.
Пахатникъ и Бархатникъ, повѣсть. Ц. 40 к.
Свистулькинъ, физіологическій очеркъ. Ц. 60 к.
Скучные люди, физіологическій очеркъ. Ц 20 к.
Школа Гостепріимства, повѣсть. Ц. 40 к.
Пахарь, повѣсть. Ц. 30 к.
Бобыль, разсказъ. Ц. 15 к.
Капельмейстеръ Сусликовъ, повѣсть. Ц. 30 к.
Лотерейный балъ, повѣсть. Ц. 20 к.
Въ ожиданіи парома, разсказъ. Ц. 20 к.
Смедовская долина, разсказъ. Ц. 10 к.
Сосѣдка, повѣсть. Ц 15 к.
Свѣтлое Христово Воскресеніе, простонародное повѣрье. Ц. 15 к.
Петербургскіе Шарманщики, повѣсть. Ц. 15 к.
Прохожій, святочный разсказъ. Ц. 40 к.
Очерки современныхъ нравовъ. Ц. 25 к.
Мать и дочь, осенній разсказъ. Ц. 10 к.

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich.
Lientiaĭ

ЛѢНТЯЙ

ЕГО ВОСПОМИНАНІЯ, НАБЛЮДЕНІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРО ОДНУ СТАРУХУ.

Глѣба Успенскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Скарятина, на углу Фонарнаго пер., д. Франка.
1873.

PG 3470
.U8 L5
1873

ЛѢНТЯЙ.

27 Dec. 27-1973

6 Dec 73

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О моемъ отцѣ, о порядкѣ, лѣни и о прочемъ, вмѣсто предисловія.

I.

У воротъ нашего дома и до настоящаго времени сохранилась скамеечка, на которой по вечерамъ сиживалъ мой отецъ—и бранился. Не было человѣка добрѣе его, и не было такого неусыпнаго ворчуна, какъ онъ. Ворчанье и брань, сыпавшаяся изъ его устъ, на самые разнородные предметы, не всегда была ясна обывателямъ подгородной слободки, гдѣ жилъ отецъ содержа фруктовый садъ; смыслъ рѣчей моего отца, чувствовавшаго потребность касаться предметовъ, о которыхъ отвыкъ разсуждать простонародный умъ, затемнялся собственнымъ его невѣжествомъ, необразованіемъ,—водкой, непрестанной его сопутницей, и нѣкоторою долею того русскаго чудачества, которое является у простаго человѣка, зачуевшаго въ своей головѣ не обыденный умъ. Отца мо-

его поэтому вся слобода считала за тронувшагося, сумасшедшаго, чудака, и пьяницу. Мнѣ, шестилѣтнему слобожанину, тоже не была тогда понятна отцовская рѣчь; но, не понимая ее, я любилъ въ этой рѣчи, и вообще въ разговорѣ отца, его манеру, постоянная бойкость и насмѣшливость которой невольно убѣждала меня, что онъ правъ, что человѣкъ, заспорившій съ нимъ, ушелъ дуракомъ.

Теперь, когда мнѣ много разъ приходилось думать о моемъ дѣтствѣ, объ отцѣ, я выучился отчасти понимать его запутанныя рѣчи и нахожу, что, несмотря на разнообразіе предметовъ, которыхъ касалась эта рѣчь и брань, въ ней постоянно слышалось слово «душа», постоянно тосковалось «о душѣ», о ея погибели, о томъ, что ее забыли и т. д. Рекомендуя моего родителя, я считаю нужнымъ остановиться именно на этой общей чертѣ его ругательствъ потому, что она много значитъ для меня, потому что она выходила не изъ простой болтовни.

— Плевать я хотѣлъ на твои богатства! кричалъ мой отецъ, сидя на лавочкѣ въ одной рубашкѣ и обращая рѣчь къ богатому сосѣду дворнику, который вечеркомъ пришелъ посидѣть съ нимъ *такъ, просто*. — Потому, продолжаетъ отецъ: — въ нонешнее время, некуда мнѣ его дѣть по душѣ... Видишь, что-ли?

— То-то, у тебя не густо, такъ ты и не надо... съ ироніей бубнитъ сосѣдъ, но отецъ прерываетъ его на первомъ словѣ.

— Дубина моздовская! Видалъ я деньги на своемъ вѣку, не твоимъ чета!.. Пропилъ я ихъ, деньги-то, нищій теперь, а давай ты мнѣ ихъ, — такъ не возьму-у, да-а!.. Не надо мнѣ ихъ, потому душа не можетъ по нонешнему времени сдѣлать мнѣ указанія, куда ихъ дѣть. Разучилась она, душа-то наша, о себѣ... Ты вотъ что́ мнѣ отвѣть, вдругъ съ большимъ ехидствомъ въ фигурѣ и голосѣ, восклицаетъ отецъ: — овѣчай: на какой рожонъ ты деньги копишь? Зачѣмъ тебѣ тыщи? Давай отвѣтъ...

— Тыщи-то?

— Д-да! Пятьдесятъ лѣтъ ты деньгу набивалъ, полсотни годовъ ты бился, можно сказать, какъ собака... Какъ ты теперича ихъ истратишь-то съ толкомъ, «по душѣ?» Отвѣчай мнѣ на это, тогда я съ тобой могу поддерживать разговоръ.

— Ахъ ты башка—башка! удивляется купецъ. —Не истратить денегъ! Чай, и ты на это дѣло мастеръ былъ... Ты наживи-ко вотъ...

— Тебѣ, дубинѣ, дѣлаютъ вопросъ, такъ ты давай отвѣтъ. Что ты перколедываешь? Нѣчто я о наживѣ говорю? Махлакъ ты этакой! Съ умомъ ли можешь ты ихъ истратить, по нонешнему вр-ремени?

— Проломанная голова! горячится купецъ.—Есть у тебя дѣти-то, у шишиги?

— Есть дѣти. Ну?

— Ну, и у меня есть.

— Ну?

— Что еще? Что нукаешь?.. Для дѣтей наживаю... Гвоздь каленый!

— Для дит-тей? переспрашиваетъ отецъ, и ударивъ себя по колѣну, произноситъ: — Пач-чиму? Пачиму для дѣтей?

Съ злѣйшей ироніей въ губахъ смотритъ онъ въ сторону, прислушиваясь къ отвѣту собесѣдника, и какъ бы имѣя уже наготовѣ вѣрнѣйшія средства разбить этотъ отвѣтъ въ пухъ и прахъ.

— Не отчитывали еще тебя?.. трунитъ собесѣдникъ.

— Нѣтъ еще, не отчитывали! самодовольно потряхивая головой, произноситъ отецъ... Тебя вотъ сначала отъ одури отецъ дьяконъ отчитаетъ,—тогда ужь и меня... А ты отвѣтъ-то дай!.

— Надо бы, право, надо бы тебя отчитать...

— Давай отвѣтъ на вопросъ!.. Спрячь хвостъ-то — будетъ вилять!.. Давай-ко отвѣтъ-то... пивной ты котелъ!

— Отвѣтъ тебѣ? горячится купецъ, придвигаясь къ отцу.

— Д-да! Отвѣтъ! Языкъ имѣешь?

— Имѣю я языкъ, крыса летучая! Им-мѣю! . Отвѣтъ, что ли, тебѣ надо, Искаріоту?

— Отвѣту давай, толстомясая дурь!

— На́ тебѣ отвѣтъ, купоросъ ты астраханскій:—н-на! Въ лаптяхъ я пришелъ въ городъ, вахлакомъ съ щепки началъ,—семью имѣю, домъ имѣю, деньги им-мѣю... Зачѣмъ? да хоть дочь я свою изъ деревенскихъ дѣвокъ выведу въ люди...

— За благороднаго? быстро вставляетъ свое словечко отецъ.

— А нѣшто нѣтъ,—харя балаганная. Неужто нѣтъ?.. Заткнулъ-ли я тебѣ глотку, Іудѣ? Получилъ-ли ты отвѣтъ?..

— Тебѣ-ли, толстомясому, заткнуть мнѣ глотку?.. Ахъ ты, гнилое ты колесо! Разѣвай ротъ шире,—я тебѣ затыкать горло буду... Я тебѣ его заткну, дубью безмозглому!.. Я-а-а!..

И дѣйствительно, мудрено было заткнуть ротъ моему отцу. Быть можетъ, частію подъ вліяніемъ желанія оправдать свое разоренье и бѣдность, онъ тотчасъ же переносилъ вопросъ о разумномъ употребленіи богатствъ на практическую почву, и принимался представлять изъ тогдашнихъ нраво въ такія картины безсознательности жизни, считаемой счастливой, что дѣйствительно оказывалось совершенно ненужнымъ биться и наживать, чтобы завоевать это

счастіе. Купецъ Калашниковъ ужь кажется богатъ, ужь кажется почтенъ и награжденъ начальствомъ, — а пьетъ не хуже мастероваго и ѣздитъ къ слободской солдаткѣ Акулькѣ, цѣлуетъ у ней руки,—тогда какъ у него есть жена съ мильйонами. А почему? Душа тоскуетъ. Для нея-то у Калашникова нѣту занятія, а медали ей не нужны... А дочь дворника, имѣющая выдти за благороднаго? Что она можетъ получить въ замѣнъ отцовскимъ трудомъ нажитыхъ богатствъ? мужа пьяницу отъ скуки, гулянье съ зѣвотой, да способность спать или плакать... Кругомъ, въ жизни было много явленій, въ которыхъ не было видно ума, руководителя, — и отецъ засыпалъ ими собесѣдника.

Лежа подлѣ спорящихъ въ травѣ, съ какимъ-нибудь щенкомъ въ рукахъ, я съ удовольствіемъ вижу, что богачу купцу, должно быть, плохо приходится отъ моего отца, и радъ этому. Мнѣ смѣшно видѣть, что съ каждымъ словомъ, въ отпоръ моему отцу, онъ злится болѣе и болѣе, говоритъ урывками, словно его бьютъ по спинѣ, лицо его дѣлается весьма глупымъ и смѣшнымъ, и вообще въ немъ является сходство съ человѣкомъ, который ходитъ въ потьмахъ, спотыкается, разбиваетъ себѣ лобъ, и кромѣ ругательствъ не имѣется другой защиты...

— Ну, въ головы ты вылѣзешь, кричитъ отецъ:—

мундиръ на тебя, дубину, надѣнутъ, — ну? веселѣй тебѣ отъ этого?..

— А то нѣтъ?..

— Медаль на тебя навѣсятъ? а дальше что?..

— Ну другую? Ну?

— Ну, а дальше что? Надѣлъ ты, дуракъ, мундиръ, нацѣпилъ медали, послы къ тебѣ персидскіе пріѣхали, къ ослу лавочному, — барана ты имъ зарѣзалъ, тысячь десять въ утробу ты имъ всыпалъ,—а потомъ что?.. Вѣдь снимешь-же ты, мочалка глупая, мундиръ-то! И медали-то ты положишь вѣдь когда-нибудь въ сундукъ; что же для твоей дурацкой души останется? Для души-то для твоей что? Самъ про себя то ты съ чѣмъ останешься? Отвѣчай мнѣ...

— Свинья ты головастая! Вотъ тебѣ мой отвѣтъ.

— Самъ ты крыса безхвостая, да не въ томъ у насъ съ тобой, съ невѣжей, разговоръ идетъ. Уши-то твои слышутъ ли мои слова?! Вѣдь ты на крышу полѣзешь съ помеломъ, голубей гонять! Для души-то у тебя нѣтъ ничего!.. Пузырь! Вѣдь это тебя по приказу исказили. Вѣдь это тебя нарочно пріучили, чтобы душу у тебя, вынуть, а ты и не видалъ этого! капуста тухлая! Говорю я тебѣ, ежели богатствъ твоихъ послы персидскіе не сожрутъ, ежели со страху ты ихъ начальству не разсуешь, да ежели дѣти твои, ослы лабазные, съ цыган-

ками не пропьютъ, что́ ты станешь съ ними дѣлать? Скажетъ ли что тебѣ душа? Есть ли у тебя душа-то? Отвѣчай-ко мнѣ на это...

— Песъ я, что ли? кричитъ собесѣдникъ.

— Не песъ, а пузырь! наклоняясь къ собесѣднику, язвительно шепчетъ отецъ—Пузырь пустой. Пе-есъ! Песъ свое дѣло знаетъ. Что́ ему надо, онъ исполняетъ, на немъ шкура своя, а вотъ ты-то, другъ ты мой, самъ про свою душу ничего не имѣешь. Вотъ что, ангелочикъ мой... Что мы съ тобой безъ толку оремъ? Надо говорить честно, благородно .. Ругать, что ли, я тебя собрался? Велика радость! Эко собаку бѣшеную нашелъ! Не про тебя одного говорю, всѣ мы, другъ ты мой, обездушили. Всѣ! Вотъ что!

Ласковый тонъ и тихій стихъ, осѣнившій отца, отнялъ у собесѣдника послѣднее средство обороны, ругательство; онъ сидитъ какъ ступа, изрѣдка потряхиваетъ головой, и что-то бурчитъ. А отецъ, все болѣе и болѣе охватываемый серьёзностью разбираемаго или разругиваемаго вопроса, продолжаетъ говорить все съ большею искренностію и задушевностію.

— Что намъ воевать-то безъ ума? Эхъ, куманекъ дорогой. Не въ тебѣ одномъ души нѣту, а во всемъ народѣ ея не стало. Вотъ что, другъ! Видалъ ли въ горницѣ у насъ портреты родителей моихъ?

— Видалъ я твои портреты.

— Сѣденькаго старика-то, помнишь тамъ виситъ, ай нѣту? Ну, вотъ это, другъ сердечный, прадѣдушка мой, царство ему небесное! Вотъ у него была душа—своя, не заказная! Да! Не на заказъ сдѣлана, а своя! Да, другъ любезный, своя! Былъ онъ, видишь ты, раскольникъ, и свой скитъ имѣлъ за Волгой, въ лѣсахъ, да и такъ, пожалуй, было, что и толкъ особенный онъ самъ отъ себя выдалъ—да-а! Что-жь я тебѣ скажу? Вѣдь и онъ торговалъ и деньгу наживалъ; вѣдь и онъ, другъ ты мой, аршинничалъ, да только не по нашему! Ты-то вотъ, не въ обиду тебѣ говорю, не знаешь, зачѣмъ деньги-то тебѣ, а онъ зналъ. Онъ, братецъ ты мой, руками въ лавкѣ, а душой въ своемъ мѣстѣ. Руками-то деньги принимаетъ, а душа-то ужь ему указаніе даетъ. Стало быть, онъ зналъ, что́ зачѣмъ. Меринъ у него въ тыщу рублей, рысаки тысячные были, и это не сдуру. Именно ему тысячный рысакъ надобенъ, потому начальство за нимъ на тройкѣ погнало, а онъ попа-растригу везетъ, такъ ему надо угнать отъ начальства-то. Видишь вотъ! Онъ попъ-то хоть и воръ и разбойникъ—очистку ему сдѣлать—бѣглый солдатъ окажется, да душа этого требуетъ, интересъ въ этомъ. Глупы ли, умны ли были старички, а какъ ни какъ *на себя* умѣли жить. А въ нонешнее-то время и нѣту ничего! Всѣ и разучились на себя-то жить. Да-а! Все исполняемъ,

все исполняемъ, а себѣ и нѣтъ ничего. Меринъ-то вотъ у тебя будетъ тоже не дешевле, какъ тыщу, а ходу-то тебѣ съ нимъ нѣту! Да-а! Ну, куда ты съ твоимъ мериномъ сунешься? Посадилъ ты свою жену на него, пять молодцовъ его держутъ подъ узцы, а выпустили они его, и некуда вамъ! И ходу-то всего вамъ съ мериномъ два вершка... на гуляньи. Разлетѣлись вы, слѣдственно, какъ дураки набитые, и домой тоже такими же дураками воротились. Окромѣ какъ спать—нѣту вамъ никакого интересу! Ты съ супругой съ одури-то храпѣть завалился, меринъ твой одурѣлый въ конюшнѣ жретъ не въ свою голову—и всѣ вы дуракъ на дуракѣ!

— Ты уменъ! огрызается собесѣдникъ, замѣтивъ въ послѣднихъ словахъ отца раздраженіе.

— Я-то, братъ, уменъ, быстро впадая въ обычный ругательный тонъ, говоритъ отецъ:—а вотъ ты-то, куманекъ, не въ большомъ умѣ. Ты-то, братъ, дуракъ московскій! Какъ говорить-то мнѣ съ тобой, съ пузыремъ бычачьимъ? Ахъ вы, идолы, идолы! Къ чему васъ, идолы, пріучили...

— Собака ты бѣшеная! собираясь уйти отъ грѣха, бурчитъ купецъ, но отецъ не обращаетъ вниманія и продолжаетъ:

— И ужь изуродовали же глупыхъ только васъ, на чужую, на потѣху! Ишь, вѣдь, что имъ въ голову-то на-

бухали, пустозвонамъ несчастнымъ. Персидскаго ему дай посла! Свинья ты, свинья. Дочь свою за благороднаго въ гробъ желаю вбить; сыновей моихъ цыганкамъ отдать, а самъ желаю на старости лѣтъ голубей гонять, да водкой облопаться. Ахъ вы, мордастые дураки!

— Песъ поганый!

— Ахъ вы, черти ободранные! Ишь имъ что надо— а? Пятьдесятъ лѣтъ народъ надуваетъ, аршинничаетъ, душу губитъ, зач-чѣмъ?

— Поди ты къ шуту.

Собесѣдникъ положительно уходитъ.

— Зачѣмъ? Постой покуда! Погоди, я тебѣ совѣтъ дамъ...

— Провались ты, чумовой...

— Погоди! кричитъ отецъ, вскакивая съ лавки и какъ бы желая пуститься въ догонку. — Масла ведра три въ сундукъ-то съ деньгами вылей. Эй! Чуешь! въ бумажки его полыхни масла-то, чтобъ не сопрѣли. Да тогда и ложись на сундукъ спать...

— У кого языкъ-то наваривалъ? Въ какой кузнѣ? тоже кричитъ собесѣдникъ, остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Тутъ у знакомаго кузнеца наваривалъ... А что?

— То-то онъ у тебя дюже наваренъ языкъ-то... Много ли далъ?

— За наварку-то? Я за наварку дорого далъ, тысячъ съ полсотни ушло. Али хорошо?

— Провались ты пропадомъ.

— А то воротись. Я бы съ тобой еще потолковалъ... Эй! сосѣдъ!

— Мошенникъ! вопіетъ собесѣдникъ, скрываясь за уголъ.

— Ай не любишь? Ха-ха-ха! издѣвается отецъ и съ сіяющимъ побѣдою лицомъ зоветъ меня.

— Вотъ они, богачи-то, посадивъ къ себѣ на колѣни и поглаживая мою голову, говоритъ онъ.—Ванятка! чуялъ, что ль? Крикни ему, дураку: эй, воротись, молъ, тятенька тебя еще разъ-другой хорошенько наколпачутъ. Крикни ему!

Въ отцѣ, въ его рѣчахъ, въ его лицѣ столько побѣждающей правды, что глядя на него и слушая его, едва-ли можно когда-нибудь получить аппетитъ къ богатству.

II.

Жизнь моего отца вовсе не такъ бѣдна впечатлѣніями, чтобы его бѣдный, заброшенный и неразвитый умъ не получилъ потребности раздумывать вообще о жизни человѣческой, и цѣнить въ ней только свободное развитіе нравственныхъ движеній души. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не

даромъ указывалъ на портреты своихъ предковъ. Прадѣдушка его, а мой пращуръ, былъ изображенъ на портретѣ (портретъ этотъ цѣлъ у насъ) масляными красками, худенькимъ старичкомъ, съ живыми, внимательными глазами; съ подстриженными на лбу волосами, лѣстовкой на одной рукѣ; на затылкѣ его надѣта какая-то скуфейка, на плечахъ мужичій кафтанъ. Въ оригинальности его костюма, взгляда, съ помощью кой-какихъ свѣдѣній, разсказанныхъ отцомъ, видно, что человѣкъ жилъ слушаясь себя, своихъ убѣжденій, которыя, какъ бы ни были они нелѣпы, охватывали мельчайшія подробности личной жизни, вплоть до мерина, и были въ полномъ согласіи съ общественной его дѣятельностью. Худо ли, хорошо ли, но во всѣхъ и домашнихъ, и общественныхъ дѣлахъ, у него работала мысль, что́ дорого даже съ механической стороны; тутъ, навѣрное, была жизнь. Но порядокъ, гонявшійся за нимъ по лѣсамъ, разорявшій его часовенки и кельи, съ цѣлью наполнить его голову болѣе здравыми понятіями, въ родѣ, напримѣръ, того, что пожары нужно заливать изъ пожарныхъ трубъ, что квартальному нужно давать дань и т. д., внѣдряя какую-нибудь изъ подобныхъ идей уничтожалъ зародышъ самостоятельной мысли. Я весьма сожалѣю, что въ нашей портретной галлереѣ недостаетъ портрета моего прадѣда, а есть пращуръ и дѣдъ. Но если я представлю себѣ постепенное развитіе порядка,

и предположу, что порядокъ поработалъ во времена прадѣда въ свою пользу не мало, то и тогда мнѣ будетъ отчасти понятна разница между фигурой начальника нашего рода и фигурой его ближайшаго потомка. Дѣдъ изображенъ уже не въ мужичьемъ кафтанѣ, а въ длиннополомъ нѣмецкомъ сюртукѣ, къ которому недостаетъ только цилиндра на вытянутую коломъ голову, чтобы быть вполнѣ уродомъ. Потрудитесь отыскать въ этихъ глазахъ, выглядывающихъ съ самого верху узкаго лба. почти подъ проборомъ жирныхъ волосъ, какое-нибудь подобіе самостоятельной (хоть и глупой) мысли прадѣда,— ея нѣтъ и слѣда. Это — церковный староста, которому генералъ подалъ руку и осчастливилъ, или гражданинъ съ двумя головами сахару подъ мышкой, ожидающій начальника, чтобы поздравить и попросить прощенія. Для этого человѣка, по всей вѣроятности, уже коротко извѣстно, что назначеніе человѣческой жизни — поднесеніе хлѣба-соли на блюдѣ, плошки, дани. медаль и т. д. Отцу моему, принимая въ разсчетъ быстрые успѣхи прогресса, предстояла еще бо́льшая возможность превратиться въ настоящаго лавочнаго осла со спеціальною цѣлію надувать и грабить согражданъ, но случилось такъ, что уродился или «вышелъ» онъ не въ отца, а въ прадѣда; лѣтъ съ шестнадцати стала надоѣдать ему лавочная жизнь и въ головѣ забродило богъ-вѣсть что; сталъ онъ читать

книжки—Инклъ и Ярико... Предсказаніе индійскаго врача и т. д. Захотѣлъ писать стихи и выводилъ каракули, начинавшіяся словами «скучно, скучно молодцу, да скучно мнѣ!» Послѣ него осталась тетрадка, гдѣ нацарапано стихотвореніе подъ именемъ «Скука». «Пріемлю лиру въ руки и горесть разгоняю (начинается стихотвореніе), но протяженны звуки рождаютъ горесть паки». Далѣе говорится, что даже и «млекосочны маки» болѣзни сей не уменьшаютъ. Вообще скука угнетала его; незнавшаго, за что ухватиться; отъ писанья стиховъ (грамотѣ его выучила бабка; мать, которой онъ лишился очень рано, была неграмотна) онъ вдругъ предавался мечтѣ поступить въ монахи, да такъ, чтобы зарыться въ землю по шею, на вѣкъ, или сдѣлаться силачемъ. Пока былъ живъ отецъ, малый колобродилъ потихоньку, но по смерти отца, послѣ котораго, наравнѣ съ двумя другими братьями, получилъ часть наслѣдства—не вытерпѣлъ скучнаго житья и сталъ колобродить въ явь. Прежде всего, какъ за самое ближайшее и общедоступное, отъ скуки, средство, взялся онъ за пьянство.

Началось съ того, что поѣхалъ онъ изъ города къ кому то на свадьбу въ село Дубки, а его завезли въ Дубы; надо было зайти въ кабакъ распросить про дорогу. А въ кабакѣ въ это время сидѣлъ дворовый человѣкъ и игралъ на флейтѣ. Черезъ полчаса отецъ уже угощалъ его, узналъ,

что это и знатокъ своего дѣла, и «душа», просилъ выучить на флейтѣ и готовъ былъ въ ножки поклониться. Недѣли двѣ дворовый человѣкъ училъ его музыкѣ, получая и угощеніе и деньги, за «обученіе амбушуру», и наставляя своего питомца въ наукѣ жизни. Какъ они очутились въ Нижнемъ, долго ли тамъ пробыли и что́ дѣлали— отецъ никогда порядкомъ припомнить не могъ, но уроки «амбушура» прекратились по случаю того, что отецъ сдѣлалъ въ какомъ-то трактирѣ «мордобой» половому изъ-за селянки. Половой бросился за будочникомъ, а отецъ на пристань, откуда тотчасъ же и уплылъ. Очнулся онъ близь какого-то монастыря. Трогательный звонъ, сзывавшій братію къ ночной молитвѣ, сильно подѣйствовалъ на его, отягченную грѣхами, душу; онъ не понималъ, а чуялъ, что всѣ эти отличнѣйшіе люди, съ которыми онъ безпутничалъ,—«не то», что съ ними для души сдѣлаешь немного, и пожелалъ очистить душу молитвою. Онъ вылѣзъ на берегъ, отслужилъ молебствіе и попросилъ позволеніе побыть въ монастырѣ для молитвы. На другой же день онъ нашелъ отличнѣйшихъ, задушевнѣйшихъ людей, принялся исполнять правило, послушаніе, сталъ поститься, пьянствовать, и желалъ принять схиму. Одинъ монахъ продавалъ-было ему за сходную цѣну вериги и предлагалъ заковать его въ нихъ на вѣки вѣковъ; но отецъ и тутъ почуялъ, что нѣтъ настоящаго, и кончилъ дѣло спасенія

пьянствомъ, дракой и бѣгствомъ. Съ пьяну и съ глупу исколесилъ онъ всю Волгу. Въ Астрахани перезнакомился съ персіанами, хотѣлъ ѣхать въ Персію, учился у нихъ, ходить по выкуплой сторонѣ надутыхъ вѣтромъ парусовъ, но упалъ и разбилъ бокъ. Выздоровѣвъ, въ Персію не поѣхалъ потому только, что сошелся очень близко съ замѣчательнымъ силачемъ, изъ нѣмцевъ, поднимавшимъ на одномъ пальцѣ десять пудовъ; этотъ силачъ ограбилъ его и чуть было не убилъ, такъ что блудный сынъ волей-неволей принужденъ былъ возвратиться въ свое отечество. Это былъ первый походъ за нравственными ощущеніями. Онъ не только не научилъ отца цѣнить лавочный рай, но, напротивъ, заставилъ еще больше призадуматься о своей беззащитной душѣ. Позанявшись торговлей съ полгода, скоро потомъ онъ снова сорвался и съ деньгами, вырученными отъ братьевъ за свою часть въ торговлѣ, отчалилъ съ родины на этотъ разъ—навсегда.

Дальнѣйшія скитанія моего отца продолжались болѣе двѣнадцати лѣтъ, отличаясь тою же беззаботностью мечущейся души. Пьянство, какъ самое существенное средство залить горе своего убожества, стояло, разумѣется, на первомъ планѣ, перемѣшиваясь съ самыми разнообразнѣйшими душевными привязанностями: то опять хотѣлось писать стихи, то поступить въ монахи, то сдѣлаться актеромъ. Отецъ мой всюду совался, всюду тратилъ по-

слѣднія крохи отцовскаго наслѣдства, угощая профессіонистовъ разныхъ художествъ, шатался съ труппами, приставалъ къ хору цѣвчихъ и пилъ, ибо, едва стакнувшись съ какою-нибудь заочно любимою профессіею, чуялъ свое невѣжество и трусость продолжать дѣло. Въ сущности. отъ этихъ скитаній отецъ вынесъ только одно практическое качество—умѣнье играть на гитарѣ двѣ, три чувствительныя пьесы, отъ которыхъ впослѣдствіи плакала матушка, да еще внѣшній отпечатокъ бродячаго человѣка: онъ былъ небольшаго роста, сухощавъ, съ довольно хорошими и добрыми глазами; костюмъ его всегда былъ именно такой, который рекомендуетъ человѣка безъ званія и дѣла: какой-то пиджакъ, съ разодранными локтями, или бешметъ, и на ногахъ опорки, а на головѣ иной разъ появляется изорваннѣйшая шапка съ краснымъ околышемъ, неизвѣстно откуда попавшая въ нашу сторону.. Бороду онъ брилъ и волосы носилъ длинные, за ухо, я помню эти волоса—черные и съ большой сѣдиной.

Конецъ этихъ безплодныхъ скитаній, по всей вѣроятности, былъ бы для моего отца, оставшагося безъ денегъ, весьма плохимъ, еслибы ему не помогъ выбраться хоть къ какому нибудь пристанищу одинъ добрый человѣкъ. Это былъ какой-то «добрый баринъ», когда-то погуливавшій съ отцомъ; онъ случайно встрѣтилъ отца въ Москвѣ, когда послѣдній, въ отчаяніи за будущее, хотѣлъ продаться

въ солдаты. Баринъ взялъ его съ собою въ одну замосковную деревеньку и опредѣлилъ садовникомъ, такъ-какъ отецъ совался прежде и въ это дѣло. Очутившись въ чужой сторонѣ и видя, что выхода не предвидится, да и идти некуда и незачѣмъ, отецъ мой пріутихъ, пообдумалъ свое положеніе и занялся дѣломъ усердно, и скоро женился на дьячковской дочери, моей будущей матери. Годъ они жили покойно, оба занимаясь садовымъ дѣломъ, но послѣ моего рожденія отецъ заскучалъ вновь... Въ свою сторону выѣхать было не съ чѣмъ; отецъ рѣшился переѣхать въ городъ, чтобы меня поставить «на настоящую дорогу», если не пришлось самому быть человѣкомъ. Переѣздъ совершился при помощи барина, моего дѣда-дьячка и всего имущества родителей, которое, по этому случаю, было распродано. Въ губернскомъ городѣ, при помощи родственника матери, служившаго въ одномъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, была отведена намъ безплатно земля въ подгородной слободкѣ и выстроенъ крошечный домишко. При домѣ отецъ развелъ питомникъ фруктовыхъ деревъ, вывезенныхъ изъ деревни, и, по недоразумѣнію, думалъ, что занимается ими, тогда какъ, съ перваго же дня нашего поселенія, съ перваго бревна, положеннаго въ основу домишка, всѣ заботы о нашемъ питьѣ и ѣдѣ всею тяжестью легли на матушку; а отецъ

сталъ скучать, попивать, подумывать о томъ, что хорошо бы на Донъ («тамъ мѣста!») и браниться.

Чужая сторона много помогла усиленію этой брани, злости и питья водки. Сторона эта не нравилась ему по многимъ причинамъ. Природа здѣшняя была не та, что на Волгѣ, гдѣ онъ привыкъ видѣть широкіе виды, богатыя мѣста. Рѣкъ большихъ тутъ не было, лѣсовъ тоже; не было тутъ расписныхъ ставень, пѣтуховъ и коньковъ на крестьянскихъ избахъ, не случалось слышать вновь сочиненной пѣсни, встрѣчать красной франтовитой рубахи; все было мелко, мало, бѣдно, все утихло, какъ будто умерло... Взамѣнъ всѣхъ этихъ пустяковъ царствовалъ одинъ только порядокъ, который, какъ извѣстно, въ мѣстностяхъ около Москвы, вводился почти съ незапамятныхъ временъ; такъ что когда пришлось жить здѣсь моему отцу, — все уже было привинчено къ своему мѣсту прочно, туго, на вѣки-вѣковъ. Не было людей,—были породы чиновниковъ, купцовъ, господъ, мужиковъ, всякая порода имѣла свои зоологическіе признаки, тогда какъ у мѣщанина его никакъ не должно было быть и не было; чиновникъ непремѣнно ходилъ сгорбившись, былъ худъ, мокръ, и кожу имѣлъ зеленую; дьяконъ непремѣнно имѣлъ басъ, священникъ — теноръ и т. д. Породы передавали эти качества изъ поколѣнія въ поколѣнія; вмѣстѣ съ ними передавалось этимъ поко-

лѣтіямъ, умѣнье исполнять именно тѣ жизненныя цѣли и обязанности, которыя соотвѣтствовали той или другой породѣ. Обязанностью мужика было — ждать обиды отъ всѣхъ, говорить одно слово: «за что-же?» и пить съ горя. Обязанностью чиновника — говорить мужику и другимъ сословіямъ: «нельзя!», клевать со всѣхъ крохи и пить отъ несправедливости; баринъ обязанъ былъ баловаться и пьянствовать отъ скуки; купецъ—мошенничать и угощать. Всѣмъ даны были мѣста, отведены стойла, съ перегородками, удобными лишь на то, чтобы вырвать у сосѣда изъ высоко поднятой морды клокъ сѣнца... Съ этимъ ли народомъ, нечувствовавшимъ, что у него на плечахъ есть голова,—съ нимъ ли возможно было моему отцу водить компанію, дружбу? Ему ли не соскучиться съ людьми, незнавшими, что́ такое мысль,—тогда какъ онъ десятками лѣтъ скитаній пріученъ думать о душѣ, о ея потребностяхъ, и такъ-ли, сякъ-ли, а имѣлъ понятіе, каковы именно бываютъ эти потребности... Въ этой упрощенной сторонѣ отцу моему не съ кѣмъ было сказать слова, ибо спеціалисты по «своимъ частямъ» не могли постигнуть буквы въ его разсужденіяхъ и сразу стали смотрѣть на него какъ на шута, на сумсшедшаго...

— Нѣтъ, надо, я вижу, убираться намъ отсюда, говорилъ онъ чуть-ли не съ перваго дня знакомства съ новыми городскими сосѣдями.

— Полно тебѣ чудить! Ну, куда ты уберешься? возражала ему на это матушка... Ишь голова-то у тебя какая непокойная... Куда еще идти?

— На Донъ, на Донъ надо... Тамъ мѣста...

— И-и, сумашедшій. Право, ей-богу съума сходишь...

Матушка отговаривала его съ тайной боязнью, какъ бы онъ не ушелъ въ самомъ дѣлѣ; она, наравнѣ съ другими, сама считала его отчасти чудакомъ. Но храбрившійся отецъ самъ чуялъ, что теперь ужь ему не уйти, онъ не одинъ, у него домъ, семья,—оставить всего этого такъ ни за-что, ни про-что—нельзя и надо терпѣть... Онъ терпѣлъ и бранился.

— Ахъ онъ, неумытое рыло!.. бывало ворчитъ онъ, доставая изъ шкафа рюмку, чтобы выпить... собака я, что-ли, что онъ меня держитъ въ сѣнцахъ, а?

— Что-жь тебя на диванъ что ли, сажать? возразила матушка.—Онъ благородный, небось!.. Гдѣ-жь это видно, чтобы мужика рядомъ съ собой...

— Да я его, каналью, къ себѣ бы въ домъ не пустилъ, ежелибъ не бѣдность. Покажь я ему ассигнацію,— вѣдь онъ въ ноги ко мнѣ упадетъ ..

— То-то, ассигнацій-то у насъ мало съ тобой..

Отецъ уклоняется отъ прямаго отвѣта, и все ворчитъ ругательства...

— Да будетъ тебѣ, христа ради! говоритъ матушка,

сильно опечаленная.—Ну, что ты ворчишь? Душу только вытягиваешь...

— Свиньи они.

— Тебѣ какое дѣло? У тебя всѣ свиньи, а ты только водку потягиваешь... Поди-ка, послушай, никакъ кто-то стучитъ въ сѣняхъ... За твоимъ бормотаньемъ да руганьемъ и не услышишь, кто войдетъ.

Оказывается, что стучитъ родственникъ матушки, чиновникъ.

— Поди, Иванычъ, отвори ему... будетъ цѣдить-то.

— Зачѣмъ это? Кого это несетъ?

— Кирилъ Кузьмичъ идетъ .. Отвори же!.. Что-жь онъ, докуда будетъ...

Но отецъ не особенно торопится.

— Кто его просилъ? Что я ему за компанія? говоритъ онъ, отпирая мокрый отъ водки ротъ. Шелъ бы въ свое стадо, въ гости-то, а не ко мнѣ... Я вѣдь для него прохвостъ... чего-жь онъ сюда?

Наконецъ, несмотря на неудовольствіе, отецъ впускаетъ гостя, но компаніи дѣйствительно не можетъ составить для него никакой...

Гость здоровается, усаживается, и мало по малу заводитъ длинную матерію о начальствѣ, о неправдахъ, несправедливостяхъ, о циркулярахъ...

— А гражданская палата... во исполненіе предписа-

нія... Какъ? а гдѣ же, говорю, циркуляръ за № три тысячи пятьсотъ сорокъ-седьмымъ? Какимъ образомъ? Нѣтъ ужь, извините, – за правду.

Длиннѣйшій потокъ канцелярскихъ новостей льется изъ устъ чиновника, не переставая долгое время; отецъ, на лицѣ котораго написано полное непониманіе и невниманіе къ чиновничьему монологу, поддакиваетъ изъ приличія и потягиваетъ водку, которая уже давно на столѣ. Лицо его все краснѣетъ и наливается; онъ начинаетъ кашлять и даже въ короткихъ звукахъ поддакиванія слышно, что языкъ его ходитъ не бойко...

— Па-азвольте сказать... вдругъ, прерывая интереснѣйшее мѣсто, до котораго только что добрался разсказъ чиновника, произноситъ отецъ... Оставьте это!.. Сдѣлайте милость...

— Чего-съ?

— Будетъ! Оставь!.. Что мелешь?

— Я дѣло разсказываю вамъ, обиженно обороняется гость, налегая на «вамъ». Отецъ тупо смотритъ въ землю и слабо махаетъ рукой...

— Мы твоихъ дѣлъ не понимаемъ... Не нужны они намъ... А ты такъ... свое...

— Я вамъ не угодилъ? въ такомъ случаѣ я замолчу.

— Гов-вори!.. Я нешто... Господи помилуй! развѣ я про то?..

— Я замолчу! усаживаясь молча на стулъ произноситъ гость, совершенно обидѣвшись.

— Не ннадо! Не молчи... Утверждай твое мнѣніе! Сдѣлай одолженіе...

— Что же я могу? Я говорилъ—вы не желаете...

— Оставь свою канцелярію... Вотъ объ чомъ!.. Свои слова...

Отецъ стучитъ пальцемъ въ столъ и пытается постучать, для усиленія рѣчи, ногой въ полъ, — нога плохо слушаетъ его.—

— Свои слова имѣете?

— Какія же у меня свои?

— Не имѣете?

Хмѣльными, неподвижными, какъ будто необыкновенно внимательными глазами, отецъ смотритъ въ упоръ гостю, и выжидаетъ отвѣта.

— Не имѣете... словъ?

— Авдотья Ивановна, обращается чиновникъ къ матери:—что имъ угодно?

Мать давно уже тревожится этой бесѣдой; чувствуя, что дѣло идетъ не къ добру, она нѣсколько разъ дергала отца за рукавъ, но тотъ ничего этого не замѣчалъ.

— Оставь! Оставь пустое! уговаривала она отца.— Что вы, Кирилъ Кузьмичъ, на него смотрите... Кушайте... Закусите, прошу покорно... Оставь ты!..

— О Богѣ... можете? продолжаетъ отецъ, придвигаясь къ гостю:—а-а Бог-гѣ?.. можете отвѣчать?..

— Что же вамъ угодно знать о Богѣ? иронически произноситъ чиновникъ.

— Какъ вы сами...

— Мнѣ кажется, продолжаетъ въ томъ же тонѣ гость: — довольно будетъ знать и того, что мы его боимся...

— Боитесь?..

— Что́ же васъ удивляетъ? Да, боюсь... а разсуждать мнѣ нѣтъ времени.

— Пач-чиму? По какому случаю опасаетесь?..

— Я обязанъ, какъ всякій христіанинъ, его бояться...

— Боюсь... боюсь, бормочетъ отецъ:—а-а чѣмъ онъ васъ напугалъ?

— Оставьте его, Кирилъ Кузьмичъ! Кушайте пожалуйста! упрашиваетъ матушка.

— Чѣмъ онъ тебя напугалъ? вдругъ, возвышая голосъ, повторилъ отецъ съ настойчивостію... Чѣмъ онъ тебя...

— Нѣтъ, ужь извините! поднимаясь со стула, въ гнѣвѣ произноситъ гость:—я пойду!..

— Останьтесь пожалуйста! Что вы.. онъ всегда такой.

— Чѣмъ онъ тебя напугалъ? Отвѣчай мнѣ! ужь вопіетъ отецъ на всю комнату. Чиновникъ торопится уйдти,

хватаетъ шапку, палку, прощается, и матушка не смѣетъ удерживать его потому, что отецъ сѣлъ на своего коня.

— Ахъ вы, мошенники этакіе! Ахъ вы, канальи негодные!.. Д-дѣла у него! О Б-богѣ не вр-ремя ему... Стой! Гдѣ ты тамъ, желѣзный носъ!.. Поди сюда, я тебѣ объясню... Эй...

— Скотина! прощается желѣзный носъ, и исчезаетъ.

— Что-о? Б-бога забылъ?... Я тебя... Я тебя, каналья... Гдѣ палка? я тебѣ покажу...

Онъ хочетъ встать, но матушка не пускаетъ его. Отецъ никогда не кричалъ на мать, хотя въ ея словахъ и было къ чему прицѣпиться; онъ остается на мѣстѣ, но не перестаетъ браниться и ругаться.

— Ахъ ты, свиная щетина! Д-дѣла! По карманамъ шастать, народъ пугать, а душа-то гдѣ твоя! Свинья ты скоромная!

И потомъ:

— Выѣли, выѣли изъ васъ душу! Вынули! Какъ искусно выхватили... любо два! Ахъ, такъ ловко! Ему все одно,— Богъ не Богъ, душа не душа—одно—канцелярія... пере... жарь!.. Гнать ихъ отсюда, стрекулистовъ, надо... Нѣтъ, на Донъ, на Донъ иду... Провались вы пропадомъ, разбойники...

— Спи-и! Колобродникъ, когда ты перестанешь! усовѣщеваетъ его мать:—Ванюшкѣ не даешь покою.

— Ванюшка! кричитъ отецъ. — Не ходи, братъ, въ чиновники... Чуешь, что-ли? Не стоитъ того дѣло... Ей богу... Всѣ они вотъ что—тьфу! Слышишь, что ль?

— Да слышимъ, слышимъ.

— Не ходи. Плюнь. Ну,—спи!

Бормотанья идутъ шопотомъ. На другой день отецъ мраченъ и молчаливъ, пока не опохмѣлится и не войдетъ въ колею.

Матеріалъ ему всегда есть.

Сидимъ вечеромъ на крыльцѣ, во дворѣ, всѣ трое—отецъ, мать, я. Разговоръ идетъ кой о чемъ. На дворъ входитъ новое лицо, — одна изъ сосѣдокъ, матушкиныхъ пріятельницъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте!

— А я къ вамъ бѣжала. Какія дѣла-то! Какіе смѣхи! Господи!

Гостья усаживается къ намъ на крыльцо, и задыхаясь отъ смѣху, распахиваетъ платокъ, освобождая грудь для того, повидимому, чтобы съ полнымъ просторомъ разсказать про какія-то дѣла и смѣхи.

— Что такое? спрашиваетъ отецъ:—въ чемъ дѣло?

— И-и то-то смѣхъ-то, Господи. Комнату мы сдавали... Знаете?

— Ну?

— Въ прошломъ годѣ жилъ писецъ,—а ноне Богъ послалъ генерала.

— То-то сласть-то!

— И сласть, ужь именно сласть! Отставной этотъ, милые мои, генералъ-то. Одинокій,—родни не имѣетъ и холостой. Вотъ онъ, милые мои, нанялъ комнату,—переѣхалъ, сидитъ. Сидѣлъ-сидѣлъ,—видно, его скука взяла, вышелъ, походилъ такъ-то. «Это что-же́, говоритъ, бочка у васъ съ водой не накрыта?»—Отвѣчаемъ: была, молъ, накрыта, да вѣрно взялъ кто нибудь. «Кто взялъ?» «А не знаемъ». «Какъ не знаемъ? Кто взялъ? Ты какъ смѣлъ взять крышку?» Дальше больше, — открылъ онъ противъ насъ чисто какъ битву. «Это что?» «Почему такъ?» «Чьи куры? Загнать! Запереть!»

— Къ командѣ пріучонъ, замѣчаетъ отецъ

— Къ кам-мандѣ, ужь точно закомандовалъ онъ насъ, просто вотъ хоть возьми да иди за будочникомъ чтобы его уняли. Ворочаетъ съ мѣста на мѣсто,—смерть наша пришла, руки всѣ обломали, пошла я къ зятю, призвала его къ себѣ, говорю: «поди ты, усовѣсти его,—что это такое?» Зять къ нему. «Такъ и такъ, говоритъ, сдѣлайте милость, ваше благородіе, ужь вы это оставьте. Мы вамъ власти не давали надъ собой,—и сдѣлайте милость, ужь вы насъ не безпокойте. У васъ есть свой упокой—вы ужь тутъ... А въ наши мѣста оставьте... Даже въ

случаѣ чего, мы и къ мировому... Извините. Такъ-то». Обругался всякими словами, ну, однако остался...

— А-а! съ удовольствіемъ произноситъ отецъ. - Остался? Ну-ка что онъ безъ каманды-то можетъ? Ну-ка ну!..

— Ну, остался онъ, — сидѣлъ, сидѣлъ, — призываетъ... — «Хочу, говоритъ, приплатитъ еще рубль серебромъ, — только чтобы въ саду-бы мнѣ въ вашемъ гулять». Посовѣтывались мы, рубъ взяли, — «извольте». А мы садъ запираемъ,—потому неровно зайдетъ корова, али коза,— пожретъ фруктъ,—намъ это нельзя. Хорошо. Пустили его мы въ садъ. Погулялъ онъ, пришелъ назадъ. И на другой день пошелъ. Идетъ оттуда. — «Червь, говоритъ, у васъ тамъ»...—Есть, молъ, отъ него не спасешься.—Какъ не спасешься? Почему?... — Много, молъ, его... — Я выведу...—Нѣтъ ужь, говорю, лучше вы оставьте.

— Опять его на команду потянуло, замѣчаетъ отецъ.

— Потянуло, другъ, потянуло... Ну, — скрылъ. За молчалъ. На третій день и не видила я, какъ онъ туда ушолъ то. Иду такъ-то мимо саду, вижу замокъ изнутри виситъ. «Когда жь это, думаю, онъ туда пролѣзъ? И часъ, и два,—все нейдетъ. Пошла я поглядѣть, ужь нѣтъ-ли какой его выдумки, — а онъ... (тутъ разсказчица задохнулась отъ смѣха), а онъ... на деревѣ, милые мои, на самой-то верхушкѣ, на эдакой на страсти, на высотѣ,— съ тазомъ. Сидитъ тамъ съ мочалкой, да моетъ дерево,

ровно-бы чашку чайную, либо тарелку. Замерла я такъ-то со смѣху, зову его оттуда назадъ: „что вы, говорю, господинъ генералъ, все вы намъ переломаете, такъ нельзя. Слѣзайте оттуда. Отопритеся, сдѣлайте милость. Что вы!“ Нѣтъ! Ни словечка — сидитъ, притаился съ мочалкой, ровно бѣлка. Собрались мы всѣ, стали стыдить. Сталъ ругаться оттуда: „Сволочь“ и такъ и эдакъ, а самъ намажетъ мочалку мыломъ, да по суку и третъ... То-то смѣху-то было! То-то смѣху-то! Насилу, насилушки слѣзъ!... Ну, мы ключъ отняли у него, потому лазучи по сучьямъ много онъ фруктовъ посшибалъ.

— Ну, и что же? теперь-то какъ?

— Чижа учитъ воду таскать!..

Всеобщій смѣхъ.

— Ай безъ команды-то дѣться нѣкуда вамъ! Небось, завоешь... Вотъ и генералъ!

— Ужь генералъ! уморушка да и только.

— Д-да! Мы и въ генералахъ не были, а пожалуй что не полѣземъ съ мочалкой на древо. Вынули у него душу-то, вотъ ему—безъ команды, и нѣту ничего... Ванятка! не ходи, братъ, въ генералы! Видишь,—какъ ему пришло? Не ходи... Лучше прямо полѣзай на дерево А то вотъ онъ все слушался-слушался, палилъ-палилъ, билъ-билъ народъ, по заказу,—о себѣ-то и нѣтъ ничего. Слышишь, что ли?

— Слышу.

— То-то. Плюнь. Не ходи. Такъ чижей?

Разсказчица смѣется, тряся наклоненной головой.

— Вы-бы его, предлагаетъ отецъ:—женили-бы на вашей на Ѳедорихѣ... Ей теперь годовъ семьдесятъ есть, поди.

— Болѣ... Куда!

— Ну—самый разъ ему. А не то и такъ въ любовь войдутъ со скуки. Гдѣ ее взять, команду-то, нѣту ее... Отняли. Куда-нибудь душу-то дѣть надо...

Поутихъ хохотъ надъ генеральскимъ поведеніемъ. Отецъ скрылся на нѣсколько минутъ въ домъ и выходя оттуда, что-то покряхтываетъ и пожовываетъ.

— Ты, что ль, Иванычъ, давеча про любовь, что ли говорилъ? начинаетъ гостья, обращаясь къ нему.

— Я, говорилъ. А что за бѣда?

— Никакой бѣды, а ты вотъ про генерала въ шутку сказалъ, чтобы слюбились они, напримѣръ, въ шутку съ старухой... вотъ мнѣ и пришло въ голову,—бѣда съ ней, любовью-то.

— Какъ не бѣда! насмѣшливо соглашается отецъ.— У васъ, въ вашей сторонѣ, все бѣда. Вотъ ея родственникъ (отецъ кивнулъ на мать),—такъ того, что ни спросишь—все боюсь, да боюсь.

— Ахъ нельзя, нельзя такъ!.. Я что вспомнила. Влю-

бился у насъ, сударики мои, чиновникъ, вдовый и почтенный человѣкъ, въ женщину... Такъ страсть какъ измучился!.. Первымъ долгомъ, какъ тамъ они сдружились, прости Господи, вошло имъ обоимъ въ голову написать какую-то, милые мои, клятву на образѣ.

— Зачѣмъ же такъ-то?

— А ужь не умѣю сказать. Со страху, что ли, они, али какъ. И женщина-то, прости Господи, тоже, надо быть, съ робости, прачка она, не шла безъ клятвы-то. «Напиши, говоритъ, на образѣ». Ну, чиновникъ сначала упирался, думалъ какъ-нибудь такъ! опасался, какъ бы чего не было худа... Робкіе!.. Однако написалъ.

— Написалъ?..

— Д-а-а. Написалъ, говоритъ, я (самъ онъ это все разсказывалъ), и обуялъ говоритъ меня страхъ... Такой страхъ, такой страхъ...

— Да что́ же они, дураки, тамъ писали? Зачѣмъ? волнуется отецъ.—Ахъ анаѳемы проклятые, и этого дѣла не умѣютъ.

Не умѣли, не умѣли, истинное слово! Не мнѣ ихъ учить, а нѣтъ, не умѣли. Написалъ, говоритъ, я эти самыя на образѣ слова,—и весь испужался. И она-то, милые мои, тоже испугалась и она-то въ испугѣ. «Что́ это мы, говоритъ, написали, объ какомъ дѣлѣ?»...

— Ахъ черти, ахъ черти поганые. Чего они зѣваютъ-то? Али своего дѣла не знаютъ? Ахъ!

— Дрожимъ мы, говоритъ, отъ этихъ мыслей, ровно бы вотъ сейчасъ громъ насъ обѣихъ расшибетъ въ дребезги. Стали они другъ дружкѣ: «Это все ты»!—«Нѣтъ, ты». Какая тутъ любовь, а чистая одна смерть. По ночамъ, говорятъ, глазъ сомкнуть не можемъ; дѣло свое канцеляркое чиновникъ совсѣмъ позабылъ, сталъ пить, стали ему мерещиться угодники, и все съ угрозами. «Пойдемъ, говоритъ, послѣ обѣдни прикладываться къ образамъ; къ одному приложишься, думаешь, а вотъ этотъ осердится, что я къ нему не приложился». И къ другому приложишься, а тамъ глядишь третій... Что-жь, милые мои? Весь народъ ужь давно изъ церкви разошелся, а онъ все по иконостасу лазаетъ. Придутъ дьячки, насилу, насилу его стащутъ оттуда. Однова лѣстницу приставляли,—забрался воно куда...

— Н-ну, дьяв-вала! качая головой, бормочетъ отецъ:— что жь съ нимъ? Утопился, что ли?

— Нѣтъ, не было этого, сохранилъ его Богъ! Пришло ему отъ этого его согрѣшенія совсѣмъ плохо. «Вижу, говоритъ, что нѣту мнѣ житья никакого, ни спа, ничего нѣту; помолился я Богу, пошелъ къ протоіерею, говорю: такъ и такъ, батюшка. Разрѣшите меня отъ этого. Смерть моя! Снимите съ меня клятву». Разсказалъ ему, какъ

было дѣло. «Спасите», говоритъ. Священникъ подумалъ, подумалъ.

— Уменъ, должно быть, батюшка былъ?

— Умный, умный былъ, говорить нечего.—«Нѣтъ», говоритъ, не могу.

— Какой умный!..

— Д-а! Нѣтъ, говоритъ, нельзя, не могу. Мнѣ самому за это можетъ быть дурно.

— Очень плохо! вставляетъ отецъ —Какъ же? Бѣдовое дѣло.

— Бѣдовое, бѣдовое, другъ. Нѣтъ, говоритъ, не могу. Просилъ, просилъ его чиновникъ-то, ничего не выпросилъ, такъ и ушелъ ни съ чѣмъ. Что́ тутъ дѣлать?

— Ну-ко?

— Совсѣмъ хоть топись—такъ пришло. И правду ты давеча говорилъ, именно бы ему утопиться, да счастливъ Богъ, попался ему какой-то добрый человѣкъ, монахъ, шелъ онъ изъ Іерусалима. Разузналъ это дѣло. «Я, говоритъ, вамъ могу оказать пособіе». Потребовалъ онъ, милые мои, мочалку чистую, разчистую...

— Чистую? трунитъ отецъ.

— То-есть, вотъ самую, что ни на есть. Потребавалъ онъ эту мочалку, налилъ святой воды, помолился— и всю эту клятву и спорхнулъ съ маху одного. «Тутъ-то, разсказываютъ, мы дрожали, Господи!» Того и

гляди, громъ расшибетъ—а какъ отмылъ монахъ-то, ну ужь тутъ...

— Ахъ черти, черти, бормочетъ отецъ.

— Прачку эту онъ сейчасъ вонъ, прочь! «Иди съ глазъ долой!»

— А она-то?

— Да и она-то рада развязаться. Ушла, рада-радехонька... Ну, молъ, тебя и съ любовью съ твоею. Такъ вотъ она какая любовь-то! Насилу, насилу кой-какое худенькое мѣстишко выпросилъ. Вотъ какъ...

— Ахъ, поганые!

— Вѣдь она солдатка, робко вставляетъ матушка.

— Такъ что же?

— Ну, а онъ—чиновникъ.

— Ну?

Отецъ такъ произноситъ это «ну», что матушка совсѣмъ сконфузилась.

— Вотъ и все. Что ну? тихонько произноситъ она.

— Что-жь, что солдатка?

— Дѣйствительно, что ему можетъ быть обидно, желая поправить матушкину оплошность, вставляетъ разсказчица-гостья.

— Вамъ, я вижу, все обидно. Вчера вотъ о Богѣ заговорилъ—обида, про любовь дѣло—тоже. Шутъ васъ знаетъ, зачѣмъ вы только живете, проклятые. Я не васъ,

не васъ! Что вы... Я про этихъ, про вашихъ жителей. Ни Бога ему, ничего не надо.

И т. д.

— Нѣтъ! слышу я вечеромъ, лежа въ постели:—на Донъ уйду! Уйду я отсюда... Монахъ его спасъ! Отъ любви!.. Выѣли душу изъ васъ, выѣли... Нѣту ее!

— Спи, спи христа-ради! уговариваетъ матушка.

— Уй-ду! Уйду, то есть, вотъ только до весны...

III.

Въ планахъ на это бѣгство къ Дону прошла одна весна, другая и третья.

На Донъ отецъ не ушелъ, и на четвертую весну умеръ. Мнѣ было тогда семь лѣтъ. И хотя я не могъ вполнѣ понимать отцовскую брань, хотя эту брань получившую болѣе опредѣленное направленіе въ городѣ, я слушалъ не болѣе трехъ лѣтъ,—тѣмъ не менѣе она сложила мою будущность навсегда. Мнѣ предстояло жить, по смерти отца, въ томъ же непріятномъ ему городѣ, и пришлось-бы непремѣнно попасть въ то или другое стойло, стать въ рядъ той или другой породы, пропитаться тѣми или другими, «заказными» идеями. Матушка, помнившая завѣтъ отца и причину нашего переѣзда изъ де-

ревни въ городъ, т. е. желаніе вывести меня на настоящую дорогу, по всей вѣроятности не пощадила-бы трудовъ (она и дѣйствительно никогда не щадила ихъ), чтобы я могъ завоевать себѣ счастіе лавочнаго сидѣльца, даже купца, чиновника и т. д. Но отцовская брань въ самомъ корнѣ подорвала эти надежды. Я тысячи разъ видалъ, какъ благодаря отцу, богачъ купецъ оказывался дуракомъ, чиновникъ—совсѣмъ безумнымъ. Съ самаго дѣтства мнѣ стали смѣшными (пока безсознательно) слова «богачъ», «благородный» и т. д. Я очень хорошо помню одну минуту въ своей жизни, именно когда я вышелъ весной, послѣ долгой лихорадки, на улицу. Минута эта могла быть приготовлена только бормотаньемъ отца.

Направо, на высокой горѣ, стоялъ городъ весь въ зеленыхъ садахъ; налѣво, въ дали, на краю низкаго луга, гдѣ расположилась наша слобода, виднѣлась узкая полоска неширокой и неглубокой рѣчки. Я могъ бѣжать куда угодно, туда или сюда. Но фигура города,—я очень помню это, — какъ бы оттолкнула меня, — такъ много дурного было о немъ въ рѣчахъ отца; все, что́ онъ ругалъ и бранилъ; все, что́ мнѣ, вслѣдствіе этой брани, было вовсе неинтересно—было тамъ въ городѣ... Я теперь могу объяснить этотъ толчокъ, который ощутило сердце при видѣ города — тогда я просто побѣжалъ со

всѣхъ ногъ въ другую сторону къ рѣкѣ... И съ этого дня, будущій путь моей жизни былъ рѣшенъ.

— Эй, эй! мальчишка, упадешь, упадешь въ воду!. окликнули меня какіе-то голоса, тогда я опрометью разлетался къ рѣкѣ... Я остановился.

— Купаться, что-ль, бѣжишь? Рано! Кто теперь купается? говорилъ мнѣ какой-то сѣденькій старичокъ.

Онъ сидѣлъ съ удочкой въ рукахъ; шапка, кувшинъ, заткнутый тряпкой, и сапоги стояли подлѣ него на землѣ, самъ онъ былъ въ калюшахъ и рваномъ халатѣ.

— Онъ раковъ ловить прибѣжалъ... Такъ, что-ли? спросилъ меня собесѣдникъ старика—молодой, худенькій съ грустнымъ лицомъ мѣщанинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я обоимъ:—такъ...

— Ты вотъ что, возьми-ка вотъ эту банку, да нарой туда че вей... Рой вонъ подъ камнемъ... Молодецъ будешь. Я, братъ, самъ тебѣ услужу...

Я съ удовольствіемъ исполнилъ эту просьбу, выучился, какъ рыть червей, и когда доставилъ, то старичокъ сказалъ:

— Вотъ, братъ, спасибо... Садись теперь, отдыхай...

Я сѣлъ.

— Д-да! повидимому продолжая прерванный разговоръ, началъ старичокъ:—теперь пусть-ка они меня поищутъ... Пускай...

— Образованные! сказалъ мѣщанинъ съ ироніей.

— Д-да! Найди-ко вотъ, куда отецъ-то необразованный ушелъ. Розыщи!.. Отецъ вѣдь дуракъ—невѣжа... Ну, и пусть...

— Мудрены больно, прибавляетъ мѣщанинъ, и вздыхаетъ. Вздохъ этотъ, какъ оказалось впослѣдствіи, относился къ личнымъ несчастіямъ мѣщанина...

— Не такой я человѣкъ, чтобы кривить душой! продолжаетъ старичокъ съ тѣмъ задушевнымъ волненіемъ въ голосѣ, которое показываетъ человѣка мягкаго и добраго.—Бѣдны мы? — такъ вы трудитесь! Что вы за королевы? Что такое «мы благородные»? Трудись! Тебѣ далъ Богъ умъ. А вы хвосты трепать, папироски? Нѣтъ, матушки!.. У меня, можетъ, сердце разрывается глядючи, какъ вы мычитесь за разными щелкоперами,—а ужь душу я свою соблюду. Я поработалъ — нѣту толку, — Богъ съ вами! Живите однѣ!..

— Пущай попробуютъ... отвѣдаютъ...

— Д-да. Сватался часовщикъ. Чего еще? Мало намъ! «Мужикъ невѣжа»! Ну,—какъ угодно!... Не желаете рукъ марать, кусокъ хлѣба заслужить, — живите съ благородными, пока держутъ... А грабить, да кляузничать, да пороги обивать дескать помогите,—нѣтъ, этого не будетъ. Не такой человѣкъ. У меня отецъ въ острогѣ за правду умеръ, Богъ съ вами!.. Мнѣ отъ васъ ничего не надо...

Чтобы черезъ ваше распутничанье мѣста доставать,— плевать мнѣ и на мѣста... Тьфу! Вотъ они мнѣ что... Буду вотъ сидѣть подъ кустомъ да рыбу ловить, ничего мнѣ не нужно... Ничего!.. Тебя какъ звать-то?.. обратился старикъ ко мнѣ.

Я сказалъ.

— Буду вотъ съ Ванюшей... Ты ходи сюда. Будешь, что-ль, ходить сюда?

— Буду.

— Мы съ тобой, братъ, тутъ какъ заживемъ. Въ золотыхъ каретахъ пріѣзжай—не поѣдемъ... Такъ что ли...

— Такъ.

— Уху заваримъ — держись!..

Картина была изображена старичкомъ плѣнительная.

— И отлично! подтвердилъ мѣщанинъ. — Гдѣ тутъ кабачокъ у васъ, почтенный? Я бы мало-мальски прихватилъ.

Старичокъ указалъ, и крикнулъ вслѣдъ удалявшемуся мѣщанину:

— Больше полштофа не хлопочи. Будетъ...

— Н-ну!.. протянулъ мѣщанинъ и скрылся.

Въ ожиданіи его старичокъ сидѣлъ почти молча и только изрѣдка говорилъ про себя: «и отлично, хорошо такъ-то... Плевать я хотѣлъ...». Говоря такъ, онъ не

спускалъ глазъ съ поплавка, какъ будто бы именно въ немъ обрѣлъ онъ это отличное и хорошее.

— Ты приходи, смотри, шепталъ онъ иногда и мнѣ.

Пришелъ мѣщанинъ. Выпили. Старикъ выпилъ умѣренно, поѣлъ хлѣба, перекрестился, поблагодарилъ и прилегъ на бокъ полежать. Удочку его съ удовольствіемъ держалъ я и получалъ указанія, какъ поступать съ ней. Мѣщанинъ все попивалъ по стаканчику; лицо его было все-таки грустно. Иногда онъ про себѣ шепталъ: „пущай!“ и выпивалъ еще стаканчикъ. Но вдругъ онъ какъ-то раскисъ, и внезапно повеселѣлъ.

— Да что же мнѣ-то? воскликнулъ онъ. — И превосходно! Сяду вотъ тутъ и буду сидѣть. Почтенный! обратился онъ къ старичку.

— Что-жь, началъ тотъ

— Ей-Богу! Что мнѣ? Куплю (такъ и такъ васъ всѣхъ),—удочку, залягу,—знать никого не хочу! И богатое дѣло выдумалъ ты, старичокъ. Пра-во. Ну, куда мнѣ теперь? Никуда я не желаю!... Не имѣю интересу, лучше же я тутъ возьму да лягу.

— Именно, братъ, лучше.

— Именно превосходно... Про что же я-то... Изъ-за чего меня погубили... а?... Я тебѣ вотъ что́ объясню... У меня живетъ старушка маменька... (при словѣ маменька, у мѣщанина появились слезы). Ну, Богъ съ ней... Я

именно что любилъ ее, вотъ какъ,—она мнѣ мать! Сколько она талекъ за меня господамъ переносила, чтобы меня въ ученье... Слѣпенькая, бывало, все такъ-то на столъ господамъ кладетъ, эво по скольку; и день и ночь, и день и ночь... все сидитъ слѣпнетъ (опять слезы; мѣщанинъ замолкаетъ, утираетъ ихъ рукавомъ, и потомъ продолжаетъ). Отдали господа въ ученье .. На второй годъ посылаю маменкѣ денегъ... На третій хозяинъ говоритъ: поѣзжай, Аркадій, въ Кіевъ... Я тебѣ довѣряю, заправляй всѣмъ. Тамъ у меня жена и дочь, держи себя аккуратно... (мѣщанинъ плачетъ). Увидалъ я дочку-то, какъ вотъ ровно оторвалось сердце у меня... Ангелъ, одно слово купидонъ... Какое мое было стараніе, — двужильная лошадь того не сработаетъ, а я дѣлалъ, потому видишь ты: иду я изъ лавки, въ кухню, а *она* на крылечкѣ стоитъ. «Аркадій! подойди... Держи себя аккуратно, я тебя люблю, я у родителя испрошу на бракъ напримѣръ»... Какъ это слышать? Такъ я какъ бѣшеный для ней готовъ былъ... Хозяинъ пишетъ: «въ удивленіи, говоритъ, я отъ твоихъ заботъ и благодарю... и не забуду»... Ладилось мое дѣло, почтенный человѣкъ—лучше не надо-бы, и ужь насчетъ дочери-то родителямъ стало извѣстно, только-бы меня испытать мало-мальски, хоть еще годикъ... «Не уйдетъ, говоритъ она-то, Аркадій, наше дѣло .. только крѣпись»... Хорошо ли было, али худо?

— Что ужь еще?

— Вотъ какъ было хорошо, вотъ какъ хорошо... (Мѣщанинъ заплакалъ и продолжалъ со слезами, которыя сыпались изъ его глазъ поминутно, несмотря на то, что онъ ихъ утиралъ). Глядь-поглядь—несутъ письмо. Пишетъ мать:

— «Стара я слаба стала, старушка. Одна одинешенька, нѣту у меня ни роду, ни племени, одинъ ты у меня! пріѣзжай ко мнѣ, утѣшь. Я тебя хочу женить и невѣсту нашла»... Послалъ я маменькѣ денегъ сто цѣлковыхъ:— «маменька, говорю, помню я, какъ вы изъ-за меня тальки носили, по гробъ я этого не забуду: идетъ мнѣ счастье въ руки, повремените годикъ, будетъ у васъ дочь хорошая». Идетъ отвѣтъ. «Стара я стала совсѣмъ, году не прожить мнѣ никакъ, и оправданія твоего мнѣ не дождаться... Мнѣ скучно одной, не съ кѣмъ въ церковь сходить; чаю, говоритъ, не съ кѣмъ напиться... Я изъ-за тебя ослѣпла, а ты и то мнѣ утѣшенія сдѣлать не хочешь... Пріѣзжай по крайности, я хошь обняла бы тебя»... — «Маменька! Что вы меня изнуряете! пишу ей: вотъ вамъ, посылаю еще сто цѣлковыхъ, съѣздите къ Троицѣ-Сергію, али ко мнѣ въ Кіевъ, поклонитесь мощамъ, успокойтесь; не тревожьте меня малое время; какая невѣста у васъ—я се не знаю; что вы меня желаете вогнать въ гробъ»... Идетъ отвѣтъ: «Просила я тебя, сынъ мой, чтобы ты пріѣхалъ,

оставилъ бы свои дѣла для родной матери.... Ты и того не хочешь; я — старая старушка, слабая, куда мнѣ трепаться. Мнѣ передъ смертью на тебя порадоваться съ женой; невѣсту я тебѣ нашла, хочу я тебя обнять, не слушалъ ты меня, изъ-за своего, говоритъ самодержавія, что ты все удерживаешь себя въ Кіевѣ, то принужденная, старушка, обнять тебя (мѣщанинъ залился) по эт-тапу»

— Ка-акъ?

— По этапу, говоритъ, желаю тебя обнять... Черезъ пересылочную, напримѣръ, тюрьму...

— Ловко! сказалъ старичокъ.

Мѣщанинъ выпилъ стаканъ водки и плакалъ.

— Ну, что же? сказалъ старикъ.

— Женила чего-жь еще? Больше ничего, женила на кобылѣ—а я ушелъ отъ нея... Что мнѣ? Узналъ я это «по этапу», сталъ баловаться, сталъ пить, сталъ пить... И хозяева-то стали смотрѣть, какъ на пьяницу: «хорошо еще, говорятъ, что переждали»... «Я, говоритъ, *она*-то, не ждала отъ тебя, Аркадій, такого неаккурату, что ты какъ собака налопался»... Ну, что-жь мнѣ?... Мнѣ все одно!... Поѣхалъ домой: «извольте, обоймите»... Женись! «Извольте. На комъ? На кобылѣ? Извольте. Что угодно!...» А теперь я ушелъ.

Мѣщанинъ махнулъ рукой.

— Эхъ, маменька!.. Люблю я васъ... Ослѣпли вы изъ-

за меня... Н-н-ну, Богъ съ вами... Ничего!.. Какъ-нибудь... Мнѣ теперь ничего не надо .. Лягу вотъ тутъ, и шабашъ!.. Больше ничего... Малютка! адресуется мѣщанинъ ко мнѣ:—мы съ вами тутъ сдѣлаемъ дѣла! Именно... Вы ходите сюда... Я, братъ, отсюда — ни-ни-ни, никуда.

Выпивъ еще стакана два, мѣщанинъ ослабѣлъ. Попробовалъ-было онъ затянуть пѣсню, но не могъ и остановился. Потомъ снялъ сапогъ, сталъ его разсматривать, стучать по немъ кулакомъ и бормотать.

— Что-жь... Ничего!.. Возьму вотъ сыму... сапогъ... д-да...а потомъ надѣну... Ничего? и другой сыму... И наддѣну... И пріотлично... Плевать мнѣ на... И заплакалъ.

Я сталъ шляться къ старичку на берегъ (мѣщанинъ не улежалъ долго и ушелъ въ Кіевъ на богомолье) и повторяю, что съ этого времени будущее мое было рѣшено. Отцовская брань пріучила меня питать инстиктивное отвращеніе къ окружающимъ нравамъ, не указывая никакихъ путей къ спасенію. Теперь въ лицѣ старичка и мѣщанина, я встрѣтилъ людей, которые ужь изобрѣли эти «пути», и могутъ доказать, что лучше этихъ путей другихъ нѣтъ. «Отлично» и «превосходно» — вотъ эпитеты, которые новые знакомцы прилагали къ своимъ изобрѣтеніямъ, — сидѣть съ удочкой, плевать на все, лечь, или, какъ изобрѣлъ мѣщанинъ, — просто взять снять сапогъ, потомъ надѣть,—а тамъ пусть трава не растетъ.

Я попалъ, такимъ образомъ, въ область протеста помощію лѣни, и благодаря симпатичности старичка, вліяніе котораго вслѣдствіе этого было весьма сильно, — и самъ я сталъ въ эти ряды. Не велики были размѣры этого рода протеста. Мало по малу, подъ вліяніемъ старика, я сталъ сходиться и съ другими чудаками того же разбора: то съ какимъ-нибудь охотникомъ до бойцовыхъ гусей или пѣтуховъ, то съ голубятниками, и вообще съ людьми, которые отбивались отъ порядка, отвоевывали себѣ какую-нибудь мельчайшую страсть, какую-нибудь смѣшную профессію. Большею частью бывало такъ, что та или другая мелкая профессія, въ родѣ занятія голубями, была не просто страстью, любовью, а какъ бы протестомъ, въ глубинѣ ея всегда таилось что нибудь такое, что́ рыболова старичка заставляло, бравшись за удочку, говорить: «Ищи вотъ меня! Я терпѣлъ довольно,—теперь вотъ буду ловить рыбу, и шабашъ». «Матушки мои родимыя! кричитъ мѣщанка на всю улицу:—послѣднее, разбойникъ «мой», платьишко заложилъ,—купилъ гуся бойцоваго!» — «Нѣтъ, ты вспомни, отвѣчалъ тоже на всю улицу, разбойникъ, прижимая къ груди только что купленнаго гуся:—вспомни, шельма, какъ ты меня мучила... Да! какъ вы меня съ любовникомъ въ солдаты хотѣли упечь,—канальи!» Глядя на то, какъ любовно прижимаетъ этотъ человѣкъ гуся къ своей груди, и съ какимъ него-

дованіемъ отстаиваетъ свои права на него, нельзя не видѣть, что въ этой покупкѣ не просто забава отъ нечего дѣлать, а протестъ. Мало по малу сталъ я втягиваться въ среду этихъ людей, жившихъ кое-какъ, маячившихъ жизнь помаленьку, лишь-бы какъ-нибудь сохранить въ сердцѣ хоть одинъ уголокъ, куда-бы нельзя было пролѣзть постороннему произволу. Отвоевывая гуся, мѣщанинъ пріобрѣталъ пищу для мысли, интересъ въ жизни, и притомъ такую мысль, такой интересъ, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ, могъ поступать свободно, не боясь даже, что можетъ вмѣшаться будочникъ. Пріобрѣтая гуся, мѣщанинъ удовлетворялъ потребности жить не по заказу, не по приказу. Мнѣ хорошо было въ обществѣ этихъ чудаковъ, потому что здѣсь они смотрѣли на меня какъ на человѣка, какъ на равнаго, и я весьма быстро пропитался идеями, господствующими среди этихъ протестантовъ. Я привыкъ тоже дорожить правами собственной мысли, отвоевывать себѣ такую дѣятельность, гдѣ бы я зналъ что́ дѣлаю, зачѣмъ, и чтобы въ этомъ дѣлѣ мнѣ не мѣшали, чтобы я зналъ цѣль моего дѣла.

Науку (куда меня матушка отдала и о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ) я бросилъ напервыхъ же порахъ потому, что шла она на меня не другомъ, а врагомъ, съ розгой и палкой и давала мнѣ то, чего душа моя не принимала. Я ушелъ отъ нея обиженнымъ, и сталъ,

подобно множеству другихъ, вѣчныхъ представителей толпы, жить тоже «помаленьку», «какъ нибудь», занимаясь чѣмъ нибудь, лишь бы меня не трогали, лишь бы меня «не заставляли».

Протестуя лѣнью противъ вторженій въ мою душу произвола, я прожилъ на свѣтѣ почти тринадцать лѣтъ. Какъ я провелъ эти года, чѣмъ былъ занятъ я, положительно затрудняюсь объяснить. На языкѣ нашей стороны есть, правда, множество выраженій, опредѣляющихъ формы захолустной жизни, напримѣръ: «помаленьку», «кой-какъ», «какъ Богъ дастъ», «надо-же гдѣ нибудь умирать» и т. д. Въ качествѣ захолустнаго жителя, я охотно примѣняю эти опредѣленія и къ моей жизни. Но могу сказать положительно, что какъ ни основательно была разработана во мнѣ лѣнь и умѣнье уйти отъ «заказного» дѣла, не было въ жизни моей минуты, когда бы я самымъ явственнымъ образомъ не чувствовалъ всей ничтожности завоеваннаго мною угла и не тосковалъ; лѣнь помогала только тому, чтобы эти тосковання не приходили ни къ какому результату, кромѣ того, что не дѣлая ничего, не вмѣшиваясь въ дѣла, я смотрѣлъ на нихъ весьма прилежно. Передо мной прошли разныя времена. Времена, когда мы, вмѣстѣ со старичкомъ, считали лѣнь вещью настоящею и говорили о ней «отлично»! Потомъ были времена, когда явилась у меня потребность

сбросить съ своихъ плечъ все старое, вновь родиться на свѣтъ самымъ сильнымъ, энергичнымъ человѣкомъ, ибо чувствовалось, что сердце можетъ жить ощущеніями въ тысячу разъ лучшими, что жизнь закипитъ и забьетъ ключомъ отовсюду, и мнѣ останется одна могила. Я со страхомъ видѣлъ, какъ это время идетъ на меня съ желѣзными дорогами, съ столпами реформъ, все ближе и ближе, и вдругъ, — что же? Случилось нѣчто совершенно необыкновенное. Время это пришло, оно вотъ вокругъ меня, а я не умеръ, а напротивъ успокоился. Какъ ни малъ уголъ, откуда я смотрю, однако же я не могу не видѣть, что среди существующаго общественнаго шума, суматохи и хлопотъ, главнымъ образомъ все на пользу ближнему, — тонкой змѣей вьется тоска, разрывающая грудь безсильной злобой, передъ которой моя лѣнь,— счастіе. Напрасно у домашняго очага, за чайнымъ столомъ, я ищу слѣдовъ того, что составляетъ видимость новыхъ временъ. Шатріанъ могъ въ избѣ французскаго мужика отыскать слѣды государственныхъ переворотовъ въ его странѣ, и на трехъ бабахъ и двухъ мужикахъ показать всю ихъ исторію; поищите же въ избѣ нашего мужика ну хоть слѣдовъ такого переворота, какъ земство,—едва-ли это дѣло будетъ успѣшно... Мужикъ исполняетъ «новыя времена»; мой товарищъ, которому я завидовалъ, вѣря что его сердцу будетъ отъ чего биться, тоже

исполняетъ «новыя времена», и каждому исполнителю, самому-то, ничего не оставлено...

Между машиною новаго порядка и личной жизнью учавствующихъ въ немъ—нѣтъ связи. Новому порядку не нужно ни вашей мысли, ни вашей души, вамъ лично не нужно ничего. Машина порядка дѣлаетъ свое дѣло, а у домашняго очага та же скука и тоска...

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, я зналъ одного чиновника (примѣры у меня все захолустные), Кузьму Егорыча Груздева. Онъ тогда только что съ отличнѣйшимъ аттестатомъ окончилъ курсъ въ семинаріи. Способности онъ имѣлъ быстрыя, позволявшія ему моментально овладѣть всѣми качествами отличнѣйшаго чиновника, такъ что не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ блистательности его карьеры, достигающей до секретарства, любви начальства, собственныхъ домовъ, неслышныхъ мужичьихъ ругательствъ и т. д. Все улыбалось ему. Но при самомъ началѣ этой карьеры, всѣ надежды Кузьмы Егорыча были моментально поглощены требованіями пробудившейся въ пятидесятыхъ годахъ Россіи. Ни одно изъ подававшихъ блестящія надежды качествъ Кузьмы Егорыча не оказалось нужнымъ... «Дѣло нужно, милостивый государь,—а не подшиваніе бумагъ! Слышите-ли? Дѣло-съ!...» пропагандировало начальство, уничтожившее значеніе иглы съ ниткой...—«Ты, свинья этакая,—пропагандировалъ Кузь-

мѣ Егорычу товарищъ въ трактирѣ за чаемъ, гдѣ умѣли прежде шопотомъ толковать «о дѣлишкахъ:»—ты, свинья этакая, не дѣлу служишь, а лицамъ... Убирайся къ чорту, пьянствуй одинъ!..» Какъ это? Зачѣмъ это все пришло? Чѣмъ онъ виноватъ?.. Кузьма Егорычъ былъ запутанъ кругомъ... Съ одного боку слышалось «честь нужна, честь...», съ другого—«совѣсть», «благо», и т. д. Кузьма Егорычъ только повертывался совершенно убитый, съ умоляющими глазами лепеталъ то на право, то на лѣво: «честь? Ты говоришь, честь... Ваня... Что-жь я... голубчикъ... Совѣсть! Опять... Петръ Иванычъ, отецъ, развѣ я... Господи...». Но ни откуда не было ни пощады, ни милосердія... На Кузьму Егорыча налетѣли такія понятія, которыя вовсе въ ходу не были: онъ былъ правъ,—онъ не успѣлъ приготовиться, но его невиннаго затирала льдина времени... Я видѣлъ его однажды въ жалчайшемъ видѣ: онъ стоялъ въ соборѣ въ темномъ уголкѣ, положивъ кисти обѣихъ рукъ на набалдашникъ палки и закинувъ голову назадъ, какъ-бы въ изступленіи отчаянія пѣлъ вслѣдъ за хоромъ: «конецъ при-бли-жается!..» и слезы дрожали въ его голосѣ... Послѣ того, какъ полицейскій поймалъ его на площади, куда онъ выбѣжалъ въ одномъ бѣльѣ, будучи въ бѣлой горячкѣ,—послѣ этого случая я не видалъ его до настоящаго времени. Недавно я опять его встрѣтилъ. Онъ только что пріѣхалъ изъ

Польши. Поглядите на него—запоетъ-ли онъ теперь «конецъ приближается»! Едва-ли. Онъ здоровъ, полонъ, веселъ... Онъ не терзается ничѣмъ; убѣжденія его прочны, и сложились вполнѣ: всякая женщина, дѣвушка,—для него каналья и шельма. «Знаю я васъ, шельмовокъ,—думаетъ онъ при видѣ чуть не годовалой дѣвочки. Я въ Польшѣ... «Канальи»! Знаю я эти земства. мошенники. канальи. .» «Я вотъ тебѣ дамъ литературу». «Я изъ тебя вышибу корректуру»—думалъ онъ, потихоньку присватываясь къ одной дѣвушкѣ, читавшей корректуру губернскихъ вѣдомостей:—я знаю, что у тебя тамъ... Всѣ вы шельмы...» А между тѣмъ этотъ человѣкъ дѣлаетъ одно изъ самыхъ новыхъ дѣлъ, отлично зная, что этому новому дѣлу нѣтъ никакой надобности быть связану съ личной жизнью. Какова-же это личная жизнь? Чтó беретъ воля Кузьмы Егорыча для себя?—Дома онъ ходитъ въ одной рубашкѣ—не стыдясь никого и ничего. Онъ заплатилъ. Въ разговорахъ его, чрезъ каждое слово—пять словъ непечатныхъ; прислуга улыбается на эти слова, и Кузьма Егорычъ знаетъ даже, что она довольна, потому что «всѣ они подлецы» и—заплачено. Тѣ изъ его словъ «дома», которыя можно бы печатать, относятся къ водкѣ и закускѣ: водку онъ уничтожаетъ, пользуясь правомъ полной свободы. Рожа у него, когда онъ дома, постоянно цвѣтетъ, какъ піонъ. Наѣвшись, напившись,—онъ

мечтаетъ жениться на «шестнадцатилѣтней», чтобы она была «совершенный ребенокъ», а пока еще этотъ вопросъ не рѣшенъ (много еще ихъ, каналій, есть, успѣю!)— Кузьма Егорычъ бесѣдуетъ въ своей квартирѣ съ привозными дамами, угощая водкой и любезничая непечатными словами, потому что заплачено... А тѣ, кто моложе его, у кого было прошедшее, полное надеждъ, имъ-то въ этихъ дѣлахъ много ли приходится жить своею мыслью и ими освѣщать свою жизнь.

Недавно на моихъ глазахъ, нѣсколько вполнѣ просвѣщенныхъ лицъ, занимающихъ въ ряду новыхъ дѣятелей видныя мѣста, приняли участіе въ дѣлѣ, достойномъ, пожалуй, только моей скучающей праздности... Было жаркое послѣобѣденное время. Дѣятели спали (спятъ и они, потому, что дѣлать нечего), потомъ проснулись и пошли ходить другъ къ другу. Тѣхъ, которыхъ проснувшіеся заставали спящими, они стаскивали за ноги и будили, говоря: «вставайте, вставайте», не зная, впрочемъ, зачѣмъ это нужно. Спавшіе просыпались и тоже затруднялись опредѣлить—зачѣмъ они это сдѣлали. Разговаривать имъ другъ съ другомъ совершенно не о чемъ, несмотря на то, что они дѣлали цѣлое утро множество новыхъ дѣлъ. «Ну, что?»—«Ничего?» «Какъ?» «Такъ такъ-то». Вотъ что они со всею искренностію могли предложить другъ другу. Впрочемъ, на этотъ разъ я упустилъ изъ виду

одно обстоятельство: въ это время была война, и поэтому нѣкоторое время шелъ довольно оживленный разговоръ о коммунѣ. Могу увѣрить васъ, что всѣ эти господа дѣйствительно образованные люди. Они дѣйствительно способны, развиты, они много читали, много знаютъ, много учились,—но тѣмъ не менѣе, по прекращеніи газетныхъ разговоровъ, имъ оставалось или идти слушать въ саду духовую музыку Бутырскаго полка, или заводить рѣчь о женскомъ полѣ, или сѣсть за карты, или наконецъ послать за бутылкой. Во время этого раздумья, въ комнату, гдѣ сидѣли несчастные люди, донесся со двора голосъ хозяина дома, отца протоіерея.

— Господа! поѣдемте со мной топить кобеля.

Приглашеніе было кстати.

— Какого кобеля? раздались вопросы.

— Да нашего чернаго, старъ и кажется отъ жары, что-то дуритъ... Какъ бы не перекусалъ... Поѣдемте, господа?.. Я со всей семьей.

— Чортъ-знаетъ что такое! послышалось со всѣхъ сторонъ.—Лучше отравить... Что за зрѣлище!

— Право! продолжалъ батюшка.—Отецъ дьяконъ ѣдетъ тоже... а?.. а мы бутылочку захватимъ. Хе-хе.

— Чортъ-знаетъ что такое!

Могу увѣрить, что топить кобеля никто изъ этихъ господъ не имѣлъ никакого желанія; повторяю, что люди

эти настолько развиты дѣйствительно, что вполнѣ могутъ интересоваться болѣе благородными и высокими вещами, тѣмъ не менѣе кто-то изъ нихъ рѣшился произнесть:

— Что-жь господа?

— Право? продолжалъ свою пѣсню батюшка:—самоварчикъ захватимъ... Вамъ все равно, нечего дѣлать. Собирайтесь-ко—все веселѣй.

— Вы далеко ли ѣдете? спросилъ одинъ изъ дѣятелей батюшку (товарищъ прокурора).

— Мы далеко... Отлично на травкѣ... а? господа?

— Вы какъ же, камень, что ли ему? На шею?.. съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ въ голосѣ, произнесъ кто-то изъ земскихъ, довольно крупныхъ дѣятелей.

— Да ужь тамъ увидимъ.

— Его лучше застрѣлить, продолжалъ земскій.

— Не имѣю ружья-то.

— Да я принесу свое, если хотите, вызвался земскій, все-таки съ пренебреженіемъ въ голосѣ.

Нѣсколько другихъ лицъ изъ числа присутствовавшихъ тоже предлагали свое оружіе, порохъ, и готовность, такъ что мало по малу общее мнѣніе начало склоняться въ пользу приглашенія батюшки.

— Мы вотъ какъ, подливая масла въ огонь, говорилъ батюшка:—мы возьмемъ водки, закуски, пирогъ у насъ дѣлали, съ капустой и съ яйцами, превосходнѣйшій.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же!., откликались голоса: — что-жь все вы... Мы возьмемъ водку ,— вы берите самоваръ... Такъ нельзя... Надо, чтобъ было поровну.

— Ну, ладно... Такъ стало быть маршъ?

Очевидно, что всѣ соглашались, хотя и ничего опредѣленнаго не отвѣтили.

Скоро по улицѣ ѣхали батюшкины дроги, наполненныя семействомъ и узлами съ провизіей; за ними два извощика съ гостями; кобеля велъ на веревкѣ мужикъ среди экипажей. На перекресткѣ встрѣтились дроги съ семействомъ отца дьякона. Весело раскланявшись, они присоединились къ общей кавалькадѣ.

— Куда вы? кричалъ съ извощика одинъ изъ двухъ товарищей прокурора, ѣхавшій въ поѣздѣ, пробѣгавшему черезъ дорогу судебному слѣдователю.

— Я хотѣлъ тутъ захватить одну бабу.

— Въ острогъ?

— Да. А вы куда?

— Чортъ съ ней, успѣете. Поѣдемьте съ нами.

— Кто, ну ее къ чорту... Надоѣли они мнѣ чортъ-знаетъ до чего.

Слѣдователь сѣлъ на извощика, и увеличившійся поѣздъ продолжалъ слѣдовать безостановочно, чувствуя что дѣлаетъ какую-то въ высшей степени чушь, вполнѣ по-

нимая, что топить кобеля — чортъ-знаетъ что́ такое, но что въ то же время, почему-то неѣхать нельзя.

Утопили и напились.

Я бы могъ представить и не такіе примѣры скудости личной жизни дѣйствующихъ въ новыя времена лицъ, но это будетъ сдѣлано современемъ. Лично для меня достаточно и этихъ, чтобы оправдывать и свою лѣнь. Питать большія надежды, биться съ нуждой, быть умнымъ, честнымъ, — и все для того, чтобы рано или поздно, за неприложимостію въ жизни всѣхъ этихъ качествъ, поѣхать топить кобеля, — это, какъ хотите, весьма много говоритъ въ пользу простой лѣни и ничего недѣланья, спокойнаго сна. Мнѣ бы слѣдовало быть очень счастливымъ, глядя на эти сцены, но я знаю, что кругомъ меня не все топятъ кобелей,—а порою и сами топятся и рѣжутся.

Я радъ только тому, что имѣю право говорить о себѣ, о томъ, что́ я видѣлъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Воспоминанія по случаю странной встрѣчи.

I.

Послѣ обѣда, часа въ три или четыре дня, слободскія улицы почти совершенно пустынны, особливо лѣтомъ. Слобожане спятъ, забившись куда-нибудь въ холодокъ, въ чуланъ, на погребицу, ругаясь съ просонка на мухъ или храпя, подобно тѣмъ конямъ рущукской баталіи, которые изображены на платкѣ, прикрывающемъ разгорѣвшееся лицо спящаго. А проснувшіеся и усѣвшіеся за самоваръ, долгое время не могутъ придти въ себя, привести въ порядокъ размякшіе члены, и тоже не показываются на улицѣ. Кое-гдѣ пищитъ ребенокъ, оретъ пѣтухъ. Въ такую-то безлюдную пору, по пустыннымъ улицамъ нашей слободы, однажды шатался захожій мужикъ, повидимому, розыскивая что-то или кого-то. Полушубокъ, надѣтый на немъ, несмотря на жару, былъ

разстегнутъ; въ одной рукѣ держалъ онъ шляпу и постоянно вытаскивалъ изъ нея полотенце и вытиралъ имъ мокрое лицо. Потѣлъ онъ, повидимому, и отъ жары, и отъ незнакомой стороны, и даже какъ будто отъ неопредѣленности своихъ желаній. Вотъ подошелъ онъ къ дому купца Косолапова, остановился, тряхнулъ бѣлыми волосами, взялся за кольцо калитки, громыхнулъ, и пошелъ прочь, потомъ опять воротился и принялся грохать кольцомъ безостановочно, разозливъ въ короткое время косолаповскую собаку до невозможности. Купецъ Косолаповъ, по всей вѣроятности, въ просонкахъ спрашивалъ себя: «кто такой это долбитъ тамъ?». По всей вѣроятности, съ тѣми же вопросами обращались сами къ себѣ кучера и кухарки, лежавшіе недвижимо въ жаркихъ кухняхъ и прохладныхъ сѣнникахъ; но такъ-какъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ было желаніе перелечь на другой бокъ, то захожій малый, несмотря на свое усердіе въ разозлѣніи собаки, принужденъ былъ выпустить изъ рукъ кольцо купеческой калитки и, выйдя на средину улицы, взывать въ пространство.

— Почтенные!.. а почтенные? Какъ бы тутъ къ примѣру...

Всю эту исторію я съ большимъ сожалѣніемъ наблюдалъ изъ окна нашего домика. Я, матушка, слесарь Лукьянъ и еще одинъ благородный гость,— всѣ мы си-

дѣли и пили чай. Лукьянъ въ это время былъ постояннымъ моимъ посѣтителемъ. Какъ попалъ ко мнѣ гость благородный, почему онъ, пріѣхавшій изъ Петербурга, розыскалъ меня въ моей трущобѣ, я скажу впослѣдствіи подробно. Теперь же сообщу, что это былъ молодой мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, до краевъ наполненный цвѣтущими желаніями того времени (время тогда было новое, второй или третій годъ послѣ освобожденія крестьянъ), и крайне удивлявшійся, или, вѣрнѣе, вполнѣ непонимавшій и какъ будто въ то же время слегка интересовавшійся моими съ Лукьяномъ разговорами, въ которыхъ ужъ ровно ничего не было относительно новаго времени. Было нѣчто захолустное, облѣнившееся и вздорное...

— У кого пѣтуха то купилъ? спрашивалъ Лукьянъ, дохлебнувъ чай и подавая пустую чашку матушкѣ.

— У офицера, отирая потъ со лба и придвигая къ себѣ новую дымящуюся чашку, отвѣчалъ я.

Разговоръ у насъ былъ отрывочный, потому что мы были заняты дѣломъ чаепитія основательно. Дѣлали это дѣло мы съ удовольствіемъ, торопясь не потерять понапрасну времени, котораго намъ вовсе некуда было дѣвать. Мы опорожнивали чашки, наполняли ихъ вновь, отирали лбы и откусывали куски сахару, столь же бы-

стро и непрерывно, какъ будто нами управляла какая-то невидимая машина. Такъ мы привыкли.

— Имя? спрашивалъ Лукьянъ, словно бы собираясь куда бѣжать.

— Чье имя?

Чье? Пѣтухово имя спрашиваю! Чудакъ!

— Какъ звать, что ли? помогаетъ матушка, неотстающая отъ насъ въ спѣшной работѣ и накинувшая на плечи цѣлое полотенце, вмѣсто того, чтобы вытирать потъ рукавомъ, какъ Лукьянъ, или полой халата, какъ я.

— Извѣстно имя! Чудаки вы, ей-богу. Имя пѣтухово какъ? Есть, чай, имя-то?

— Нѣту еще, говорю я.

— Какъ же такъ нѣту? Это почему?

— Такъ и нѣту... Не придумалъ.

— Нѣту еще! помогаетъ мнѣ матушка.—Надо какъ-нибудь собраться.

— Извѣстно надо. При охотѣ нельзя безъ этого... Золъ?

— И-и, говоритъ матушка.—Чисто изуитъ.

— Ну, мышьякъ! Вотъ ему—ежели золъ.

— Злой!

— Злой?

— Пѣтухъ—Боже мой!

— Ну, мышьякъ... У меня былъ, я тебѣ скажу, пѣ-

тухъ, имя было ему подъ названіемъ «Ядъ», и ужь точно—отрава!.. Ужь братъ, — оборони Богъ! Сохрани царица небесная,—до̀ мозгу! въ восторгѣ вскрикивалъ Лукьянъ:—до̀ мозгу съ одного бацу праш-шибалъ!..

И онъ съ волненіемъ ставитъ пустую чашку.

Благородный гость, на губахъ котораго виднѣлась улыбка, внимательными и недоумѣвающими глазами смотрѣлъ на насъ, иногда принимаясь хохотать, иногда спрашивая: «Ну, что̀ же съ пѣтухомъ... Пожалуйста!» иногда восклицая: «Чортъ знаетъ!..». Онъ думалъ, что теперь «все новое», а тутъ какіе-то восторги изъ-за пѣтуховъ, прошибающихъ до̀ мозгу... Лукьянъ, на поприщѣ куриныхъ вопросовъ, могъ быть положительно неистощимъ. Я, знакомый съ этими вопросами лично, могъ, слушая Лукьяна, въ то же время наблюдать и за мужикомъ, шатавшимся изъ угла въ уголъ по улицѣ. Когда положеніе его достигло до полной беззащитности, и когда онъ остановился посреди улицы, молча держа руку надъ затылкомъ, я увидѣлъ, что въ немъ надо принять какое-нибудь участіе и позвалъ его.

— Это былъ парень лѣтъ тридцати, съ маленькой бѣлой бородкой, кустившейся по концамъ подбородка, съ волосами, подстриженными въ кружокъ и круто вившимися на лбу, напоминая бараньи рога. Глаза у него были блѣдно-сѣрые, какъ будто безъ зрачковъ, и произво-

дили впечатлѣніе человѣка, помѣшаннаго на какой-то мысли, которая угнетаетъ мозгъ, какъ камень.

— Ты кого ищешь? спрашивалъ я его, когда онъ подошелъ къ окну и поклонился какъ-то лбомъ.

— Человѣчка бы... къ примѣру... задумчиво проговорилъ онъ и сталъ переминаться.—Такое дѣло... прибавилъ онъ въ раздумьѣ.

Я думалъ, что ему неловко разговаривать на улицѣ и сказалъ, чтобы онъ шелъ въ комнату. Онъ согласился молча; понуривъ голову, прошелъ дворъ и вошелъ въ комнату. Тутъ онъ помолился, поклонился и сталъ посреди дверей въ той же задумчивости. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ молча, перебирая поля шляпы, такъ что я долженъ былъ опять спросить его:

— Ты кто же такой?

— Купріяновскіе...

— По дѣлу ты сюда?

— По дѣлу...

Здѣсь онъ вздохнулъ и, слегка оживившись, прибавилъ:

— То-то, другъ, по дѣлу... Отъ всего міру иду.

— Ходокъ, что ли, ты?

— Ходокъ.

— Какое же дѣло у васъ?

— То-то дѣло-то наше... Человѣчка бы надо... Чтобы въ случаѣ онъ... Дѣло-то хитро наше, братецъ ты мой...

— Да въ чемъ?

— На счетъ земли? спросилъ гость, сильно заинтересованный мужикомъ

— Оно, точно, насчетъ земли... Земля-то оно земля, потряхивая головой и какъ-бы что́ соображая, тянулъ ходокъ.—Земля—это есть; а и окромя земли въ нашемъ дѣлѣ тоже есть много всего .. Вотъ я тебѣ что́ скажу...

— Вы говорите! Вы не бойтесь! сказалъ гость.

— Ты говори, прибавилъ я:—можетъ быть, мы тебѣ чѣмъ-нибудь поможемъ...

Все время, какъ-бы сонный, ходокъ вдругъ встрянулся и произнесъ:

— Я бы тебѣ, другъ ты мой, сказалъ, вотъ какъ,—эстолькаго вотъ не утаилъ бы,—да языка-то нѣту у нашего брата... Вотъ что́ я скажу! будто какъ по мыслямъ-то и выходитъ, а съ языка-то не слѣзаетъ. То-то и горе-то наше дурацкое!

Мы попросили его сѣсть!

— Объ чемъ же бьемси-то? Объ эфтемъ, другъ, присѣвъ на стулъ, продолжалъ онъ; голосъ его дрожалъ отъ искренняго, глубокаго сожалѣнія о невозможности овладѣть, и въ полной ясности представить себѣ гнетущія голову мысли. — Другъ ты мой! Суди самъ! Міръ далъ деньги на походъ; надежду на меня имѣетъ, а что я? То-то Богъ-то насъ убилъ!.. Мнѣ, другъ ты мой, копейку

теперь мірскую проѣсть, и то я ее тронуть боюсь, — я третій день, можетъ, не ѣлъ, не пилъ, только что хлѣба вѣсовова покушалъ сполфунта... Какъ ее тронуть!

Ходокъ говорилъ все это съ глубокой грустью. Положеніе его дѣйствительно было ужасное: по искреннему, задушевному голосу его можно было видѣть, что помимо мірскаго желанія, онъ самъ былъ глубоко пораженъ какими-то мыслями; съ желѣзною энергіей готовъ былъ стоять за нихъ, но голова не умѣетъ мыслить такъ, какъ бы слѣдовало въ данномъ случаѣ.

— Да нѣтъ, нѣту. Ничего не подѣлаешь! сказалъ онъ безсильно.

— Какъ ничего? придвигаясь со стуломъ къ ходоку, и желая помочь ему выбраться на дорогу, сказалъ гость.— Ты вѣдь говорилъ, изъ-за земли у васъ дѣло?

Желаніе моего гостя было имъ понято; онъ нѣсколько оживился и сталъ отвѣчать, прилежно прислушиваясь къ вопросу.

— Ну, изъ земли.

— Плохой надѣлъ, что-ли?

Нѣтъ, ничего... Надѣлъ,—то часть особая. А изъ чего взялось-то это—ты вотъ что́ скажи.

— Что́ такое взялось?

— Недовольствіе.

— Гдѣ же, у кого?

— Въ нашихъ мѣстахъ... тамъ... Почему? Земля— такъ; одно дѣло. А почему?

— Да что же? Въ чемъ дѣло?... что̀ почему?

Ходокъ помолчалъ и проговорилъ тихо.

— А душа? какъ ты объ этомъ?

— Ну? спросили мы оба, я и гость.

Ну? Больше ничего. Мы замолчали.—Если у человѣка душа? Ее оставить нельзя... Эхъ! Ивану бы Митричу самому бы въ ходоки-то идтить... Что я?

— Кто этотъ Иванъ Дмитричъ?

— Старичокъ нашъ... Вотъ ему такъ дано отъ Бога! Что только у него ума, и-и... Ужь онъ—такъ ужь разсказалъ бы... д-да!

Признаюсь, мы ничего не понимали и сидѣли молча, потому что ходокъ тоже молчалъ.

— Гов-ворилъ онъ этта... какъ бы смутно что-то припоминая и пристально приглядываясь къ чему-то, съ разстановкой началъ ходокъ:—говорилъ онъ этта: «Что есть человѣкъ»?

— Какъ, что́?

Да! Что такое?

Мы не могли отвѣчать.

— Прахъ! Больше ничего. Такъ, что ли?

— Ну, прахъ, отвѣтили мы.—Ну?

— Ну, вотъ. Мнѣ бы съ головой-то разобраться. Я

тебѣ объясню, погоди. Поведемъ дѣло попорядку. Стало быть, прахъ; разъ...

Ходокъ загнулъ одинъ палецъ на рукѣ.

— Разъ, повторилъ онъ. - Ладно. А земля? По твоему земля, что будетъ?

Мы не могли отвѣтить.

— Опять же прахъ! радостно сказалъ ходокъ.—Видѣлъ? И земля, стало быть, тоже прахъ,—два! Теперь гляди.

Ходокъ остановился.

— Гляди теперь. Ежели я, къ примѣру, пойду я въ землю, потому я изъ земли вышелъ,—изъ земли. Ежели я пойду въ землю, напримѣръ, обратно, какимъ же, стало быть, родомъ можно съ меня брать выкупные за землю?

— А-а! радостно произнесли мы.

— Погоди! Тутъ надо еще бы слово. Видите, господа, какъ надо-то.

Ходокъ поднялся и сталъ посреди комнаты, приготовляясь отложить на рукѣ еще одинъ палецъ.

— Тутъ самаго настоящаго-то нисколько не сказано. А вотъ какъ надо: почему, напримѣръ... но здѣсь онъ остановился и живо произнесъ:—душу кто тебѣ далъ?

— Богъ.

— Вѣрно! Разъ. Хорошо. Теперь гляди сюда...

Мы было приготовились глядѣть, но ходокъ снова

запнулся, потерялъ энергію, и ударивъ руками о бедра, почти въ отчаяніи воскликнулъ:

— Нѣту! Ничего не сдѣлаешь? Все не туды... Ахъ, Боже мой! Да тутъ, я тебѣ скажу, нѣшто столько! Тутъ надо говорить вона откедова. Тутъ о душѣ-то надо эво сколько... Нѣтъ, нѣту!

— Припомни пожалуйста. Ты просто, покойно, припомни.

— Да нѣтъ, нѣту... Ивану бы Митричу надо это. Говорилъ я старичку: потрудись, пойди за міръ постой... Н-ну!.. да и старъ, да и надобенъ... Нѣтъ, тутъ нѣшто такъ надо-то... Э-эхъ, господа!

Ходокъ намѣревался уходитъ.

— Куда-жь ты? сказалъ я, но ходокъ не слыхалъ, и поворачиваясь медленно къ двери, говорилъ:

— За эдакое дѣло—не одинъ человѣкъ сталъ!... Глянь! куда хошь,—не отступимъ. Д-да!..

— Куда-жь ты уходишь?

— Д-да! За это дѣло помереть, и то ничего... Намъ дана душа,—тоже и объ этомъ надо подумать... Вотъ что... Прощенія просимъ!

Говорилъ онъ это какимъ-то отчаяннымъ голосомъ, и не слушая насъ, направлялся къ двери и ушелъ.

— Куда же ты пойдешь? спросилъ я, высунувшись въ окно.

Ходокъ остановился.

— Къ угоднику теперича я пойду. Помолюсь. . Чтобы далъ мнѣ Богъ понятіе... Батюшка! Отецъ небесный!

Въ голосѣ его звучали слезы.

— Прощайте! сказалъ онъ тихо, и пошелъ.

Такъ ничего мы и не добились.

— Зацѣпка въ умѣ, сказалъ Лукьянъ, все время молчавшій, и таращившій на мужика глаза.—Должно быть, и ему до мозгу голову-то прошибли, прибавилъ онъ въ видѣ остроты.

Но мы не могли отвѣтить на нее.

Гость въ задумчивости торопливо ходилъ изъ угла въ уголъ и торопливо курилъ. Я смотрѣлъ въ окно вслѣдъ ходоку и тоже думалъ.

Изъ купеческихъ воротъ вышелъ кучеръ, и почесывая бокъ, поглядѣлъ лѣниво по сторонамъ.

— Кто это тутъ даве булдыхалъ? вопросилъ онъ просыпавшуюся пустыню.

— Мужикъ! откликнулся откуда-то неизвѣстный голосъ.—Онъ тутъ часа два слонялся... Я видѣлъ...

— Мужикъ? повторилъ кучеръ, весьма равнодушнымъ тономъ; опять поглядѣлъ по сторонамъ, опять почесался, и, должно быть для округленія фразы, прибавилъ:

— Нѣтъ, надо дубину хорошую, къ примѣру... По мордѣ, чтобы въ случаѣ... да.

Тутъ изъ воротъ выкатилась жирная кухарка съ голыми руками, которыя она держала на желудкѣ, подъ легонькимъ фартучкомъ. Кучеръ обратился къ ней.

— Послушай, Вася! остановившись на ходу, съ живостію обратился ко мнѣ гость.—Знаешь что? Пойдемъ съ тобой шататься по деревнямъ. Неужели ты думаешь постоянно возиться съ пѣтухами? Ты видишь, направляя руку въ сторону, очевидно, по направленію къ мужику:— хотятъ побольше твоихъ пѣтуховъ... Что за свинство!

Я молчалъ, ибо я объ этомъ именно и думалъ.

II.

Въ то, такъ называемое, новое время не разъ приходилось мнѣ робѣть за свою покойную философію Вдругъ откуда нибудь выплыветъ обыватель и предъявитъ что нибудь такое, что́ и самъ объяснить не въ состояніи, какъ, напримѣръ, мужикъ-ходокъ. Не мнѣ было подъ силу вдумываться въ запутанную мужичью рѣчь; мнѣ довольно было знать, что человѣкъ стоитъ за что-то, хочетъ чего-то такого, чего я не знаю, чтобы взволноваться, представитъ себѣ, что начинается что-то новое, въ чемъ не могу принять участія, что мнѣ, съ моими куриными вопросами, придется лечь въ гробъ... «Что́ такое тамъ у нихъ есть? Я помню, было время,

когда все это мертвое ожило; но тогда была въ обществѣ идея, крѣпко воспитанная исторіей,—ненависть къ бусурману, къ турку, посягающему на гробъ Христовъ... Теперь это прошло. Что́ же тамъ еще?.. Я положительно недоумѣвалъ. Какъ кончились эти недоумѣнія, я разскажу въ своемъ мѣстѣ. Происходили-же они еще не отъ полной увѣренности въ томъ, что время идетъ къ отсутствію всякихъ, даже запутанныхъ мыслей въ головѣ общества, меня окружавшаго. Къ такому взгляду привела меня окружающая жизнь. Муринъ-ходокъ заставляетъ меня вспомнить кое-что изъ этой жизни и возвратиться къ продолженію воспоминаній моего дѣтства.

Послѣ отца, который, какъ уже извѣстно читателю, первый развилъ во мнѣ убѣжденіе въ томъ, что общество живетъ безъ мысли, безъ идеи, которая развилась-бы въ немъ исторически, и освѣщала-бы его душу, каждый его шагъ,—я продолжалъ мои наблюденія лично, самъ. И какое было множество явленій, которыя убѣждали меня, что даже привязанность къ гусю, къ пѣтуху, къ какому-нибудь мелкому вздору, что даже такія ничтожности,—и тѣ состовляли въ то время достояніе натуръ исключительныхъ, талантливыхъ. Сколько шло народу ко мнѣ, тогда еще современному мальчишкѣ, чтобы около меня, имѣвшаго что-то свое, отвести душу!

Сынъ того купца, который ругался съ моимъ отцомъ,—

бывало, помню, жалобнымъ голосомъ умоляетъ меня взять его съ собой. «Куда ты?» что́ несетъ онъ, выйдя за ворота, въ то время, какъ родители его почиваютъ, и когда во всемъ домѣ слышенъ одинъ только маятникъ. «Возьми меня съ собой... Вася!..» Я могъ взять его съ собой и не взять, оставить его дома, чтобы онъ слушалъ отъ своего богатаго отца разсказъ о томъ, какъ его родитель разъ тонулъ, какъ ненарокомъ убилъ человѣка, какъ женился на матери, при чемъ ни одного изъ этихъ событій онъ объяснить рѣшительно не можетъ. Какъ онъ убилъ человѣка? Совершенно непостижимо. Поѣхалъ онъ по помѣщикамъ скупать хлѣбъ и «обнаковенно» (ему такъ кажется) взялъ съ собой дубину... И «обнаковенно ѣдетъ на встрѣчу тройка, на тройкѣ помѣщикъ съ пріятелемъ подъ хмѣлькомъ. И «обнаковенно», помѣщикъ кричитъ: «стой!» И «обнаковенно» взялъ онъ дубину, и помѣщикъ тоже выхватилъ пистолетъ. Произошла драка, послѣ которой помѣщикъ (ѣхавшій, между прочимъ, продать хлѣбъ этому самому купцу) черезъ два дня померъ. Какъ это такъ? «Богъ знаетъ»... «И страсть только.» Эта ли жизнь, въ которой нѣтъ смысла, питательна для дѣтской души? А женился онъ какъ? Сидитъ онъ на базарѣ въ халатѣ (въ тѣ поры въ халатахъ и хаживали) и продавалъ пряники! Они пряниками торговали, были бѣдны, и надо бы имъ по настоящему и вѣкъ свой свѣ-

ковать, а вышло вотъ какъ. Сидитъ онъ на базарѣ въ халатѣ,—и вдругъ подходитъ купецъ Орясиновъ, богачъ, и говоритъ: «поди вотъ, я тебя на дочери женю, только я тебя показать ей не могу, потому ты нищій, а ты гляди ее съ улицы въ окно, когда будетъ сговоръ..»— «А я и не видала, какой-такой женихъ, прибавляетъ супруга:—я въ тѣ поры думала—гдѣ это наша курица пѣструха, не укралъ-ли кто»?—«Да я, признаться, поглядѣть то побоялся, потому вы ужь очень въ ту пору богаты были»... А потомъ, послѣ этой женитьбы,—какимъ родомъ «открылось» какое-то дѣло, и пришлось три года просидѣть въ острогѣ. Конечно, этого толкомъ объяснить рѣшительно невозможно. Весь этотъ зависящій богъ знаетъ отъ чего жизненный опытъ приводитъ только къ одному: спать на сундукѣ, въ которомъ деньги, ѣсть рѣдьку, икать, бояться страшнаго суда... или поиграть, въ ожиданіи смерти, въ карты, «въ дураки», «въ пьяницы», «въ свиньи»—названія, которыя дѣйствительно можно объяснить и понять...

И вотъ, воспитываемый столь объяснимыми и столь способными наполнить сердце семейными преданіями,— бѣдный малый ходитъ какъ опоенный и вопитъ къ прохожимъ: ты куда? Возьми меня съ собой... И какая скука въ этихъ осоловѣлыхъ, тоскующихъ глазахъ, какая жалость

смотрѣть на этого рыхлаго, добраго мальчонку, незнающаго что́ съ собой дѣлать, куда дѣться.

— Пойдемъ! говорилъ я обыкновенно, и бралъ его съ собою морозить ледяну или ловить чижей. Какъ онъ былъ радъ, какъ услуживалъ мнѣ, и какъ я имъ командовалъ!

— Потребность умолять о томъ, чтобы взяли съ собой, осталась у мальчонка навсегда. Когда же, по смерти отца, онъ остался почти хозяиномъ отцовскихъ лабазовъ и постоялыхъ дворовъ, при чемъ денегъ у него было довольно много, — явилось множество людей, желающихъ брать его съ собой и занять его опустошенную душу. Въ бурныя, шумныя компаніи кутилъ и драчуновъ, — его не тянуло; это была натура мягкая, робкая, ему нужно было занятіе поскромнѣй пьянства, и по робости онъ попадалъ на занятія весьма смѣшныя. Самымъ любимымъ изъ нихъ сдѣлалось пѣніе и чтеніе въ церкви: какъ онъ былъ смѣшонъ, выходя читать апостолъ, или пѣть на клиросѣ «Господи, помилуй!», при чемъ лицо его наливалось кровью, ибо шея крѣпко была затянута атласнымъ платкомъ. И чего стоило ему добиться чести хлопнуть крышками среди церкви или проникнуть на клиросъ на спѣвку— предварительно онъ долженъ былъ весь хоръ недѣли двѣ поить въ трактирахъ чаемъ и водкой... Замѣтивъ его беззащитность душевную, опекатели дѣлали съ нимъ что́ хотѣли. Разсказываютъ, что однажды регентъ, предложилъ

ему слѣдующій ультиматумъ: такъ-какъ теноровъ у насъ довольно и онъ, поющій тенеромъ, только мѣшаетъ, то если хочетъ оставаться въ хорѣ, — пусть поетъ басомъ, или убирается вонъ. Беззащитный купеческій малый принужденъ былъ согласиться, и чтобъ получить басъ, въ одинъ холодный осенній день засѣлъ голый въ воду, подъ мельничную плотину, чтобы вода была ему прямо въ шею,— онъ желалъ охрипнуть.

— Здорово, Ванюша! говоришь ему при встрѣчѣ.— Какъ дѣла?

— Теперича въ воздвиженскомъ хорѣ... третью недѣлю, весело отвѣчаетъ онъ (теноромъ). Басомъ приходится пѣть. (Это ужь говоритъ басомъ и потомъ прибавляетъ): черти! Ничего не сдѣлаешь съ ними... Я уйду отсюда. У Покрова, тоже хоръ хорошій, и публика чистая, —тамъ меня за дишканта принимаютъ. Я уйду.

Впрочемъ, въ настоящее время, ему сдѣлалось самому интереснымъ пѣть именно басомъ; говоритъ онъ поэтому всегда, выгнувъ шею, и ходитъ лбомъ въ землю.

А мѣщанинъ Ѳедотовъ?

Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати слишкомъ, высокій, костлявый, съ подстриженною въ щотку бородой, въ легкомъ длинномъ сюртучишкѣ который онъ нашивалъ лѣто и зиму. Онъ слылъ за силача, и дѣйствительно былъ си-

лачъ, но въ то время онъ не имѣлъ уже ходу, прошло время—и ему пришлось имѣть компаньономъ меня.

— Разважное было время, говаривалъ онъ.—Вотъ что я скажу... Бывало, братецъ ты мой, за сто верстъ Ѳедотова-то возили... Только выди... да! У меня трехъ реберъ нѣту, а и то было хорошо. На, пощупай...

Я щупалъ.

— Я ни одного живого мѣста въ себѣ не имѣю,—ничего! Душа только радовалась... А теперь что?.. въ солдаты что-ли?.. Я зналъ, кого билъ... Бывало, радъ душой за своихъ постоять... «Выручай, Гаврюша!..» У меня сердце-то вотъ какъ вотъ отъ этого, ровно молотомъ стучитъ... Своихъ да не выручить?.. Чтобы дать деревенскимъ мужикамъ — ходу!.. Извините... Вотъ какъ, бывало,—что праху не оставалось отъ всей ихъ мужицкой стаи... Тутъ тебя несутъ въ городъ-то на рукахъ... да-а... А теперь что? Картошки съ женой печь? Мнѣ теперича и въ семью незачѣмъ показываться... Эхъ-ма!.. Порядку больно много стало.

Дѣйствительно, въ подгородномъ селѣ, съ которымъ Ѳедотовъ когда-то дирался, съ которымъ у города были какіе-то счеты, одушевлявшіе драку и дававшіе ей извѣстнаго рода мысль, теперь царствовала только бѣдность: въ пору было выпутаться изъ какого-то межеваго дѣла,

которое выпивало всѣ деревенскія деньжонки и уже давно уничтожало возможность досуга и посторонней мысли.

Ѳедотовъ не имѣлъ любезнаго ему дѣла и тосковалъ. Иногда онъ въ скукѣ приходилъ ко мнѣ.

— Ты что это тутъ? спрашивалъ онъ.

— Хочу скворца повѣсить.

— Скворца? Ты-бы мнѣ сказалъ, я бъ тебѣ шестъ принесъ... Ей-богу.

— Принеси.

— Ей-богу принесу. Мы вотъ какъ пойдемъ-ко съ тобой въ осиновую рощу, да хорошую орясину вытянемъ оттуда. Ладно, что-ли?

— Ладно.

— Ну, такъ живѣе надо... Нѣтъ-ли шапки тамъ гдѣ отцовской, — домой бѣжать далече... Поищи поживѣй...

И полсутокъ хлопочетъ, устраивая шестъ около крыши, и вѣшая скворца.

Но такія смирныя занятія были не по его натурѣ. Ему надо было бушевать, побѣждать, сокрушать врага. Ничего этого теперь не было, и онъ безобразничалъ.

— Эй вы!.. Мясники! кричитъ онъ зычнымъ голосомъ, въ темный зимній вечеръ, когда наши ребята катаются вдоль улицъ на салазкахъ и на ледянкахъ.

— Э-эй! Живо! Кто, выходите?

Никто не выходитъ.

— Такъ-то по вашему! Эхъ вы! Н-ну, выходите, что ли!

Иногда онъ, замѣтивъ въ числѣ играющихъ меня, тащилъ съ собой. Бывали въ моей тогдашней жизни минуты неопредѣленной скуки, когда я вдругъ становился какъ-то равнодушенъ къ своимъ скворцамъ и чижамъ, въ душѣ дѣлалось сухо, непріятно, холодно. Хотѣлось чего-то, по всей вѣроятности жизни, но взять ее негдѣ было и я не зналъ, чтó съ собою дѣлать. Спишь-спишь, встанешь, возьмешь дубину, начнешь колотить объ заборъ, самъ не зная зачѣмъ, и сердишься. Даже къ матери я придирался въ это время, зачѣмъ у меня рваная шапка? Зачѣмъ меня не учатъ? «Не на чтó тебѣ шапки купить», говорила матушка. Но я подкапывался подъ ея доводы, доказывалъ, что есть на чтó, что купили же скатерть, когда ихъ двѣ. «Та для гостей». «Для гостей! Для гостей можно пеструю.» Иногда я положительно выводилъ матушку этими придирками изъ всякаго терпѣнія, и въ то же время самъ хотѣлъ плакать.

Въ такія минуты я съ удовольствіемъ принималъ предложеніе Ѳедотова путешествовать съ нимъ.

Нельзя сказать, чтобы ему не было компаніи въ этихъ путешествіяхъ. Къ нему всегда присоединялось два-три человѣка, жаждавшіе тоже раззудить плечо, а навстрѣчу этой, такъ сказать, «нашей» компаніи, глядишь, валитъ другая.

— Что за люди? кричитъ въ темнотѣ Ѳедотовъ.

— Ты что за человѣкъ? вопрошаетъ компанія.

— Стой! категорически говоритъ Ѳедотовъ.—Я Ѳедотовъ. Слышалъ это слово?

— Былъ Ѳедотъ, да теперь не тотъ.

— Не тотъ? Али тебѣ показать? Становись-ко.

— Ты лучше приставай къ нашей компаніи, вотъ что, братъ Ѳедотовъ! Эхъ ты...

— Ежели ты мнѣ угощеніе дашь, я къ твоей компаніи пристану.

— Это за что же? Угощали тебя, будетъ.

— Будетъ вамъ! раздается сострадательный голосъ.— Пойдемъ угощу. Потомъ вмѣстѣ тронемъ. Андрюшка! Гармонія здѣсь?

— При себѣ.

— Дѣлай ..

И что́ же дѣлаетъ эта ватага силачей цѣлую почти ночь?

Вытаскивала она изъ земли тротуарныя тумбы, неизвѣстно зачѣмъ. Неизвѣстно зачѣмъ валяла на землю фонарные столбы, поворачивала крыши на гнилыхъ нищенскихъ избенкахъ, мазала дегтемъ ворота, даже тамъ, гдѣ вовсе этого не слѣдовало дѣлать. Разворотить заборъ и разметать по сторонамъ доски, «вломиться» туда, куда не пускаютъ, — вотъ что́ дѣлала эта несчастная ватага силачей, незнавшая куда дѣть свою силу.

Пошатавшись съ этой ватагой, я снова чувствовалъ удовольствіе уйти въ свой уголъ и просилъ у матушки прощенія.

Не могу не вспомнить еще объ одномъ существѣ, хотя воспоминанія эти и не въ пользу моего честолюбія. Это былъ больной, нервный мальчикъ, тоже изъ купеческаго сословія, жившій въ варварской семьѣ. Въ немъ было много потребностей, много задатковъ; познакомившись со мной и узнавъ всѣ мои развлеченія и дѣла, онъ отнесся къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ. «Эко!» говорилъ онъ съ какою-то гордостью, словно бы онъ можетъ что-то сдѣлать въ тысячу разъ лучше и интереснѣй, нежели я. И дѣйствительно, не могу забыть, какъ онъ однажды наизусть читалъ «Конька-горбунка». Онъ ходилъ въ это время вдоль забора, какъ тѣнь, не обращая на слушателей никакого вниманія, и съ такой вѣрою и задушевностію передавалъ фантастическіе эпизоды полетовъ конька по воздуху, что даже я не могъ не глядѣть въ это время на небо и на мѣсяцъ, и ждалъ, что вотъ—вотъ онъ пронесется съ Иванушкой, разсыпая изъ ноздрей искры.

Разговаривать онъ не любилъ, все молчалъ и думалъ а глаза у него были какъ у помѣшаннаго.

— Убѣжать! вотъ что́ хотѣлъ онъ.

«Конекъ-горбунокъ» произвелъ на меня сильное впе-

чатлѣніе и я «самъ» сталъ заглядывать къ нему въ домъ. Но приклинавшая его, какъ «дурака», семья стала объявлять мнѣ, разумѣется, тоже съ проклятіями, что «пострѣлъ» куда-то пропадаетъ и что пора пришла отвязаться отъ него, отдать въ солдаты. «По крайности царю», говорилъ отецъ. Били его за эти отлучки и увѣчили, но онъ молчалъ и пропадалъ. Уходилъ иногда темной ночью и приходилъ на другой день вечеромъ.

Я долго его не видалъ.

Вдругъ однажды, когда мы съ маменькой возились на огородѣ, какъ бѣшеный перескочилъ черезъ плетень Андрюша и бросился бѣжать по грядамъ, повидимому, куда глаза глядятъ. Онъ казался совершенно помѣшаннымъ.

— Куда ты? закричалъ я, догоняя его.

— Къ царю! задыхаясь, крикнулъ онъ мнѣ голосомъ, въ которомъ, повидимому, напряглись послѣднія усилія измученнаго тѣла.

Тутъ только, когда пришлось ему перелѣзать черезъ другой плетень, я увидѣлъ, что подъ мышкой у него былъ мѣшокъ, изъ котораго торчала страшная звѣриная морда, и толстая лапа царапала плохо прикрытое балохономъ бедро Андрюши. Это былъ необыкновенной величины дикій котъ.

— Уйду! Погоди! прохрипѣлъ онъ, перескочивъ плетень и обхвативъ кота оцарапанными въ кровь, сухими, какъ кости, руками и скрылся.

Оказалось, что по ночамъ онъ караулилъ этого кота, который жилъ въ норѣ подъ хлѣбнымъ амбаромъ и выходилъ только повременамъ. Андрюша вздумалъ поймать его, принесть прямо во дворецъ къ царю и получить отъ него то, что́ въ сказкахъ сказывается.

Его долго искали, не нашли.

Черезъ годъ онъ пришелъ съ этапомъ. Гдѣ былъ его котъ, и что́ съ нимъ случилось—неизвѣстно.

— Гдѣ ты, мошенникъ, пропадалъ? а?

Андрюша молчалъ.

— Отвѣчай, стервецъ этакой!

Но ни битье, ни угрозы не выколотили ни одного слова.

Онъ былъ нѣмъ.

— Андрюша, гдѣ ты былъ? спросилъ я его при свиданіи.

— Молчи! Послѣ разскажу, прошепталъ нѣмой. — Меня къ угоднику повезутъ... Я исцѣлюсь. Молчи!

Я молчалъ. Андрюша прослылъ за нѣмого и даже со мной не говорилъ ни слова. Идея — быть нѣмымъ была для него удовольствіемъ, задачей, которую онъ выполнялъ съ полною любовью.

Дѣйствительно, уставъ колотить и ругаться, родители повезли его къ угоднику. Прежде, нежели они воротились оттуда, по нашей сторонѣ пронеслась слѣдующая леген-

да: по пріѣздѣ въ монастырь, Андрюша, кромѣ нѣмоты, сдѣлался недвижимъ. Цѣлую недѣлю онъ лежалъ, не шевеля ни однимъ членомъ. Отецъ и мать молились на его глазахъ и рыдали, служили молебны, клали вклады, и впали въ уныніе. Вдругъ ночью, совершенно неожиданно, при первомъ ударѣ колокола къ заутрени, онъ вскочилъ, всталъ на ноги и произнесъ: «Господи помилуй!».

Господь его помиловалъ. Чудо было явное и Андрюша теперь на вершинѣ свободы, возможной для святаго человѣка.

Онъ ходитъ въ рясѣ и ужь самъ думаетъ, что онъ святой. Сколько выдумываетъ онъ пророчествъ и какъ работаетъ его голова! Давала ли и дастъ ли такую работу мысли, придумывающей небылицы, — обыденная жизнь?

III.

При столкновеніяхъ моихъ съ такъ-называемыми «благородными», подобныхъ ударовъ моему самолюбію я почти не испытывалъ никогда. Въ слободу, засѣвшую въ грязи и глуши, надзоръ и порядокъ еще не успѣлъ проникнуть въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, въ коихъ онъ проникъ впослѣдствіи, доказавъ, что кромѣ его, «т. е. порядка», ничего не надо никому. За права освѣтить

мыслью свою темную жизнь—тутъ еще безсознательно билось много народу, и ежели не было никакой возможности сдѣлать этого, ибо всѣ мысли давно были подрублены въ самый корень, то были натуры, неустававшія биться за эти права, погибавшія мастерски, сгоравшія, напримѣръ, отъ водки, точно такъ, какъ сгораетъ полѣно. Были вообще натуры, желавшія плевать на мое спокойное существованіе изо дня въ день съ крошечными и пустяшными привязанностями. Въ обществѣ благородныхъ было гораздо ужь больше порядку, дума была опустошена гораздо тщательнѣе. И тутъ я чувствовалъ себя хорошо.

Съ благороднымъ обществомъ я познакомился посредствомъ школы. Наука вообще ровно ничего и никогда не значила въ моей жизни, въ образованіи моихъ взглядовъ, поэтому-то я до сихъ поръ не говорилъ о ней ровно ни одного слова, хотя я учился. Сначала матушка отдавала меня къ разнымъ доморощеннымъ учителямъ: старушкамъ, которыя сами не знали ни аза въ глаза, но были очень добры; къ дьячкамъ, «набившимъ руку» въ ученьи мальчугановъ за цѣлковый въ годъ. Ученья тутъ не было никакого, а было усмиреніе бунтовавшихъ мальчугановъ, дранье и возможность прокормиться. Такимъ образомъ, въ первые годы моего дѣтства, воза, нагруженные рѣдькой, капустой, свеклой аккуратно доста-

влялись матушкой къ тѣмъ или другимъ наставникамъ. Лучше всѣхъ изъ числа этихъ учителей былъ вдовый дьяконъ. Во хмѣлю онъ былъ тихъ (а хмѣленъ былъ онъ часто), и въ это время плакалъ, рыдалъ объ умершей женѣ, сочинялъ грустные, слезные стихи въ память ея и читалъ намъ. Во время этихъ рыданій была полная свобода, а главное, почти всѣ мы любили этого дьякона. Случай заставилъ его прекратить школу. Напротивъ его дома съ старухой матерью, жилъ какой-то отставной гимназистъ лѣтъ двадцати, проводя время какъ Богъ пошлетъ и пробавляясь кое-какъ. Онъ однажды, въ припадкѣ той неопредѣленной и мучительной тоски, которая знакома только обывателямъ нашей стороны, когда не знаетъ куда дѣться, въ воду или петлю, въ такую-то минуту онъ однажды зарядилъ хорошимъ дробовымъ зарядомъ пистолетъ и выпалилъ имъ прямо въ школу. Нѣсколько книгъ было изодрано дробью, пробита аспидная доска, которую держалъ какой-то мальчуганъ, размозжены стекла въ рамахъ и всѣ перепуганы. Никто послѣ этого не хотѣлъ отдавать сюда своихъ дѣтей, и школа закрылась. Я нѣкоторое время ни о какихъ наукахъ не думалъ, но потомъ, матушка, вѣрная завѣту моего отца вывести меня на настоящую дорогу, задумала продолжать ученье, и направила воза съ овощью къ начальству уѣзднаго училища, но одумавшись и разочтя, что овощь

равно необходима и начальству среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, какъ и начальству низшихъ, направила воза въ гимназію, куда я и поступилъ, выдержалъ экзаменъ, въ которомъ я видѣлъ одно, что овощи получены экзаменаторами въ исправности и въ почтенномъ количествѣ.

Уличный авторитетъ мой былъ въ то время настолько великъ, что идя съ матушкой въ гимназію, я чувствовалъ, что дѣлаю и ей и этому каменному желтому зданію большое одолженіе и снисхожденіе. Я лишаю себя нѣсколькихъ часовъ въ день общества своихъ друзей, чтобъ изъ деликатности, изъ доброты моей проскучать у васъ, тамъ въ каменномъ домѣ, на задней лавкѣ часовъ пять-шесть. Задняя скамейка, или такъ называемая камчатка, была отведена мнѣ съ первыхъ шаговъ моихъ на поприщѣ науки. Учителя меня не безпокоили. Это самое лучшее, что́ они для меня могли сдѣлать, иначе бы они воспитали во мнѣ чувство злобы, какой я до сихъ поръ не зналъ. Они, должно быть, видѣли, что лучше меня не трогать и не расшевеливать, ибо я былъ не ученикъ, а человѣкъ.

Какъ бы ни были пусты и ничтожны мои интересы, которыми я жилъ въ слободкѣ, но это были интересы человѣческіе, въ которыхъ играли роль любовь, совѣсть и честь. Если я сходился съ кѣмъ, я зналъ почему. Если

ненавидѣлъ кого, тоже потому, что имѣлъ какія-нибудь этому основанія. Въ школѣ тогдашняго времени я не замѣтилъ человѣческихъ отношеній. Лучшій пріятель, не задумываясь, дралъ, по приказанію начальства, своего пріятеля за ухо. По волѣ начальства товарищъ, назначенный «старшимъ», обязанъ былъ выдавать своихъ товарищей на закланіе. Лучшая награда была за наушничество: «это вотъ онъ сдѣлалъ»—могъ воскликнуть безъ просьбъ, или приказанія начальства не одинъ изъ моихъ тогдашнихъ соучениковъ. Были исключенія, но я беру черту общую, существенную, желательную. Эта компанія была мнѣ не подъ пару. Человѣкъ, совершенно мнѣ незнакомый, къ каковымъ человѣкамъ принадлежало безчисленное начальство, могъ прійти, взять меня за ухо, за волосы, поставить въ уголъ—я возненавидѣлъ этихъ людей. Товарищество, большею частію, тоже было мнѣ не подъ стать. Вотъ два мальчугана спорятъ о томъ, что у моего отца есть и шляпа, и шпага—а у твоего нѣтъ. Пересчитывая всѣ отцовскія отличія, они доходятъ до слезъ и идутъ жаловаться надзирателю, рѣшеніе котораго совершенно ихъ успокоиваетъ. Тотъ, кто по этому рѣшенію правъ—дѣлается на вѣки неразубѣдимымъ; тотъ, кто неправъ, пріучается на вѣкъ знать, что съ начальствомъ ничего не подѣлаешь. Съ этой мелюзгой, незнающей, что у человѣка есть на плечахъ голова, мнѣ не-

чего было дѣлать. Я могъ бы только бить ихъ, еслибы умѣлъ быть злымъ, и гнать отъ себя прочь. Но я этого не дѣлалъ. Я не лѣзъ самъ почти ни къ кому, но ко мнѣ, напротивъ, лѣзли многіе. Отъ иныхъ я сторонился, иныхъ любилъ и большинству покровительствовалъ.

Это большинство, у котораго по малой мѣрѣ семь колѣнъ родословнаго древа, не знали никакой другой цѣли въ жизни, кромѣ повиновенія, были однакоже не совсѣмъ умершія, изсушенныя дѣти. У нихъ было сердце, которое билось, которое хотѣло что нибудь чувствовать— и рядомъ со мной имъ было хорошо. Не прійти въ классъ, вслѣдствіе большой рыбной ловли, или охоты, что́ часто дѣлывалъ я — было многимъ и многимъ здѣсь въ высшей степени интересно. Уйдти отъ повиновенія за утками,—да это что-то необыкновенное! Посидѣть со мной на лавкѣ, послушать что́ я говорю — для многихъ было истинное удовольствіе.

О тѣхъ, кого я самъ любилъ, я говорить теперь не буду, а изъ покровительствуемыхъ мною скажу нѣсколько словъ объ одномъ мальчикѣ, который, впослѣдствіи, въ качествѣ петербургскаго гостя, присутствовалъ у меня въ обществѣ Лукьяна и деревенскаго ходока.

Я познакомился съ нимъ въ гимназіи. Звали его Павлуша Хлѣбниковъ. Это былъ слабенькій, блѣдненькій мальчикъ, одѣтый всегда съ иголочки, снабженный всѣми

принадлежностями науки: перьями, карандашами и т. д., въ количествѣ болѣе нежели полномъ. Изъ-за этихъ карандашей и резинокъ къ нему лѣзло много народу, но, повидимому, онъ не могъ похвалиться любовью товарищей, потому что, какъ только у него изсякали письменные матеріалы, на него дѣйствительно мало обращали вниманія, и даже иной изъ товарищей, кто понаглѣй, безъ церемоніи бросалъ ему въ глаза ябедника или труса. Слезами этотъ мальчикъ обливался почти постоянно, особливо когда не могъ дѣлать подарковъ. На меня онъ давно поглядывалъ съ своей первой скамейки, но какъ будто боялся.

Наконецъ, однажды я увидѣлъ, что онъ робко перебирается ко мнѣ съ парты на парту.

— Хотите, я вамъ подарю чернильницу? робко говоритъ онъ, подойдя на порядочное разстояніе и держа въ рукѣ зелененькую складную чернильницу.

— Нѣтъ, сказалъ я.—Не надо.

— Возьмите!

Мальчикъ произнесъ это съ дрожаніемъ въ голосѣ и готовъ былъ зарыдать.

— У меня дома есть своя, сказалъ я.

Мальчикъ не рѣшился сказать ничего, но слезы были въ его глазахъ, а чернильницу онъ такъ и держалъ въ рукѣ,—ему было крайне обидно взять ее назадъ.

— Давай мнѣ! сказалъ одинъ изъ начинавшихъ ловкачей и ловкихъ людей — Козловъ.

— На! радостно сказалъ мальчикъ, и потянулся за Козловымъ, но тотъ ужь былъ далеко и знать ничего не хотѣлъ.

Прошло пять минутъ — слышу, тотъ же мальчуганъ опять что-то кому-то даритъ, и плачетъ, и потомъ скучный сидитъ одинъ.

Не знаю, почему-то я почувствовалъ къ нему большую жалость, и какъ-то разъ самъ позвалъ его къ себѣ «въ камчатку», а потомъ познакомился съ его семьей. Семья эта была образцомъ семей, въ которыхъ нѣтъ ничего «настоящаго», «подлиннаго». Тутъ все, съ седьмого колѣна, шло противъ личныхъ чувствъ, противъ личныхъ желаній, убѣжденій, и покорялось какой-то тягостнѣйшей необходимости. Отецъ Павлуши Хлѣбникова былъ чиновникъ, занимавшій хорошую должность. Происходилъ онъ изъ духовнаго званія, гдѣ, по крайней мѣрѣ, пять поколѣній назадъ (точно такихъ, какъ и въ другихъ сословіяхъ), люди женились не любя, занимались дѣлами, иногда несоотвѣтствовавшими способностямъ, и были связаны съ мѣстомъ жизни, съ женой, съ людьми, каковы: прихожане, родственники и проч., только тѣмъ, что развязавшись съ ними, должны были умереть *съ голоду*. Голодъ — вотъ была идея, связующая все это, готовое разбѣжаться

въ рознь. Сколько тутъ было лжи, взаимной ненависти, притворства, низкопоклонства, соединеннаго съ полнымъ презрѣніемъ!.. Человѣческимъ свободнымъ отношеніямъ здѣсь мѣста не было. Отецъ Павлуши былъ человѣкъ неглупый, талантливый, а въ молодости былъ мечтатель: такъ, будучи въ семинаріи, онъ думалъ идти непремѣнно въ священники; у него было призваніе къ этому дѣлу, онъ обдумалъ его во всѣхъ подробностяхъ, начиная отъ проповѣди, которую онъ думалъ сказать не такъ, какъ говорятъ наши «балалайки», а по совѣсти, съ толкомъ,— до послѣдняго гвоздя въ своемъ домѣ, до послѣдняго часа въ дневной работѣ. Но личному чувству, личнымъ симпатіямъ здѣсь нѣтъ ходу: на плечахъ его лежали цѣлыя поколѣнія бѣдствующей родни, которая бы должна была умереть съ голоду, еслибы позволилъ онъ себѣ жить такъ, какъ хочется,—и онъ пошелъ въ чиновники, чтобы помогать тѣмъ, кого не имѣлъ причины любить, и женился на той, которую не любилъ; ему, вступившему на путь необходимости, надо было уже покоряться всему, — жениться, поэтому, былъ полный разсчетъ на дочери начальника, чтобы скорѣй добиться того, зачѣмъ пошелъ, то-есть денегъ. Дочь начальника тоже, быть можетъ, имѣла свои планы. Она была женщина умная и скромная, и точно также, подобно мужу, принуждена была обстоятельствами дѣлать что-то такое, чего ей не хочется. Влюбись-ка она

по собственному желанію вотъ въ того молодца красавца, мѣщанина... Развѣ она не знаетъ, что въ красавцѣ воспитано побужденіе иногда вооружиться противъ своей возлюбленной полѣномъ, и поучить? Изъ одного стойла не было возможности переходить въ другое. И вотъ образовалась семья, въ которой ничего нѣтъ сдѣланнаго «по душѣ». Они помогаютъ роднѣ, которую терпѣть не могутъ. Родня низкопоклонничаетъ и въ душѣ называетъ разбойникомъ. Отецъ думаетъ о томъ, какъ бы онъ былъ священникомъ; иногда онъ даже, раздумавшись, видитъ жену, стоящую въ церкви, жену, которая совершенно не походитъ на теперешнюю, та совсѣмъ другая, волоса, глаза,—все другое у той, а на клиросѣ видится ему маленькій мальчикъ, поющій отличнѣйшимъ дискантомъ — это сынъ; у него есть сынъ, который учится въ гимназіи, но тотъ „настоящій", который на клиросѣ нисколько не походитъ на гимназиста. Въ такой школѣ рѣшительно не было возможности узнать, что́ такое человѣкъ, что права надъ нимъ даны любви, совѣсти. — „Развѣ бы я пошла за твоего отца, ежели бы не нужда?" сказала бы мать сыну, рѣшившись быть искренной. „Нѣшто я бы изсохъ такъ, кабы не связали меня вы всѣ?" сказалъ бы отецъ, еслибы тоже намѣренъ былъ поступить искренно. Вотъ корень семейной войны, и той легкости, съ которой сынъ можетъ совершенно забыть свою семью, разлу-

чившись съ ней на мѣсяцъ, а на другой мѣсяцъ начинаетъ ее ненавидѣть. Въ семьѣ Павлуши никто не давалъ себѣ воли; отецъ и мать сознавали, что́ дѣлали, и молчали. Въ домѣ вставали, ложились, пили чай, принимали гостей и т. д., исполняли все, какъ слѣдуетъ, и главнымъ образомъ, молчали. Не освѣщала ли какая-нибудь свѣтлая, широкая идея этого угла? Повторяю, что не было идей, ни у кого, никакихъ. Религіозны они были по формѣ, потому что принадлежали къ приходу; что́ такое „политика", они не знали, что́ такое общество, жизнь общественная—тоже. Была здѣсь глубоко затаенная тоска и молчаніе. И вотъ въ этой-то обстановкѣ жилъ мальчикъ. Ему просто недоставало ощущеній.

И вотъ онъ лѣзетъ дарить мнѣ чернильницу съ тѣмъ, чтобы испытать чувство благодарности. Онъ ждетъ, что я ему скажу: «Спасибо, Паша. Какой ты добрый».

И будетъ нѣкоторое время чувствовать себя хорошо.

Но вотъ входитъ инспекторъ и приказываетъ этому Пашѣ выдрать мнѣ ухо.

И Паша выдеретъ его, потому что онъ поглощенъ новымъ удовольствіемъ — быть предпочтеннымъ передъ другими. Онъ лучше другихъ, а другой, кому онъ деретъ ухо, хуже его! Ощущенія, какія бы то ни было, до того новы, что совершенно поглощаютъ его — и опомнившись онъ плачетъ.

— Свинья ты эдакая! говоритъ ему будущій ловкачъ и адвокатъ Козловъ: — сталъ драть за ухо товарища, подлецъ!

Паша плачетъ и говоритъ:

— Нà тебѣ чернильницу. Я не буду никогда.

— Не будешь ты, свинья этакая, говоритъ Козловъ, пряча чернильницу къ себѣ. —Дрянь!

— Возьми еще хрестоматію. Я не буду!

— Давай, свинья этакая.

Козловъ обираетъ мальчика отлично. И наконецъ, Козловъ гладитъ его по головѣ, и они разстаются друзьями. Павлуша возвращается домой, къ отцу. Отецъ въ знакъ любви приготовилъ сыну подарокъ (потому, что ни изъ чего другого семейныя привязанности здѣсь не дѣлаются).

— А гдѣ твоя чернильница?

— Козловъ взялъ.

— Какъ взялъ?

— Просто, говоритъ: отдай!

— Какая шельма!

Повлуша вретъ, но вретъ именно потому, что пріятно чувствовать, какъ «заступается отецъ», давно желающій на какой-нибудь манеръ показать любовь къ сыну. Павлуша не желаетъ терять благопріятной минуты ни для себя, ни для отца. Да и «чувствовать себя несчастнымъ»,

въ виду такой непоколебимой защиты, какъ отецъ—тоже пріятно.

И вретъ. Козловъ представленъ чистымъ разбойникомъ.

— Я его, каналью! говоритъ отецъ.

На другой день, по жалобѣ отца, Козлова сѣкутъ.

— Свинья ты, подлая! говоритъ Козловъ, но потомъ мирится на подаркахъ.

Я взялъ этого обездушеннаго мальчика подъ свое покровительство, но изъ этого не вышло ничего. Бросался онъ на все, повидимому, съ азартомъ, но это только повидимому.

Впослѣдствіи изъ него явно стала выходитъ фигурка, которой бы нужно было что-нибудь поновѣй, да по возможности пріятно, да чтобы и ненадолго.

IV.

Я бы никогда не кончилъ, еслибы сталъ обстоятельно перечислять сотни видѣнныхъ мною людей, тщетно бывшихся изъ желанія жить хоть мало-мальски повеселѣй, попокойнѣй, жаждавшихъ освѣтить горестное существованіе какою-нибудь мыслью. Исполняя виды высшей воли, они чахли въ собственной пустотѣ, почти не зная, что они люди. Единственный разъ въ моей жизни я видѣлъ, какъ

зашевелилась общественная душа, и когда почти до краевъ было полно существованіе каждаго изъ бившихся объ ледъ. Это было война. Въ общественной душѣ еще уцѣлѣлъ какимъ-то образомъ какой-то турокъ, съ неумытымъ рыломъ, градъ Христовъ, Христовы страданія. Всѣ эти вещи были воспитаны крѣпко и почему-то не были тронуты порядкомъ. Какъ онѣ, пробудившись, оживили всѣхъ и все!

Чиновникъ, который вчера въ пьяномъ видѣ еще не зналъ, за что подраться на свадьбѣ у пріятеля, и выдумывалъ предлогомъ для драки обстоятельство, которое самъ считалъ пустяками, напримѣръ, начиналъ придираться къ хозяевамъ съ крикомъ: «а обѣщали подать малиновое мороженое! гдѣ оно?»,—чиновникъ этотъ въ настоящую пору требуетъ къ суду Викторію, кричитъ: «подайте мнѣ ее!» и искрененъ въ этомъ крикѣ, хотя и глупъ. Мѣщанинъ, который, вчера еще, ободравъ падаль и продавъ шкуру, не зналъ за что приняться, воротившись домой, — колотить ли семью, пойдти ругаться къ сосѣду, лечь ли спать или ударить полѣномъ свинью,—зналъ теперь, что ему дѣлать: сколько онъ женѣ принесъ секретныхъ извѣстій; и у жены тоже они есть; да и ребенокъ, который прежде не могъ разсчитывать ни на что кромѣ подзатыльника, теперь несъ съ улицы какое-либо новѣйшее извѣстіе и внимательно выслушивался, да и самъ

зналъ во что́ играть; вчера онъ просто лѣзъ головой въ заборную щель и кричалъ отъ боли на всю улицу, а теперь онъ играетъ въ войну. Богачъ купецъ, который ѣздилъ къ Аксюшкѣ, и сорилъ деньгами передъ всей ея солдатской родней, съ просьбою успокоить его; который, не будучи успокоенъ, напивался до чертиковъ въ своихъ обширныхъ палатахъ, и лѣзъ, къ стыду своему, на крышу гонять голубей,—и тотъ вспомнилъ турка и Бога, и тому пришло на память, что кромѣ медалей есть еще душа, и вотъ онъ вмѣсто Аксюшки—на площади передъ воинами говоритъ рѣчь:

— Воины! говоритъ онъ и плачетъ. — Не непуститя ево, къ примѣру... турка... пытаму... (Онъ рыдаетъ)... пытаму што... (Онъ рыдаетъ еще болѣе)... от-течиство... (Рыданія заставляютъ его безмолвствовать минутъ пять). По полуштофа на брата!... Ур-ра!

— Ур-ра!...

— Ловко! гремятъ зрители, видящіе хоть какое-нибудь дѣяніе, которое и они тоже понимать могутъ.—Мѣщанамъ бы тоже ты, Иванъ Естафичъ, поднесъ по... отечеству... Дли вѣр-ры... по случаю... по престолу...

— По косушкѣ жер-ртвую! поднявъ руку кверху, вопіетъ Евстафичъ и падаетъ на колѣни.

На площади идетъ молебствіе, и протодьяконъ, раздирая горло въ многолѣтіи воинству, знаетъ на этотъ разъ,

что деретъ горломъ за дѣло, которое ему извѣстно, а не просто по приглашенію соскучившагося купца, котораго онъ въ душѣ называлъ разбойникомъ и гремѣлъ ему многолѣтіе единственно изъ-за желанія получить красную и купить ногу баранины. Онъ знаетъ, что на него смотритъ вся толпа, понимающая причину его воодушевленія. А старушки, которыя въ былое время не знали, какую бы еще придумать сплетню, чтобы попить, благодаря ей, чайку въ хорошемъ домѣ,—и у тѣхъ теперь полны карманы новостей, и онѣ тоже теперь чувствуютъ потребность потолкаться въ толпѣ, потолковать съ ней на площади.

— А анпираторъ и говоритъ... шепчетъ одна другой.

— Полегче вы, старенькія! тоже шепчетъ имъ древній старецъ, которому теперь только представился случай объяснить, почему у него не ходитъ правая нога, еще во времена герцога Бирона отдавленная въ застѣнкѣ колодкой.—Полегче объ эфтомъ...

— Мы худова не говоримъ, батюшка.

— То-то, потише бы... У меня до сихъ поръ нога-то не ходитъ. Такъ-то... Ну, что́ такое инператоръ сказалъ?

— А сказалъ, говоритъ,—не давать имъ овса...

— Кому?

— Не знаю я, другъ ты мой

— А говоришь! Изъ портовъ не велѣно отпущать овса,—кому, знаешь ли?

— То-то не знаю...

— А мелешь. Попадешь вотъ въ хорошое мѣсто, пропотѣешь полгодика, узнаешь... Кому овса не велѣно?.. Австріаку! Тараторки... Овса, овса... Ты лучше бы Богу молилась.

— Ты-то дюже строгъ, ноне. Полегче бы маленько...

— Нѣтъ, вотъ какъ засадятъ въ ямку, въ темненькую...

— Урррр-а!... Бушуетъ на площади, заглушая шушуканья толпы и объ овсѣ, и о птицѣ, сидящей на московской колокольнѣ, и о свѣчѣ у Иверской, которую турки начинили порохомъ и поставили передъ иконою ночью. Хорошо, что митрополиту приснился сонъ и онъ успѣлъ выхватить свѣчу, которую разорвало тутъ же на улицѣ, и т. д. Всѣ эти толки заглушены крикомъ: «урра».

Молодцы Ивана Евстафича, запрягшись въ телеги вмѣсто коней, вытащили на площадь не одинъ десятокъ сороковыхъ бочекъ. Выѣхавъ на средину площади, молодцы становятся каждый на колесо свой бочки, имѣя въ рукахъ по черпаку; черпакомъ этимъ предполагается вливать водку въ манерки солдатъ и прямо въ рты обыкновенныхъ обывателей, ежели они не могутъ представить посуды.

— Православные! возглашаютъ молодцы съ черпаками.

Масса шевелится и скоро закипаетъ драка. Дерутся

какіе-то «Ефремовцы» съ «Андроньевскими», «Васильковскіе» съ «Котельниковскими», словомъ, выступаютъ какія-то партіи, оттѣненныя неизвѣстными или ненужными до настоящаго времени названіями, скрывающими какую-то мысль. Это не простое разворачиваніе забора, какъ еще недавно производили Ѳедотовъ съ компаніею.

Словомъ, все одушевлено мыслью. Турокъ, завѣщанный въ сказкахъ, дѣлалъ жизнь сколько-нибудь понятною! Нельзя сказать, чтобы все это было черезчуръ умно, но факты оживленія отрицать нельзя.

Вотъ въ это-то время одинъ обыватель, торопившійся ночью къ пріятелю сообщить газетную новость, наткнулся впопыхахъ на камень и сломалъ ногу,—изъ этого обстоятельства возникъ вопросъ объ освѣщеніи, явилась статья въ газетахъ. Невозможно достать газетки, и неумѣнье ее выписать, чтобы знать, что́ такое дѣлается,—были причиною появленія другой статейки — о библіотекѣ и т. д. Словомъ, турокъ такъ толконулъ общество, что индивидуумы, составлявшіе его, подобно билліарднымъ шарамъ, отъ удара кіемъ зашевелились, задвигались.

— Почему же это я все пьянствую? влетаетъ въ голову талантливому чиновнику Змѣеву, давно чувствовавшему, что ему нужно что-то...

До этого оживленнаго времени, Змѣевъ дѣйствительно занимался только пьянствомъ, рисуя портреты съ трак-

тирныхъ случайныхъ знакомыхъ. Онъ отлично рисовалъ каррикатуры и типы изъ русской жизни. По натурѣ это былъ большой художникъ, но отецъ изъ статскихъ генераловъ не далъ ему никакого образованія, художество называлъ чуть не преступленіемъ и держалъ человѣка на какой-то должности съ пятирублевымъ жалованьемъ. У Змѣева была уже лысина на головѣ, а онъ все еще уходилъ изъ дому тайкомъ, послѣ того какъ отецъ заснетъ, иначе ему могла быть гонка. Ропотъ противъ отца—вотъ что́ держало его на свѣтѣ, подобно другимъ, такимъ же субъектамъ, трактирнымъ компаньонамъ, жившимъ — кто ненавистью къ женѣ, кто ропотомъ на несправедливость начальства. Тысячу разъ змѣевъ хотѣлъ бросить родительскій домъ, уйти. Иногда казалось, что онъ вполнѣ готовъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, мечтая поѣхать въ Петербургъ, показать тамъ свой талантъ... Но ничего этого никогда не дѣлалъ. За предѣлами страданій въ отцовскомъ домѣ—не было ничего... Были какія-то́ темныя улицы и душные кабаки, и среди этой тьмы терялась всякая вѣра въ себя, въ свой талантъ. Но въ новое оживленное время, когда носилось въ воздухѣ такъ много славы, храбрости, и другихъ вещей, которыя доставались какому-нибудь Ѳедотову ни почемъ, — Змѣевъ увидалъ слишкомъ ясно свое ужасное положеніе. Ропотъ на отца, который довелъ сына до лысины, не сдѣлавъ ничего для

того, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, дошелъ до крайнихъ предѣловъ.

И вотъ онъ пьетъ и ругается.

— Вѣдь я человѣкъ, сволочь ты этакая! кричалъ онъ въ трактирѣ собесѣднику.

— Ты не ругайся однако!

— Что не ругайся? Ну, чего не ругайся? Какъ васъ не бить-то! Вотъ я чему удивляюсь! Нѣтъ, молодцы эти англичане, ей Богу! Перестрѣлять васъ надо всѣхъ... до едд-динова!..

— Когда ты перестанешь пьянствовать? говоритъ ему отецъ.—Когда ты перестанешь по ночамъ шататься? а? Вѣдь я тебя въ солдаты, каналью, отдамъ.

— А ты зачѣмъ мнѣ жизнь загубилъ?

— Ка-акъ!

— Зачѣмъ жизнь-то загубилъ! Ка-акъ!..

— Это мнѣ ты смѣешь говорить—«ты»?

Разъ сорвавшись на словѣ, съ наболѣвшей душой Змѣевъ не удержался.

— Я! тебѣ! Погубилъ ты меня!

— Вонъ! Вонъ!

— Погубилъ! Злодѣй! Ты злодѣй!.. Я человѣкъ! пойми! А что́ ты сдѣлалъ?

Старый генералъ падаетъ въ обморокъ, а разозленный сынъ не унимается.

— Уйду! Чортъ съ вами, разбойники!

На этотъ разъ Змѣевъ дѣйствительно переѣхалъ изъ отцовскаго дома въ какую-то трущобу.

Подобныхъ этому случаевъ было на моихъ глазахъ великое множество, и я ужь не смѣлъ драть носа передъ окружавшимъ меня обществомъ.

Оно необыкновенно посвѣжѣло и ободрилось. Мои почитатели, какъ силачъ Ѳедотовъ, чудотворецъ Алеша, и т. д.; уже не нуждались во мнѣ и нашли свое дѣло. Одинъ дрался со славою, другой имѣлъ готовую тэму фантазировать и предсказывать. Моимъ компаньономъ остался почти одинъ только Павлуша Хлѣбниковъ, который очень часто сопровождалъ меня въ моихъ скитаніяхъ по оживившемуся городу. Я въ это время цѣлые дни проводилъ на улицѣ—встрѣчалъ и провожалъ войска, толкался на площадяхъ, гдѣ по грязнымъ заборамъ были развѣшены безчисленныя картинки о побѣдахъ, и слушалъ толки. Разнообразія было очень много.

Однажды я и Павлуша Хлѣбниковъ присутствовали при пріемѣ рекрутъ. Дѣло было въ пасмурный зимній день. У крыльца присутственнаго мѣста и по всѣмъ улицамъ и переулкамъ, прилегавшимъ къ этому зданію, было великое множество деревенскихъ саней, наполненныхъ плачущими бабами съ дѣтьми; множество зрителей и участниковъ въ пріемѣ толпилось тутъ же. Раздираю-

щій плачъ женщинъ, гармонія вольника, который, расталкивая толпу и гордо заломивъ на головѣ шляпу, перевязанную лентой, направлялся въ кабакъ, окруженный караулившей и ухаживавшей за нимъ семьей его покупателя; вообще всѣ картины набора, драматизмъ которыхъ увеличивался тѣмъ, что это былъ наборъ ужь не первый, и народъ былъ истощенъ,—все это производило довольно тяжелое впечатлѣніе.

Зрители не испускали воинственныхъ воплей и не вели оживленныхъ бесѣдъ, и когда одинъ изъ нашихъ гимназистовъ, окончательно вышедшій изъ гимназіи и ужь почти принятый въ юнкера, завелъ разговоръ о храбрости,—то нѣсколько голосовъ осадило его весьма безцеремонно.

— Сволочь какая! ревутъ какъ коровы! произнесъ было гимназистъ.—За отечество идутъ и ревутъ! Какія-жь могутъ быть побѣды?..

— Ужь ходили, ходили за...

— Полегче, полегче, ребятки, останавливалъ народъ древній старецъ... За это знаешь, что́?..

— Ходили, ходили, а все толку нѣтъ...

— Ежели мы будемъ ревѣть на войнѣ, сказалъ-было гимназистъ... но ему не дали докончить.

— Что́ мелишь? закричалъ на него мясникъ, въ бѣломъ фартукѣ... Поди-ка самъ подъ пулю-то.

— Я и иду! ты не ори.

— Идешь? Вы мастера только разговоры разговаривать...

— Нѣтъ, иду: ну...

— Ну, и съ Богомъ. Хоть бы поменьше было вашего брата... Мужика совсѣмъ вывели,—и васъ бы пора.

— Осторожнѣй, кумъ! шепталъ старецъ... За эти словечки знаешь куда.

— Ну васъ къ шуту! съ сердцемъ сказалъ мясникъ.

— Да кто ты такой? Какъ ты смѣешь такъ говорить? вдругъ наступилъ на него будущій воинъ.—А хочешь къ губернатору? ты противъ кого говоришь?

— Мясникъ скрылся.

— Ахъ каналья этакая! въ искреннемъ гнѣвѣ сказалъ будущій воинъ.—Непремѣнно узнаю, кто это.

— Кто этотъ юноша? спросилъ кто-то сзади меня.

Я обернулся: сзади меня стоялъ молодой человѣкъ, въ клеенчатой фуражкѣ и въ поношеномъ драповомъ пальто.

— Это нашъ гимназистъ.

— Вотъ защитникъ-то отечества, проговорилъ онъ, не улыбаясь, но довольно мягко...

— Все бы ему драться, прибавилъ кто-то изъ толпы:—онъ тутъ давно шумѣлъ...

— Гм... сдержанно сказалъ молодой человѣкъ и обратился къ намъ:—вы, господа, здѣшней гимназіи?

— Да.

— Я вашъ новый учитель исторіи.

Мы было-оробѣли.

— Вы тоже патріоты? прибавилъ онъ улыбнувшись.

— Н...нѣтъ... отвѣчали мы.

— Такъ я бы совѣтовалъ уходить вонъ отсюда... Нечего тутъ смотрѣть и стоять сложа руки... Право. Пойдемте ко мнѣ; кстати, вы меня познакомите съ городомъ.

Мы послѣдовали за учителемъ и не могли порядкомъ надивиться ему. Говорилъ онъ съ нами какъ съ людьми, ибо нѣсколько разъ спросилъ: «какъ вы думаете?» «Не правда ли?..» Этого никогда мы прежде не слыхивали. Потомъ завелъ насъ къ себѣ въ нумеръ и предложилъ намъ, какъ настоящимъ людямъ—вино.—«Не хотите ли мадеры?» — «Извините, я раздѣнусь...». Все это было ново и учитель оставилъ въ насъ наипріятнѣйшее впечатлѣніе. Сколько сообщилъ онъ намъ о войнѣ, о злодѣйствахъ, о злоупотребленіяхъ!—нечто мы не были посвящены въ эти тайны, но и насъ пробралъ его разговоръ.

Съ этого времени и въ гимназіи и вообще въ жизни произошелъ переломъ. Новый учитель тотчасъ началъ борьбу съ начальствомъ и тотчасъ нажилъ тьмы враговъ, начиная съ гимназическаго эконома до директора включительно. Ученики стали выписывать журналы и читать;

собирались на квартирѣ новаго учителя потолковать, посовѣтоваться, образовали особую партію, къ которой примкнулъ и Павлуша Хлѣбниковъ. На моихъ глазахъ онъ столь же мило и легко дѣлался либераломъ, какъ прежде дѣлался ябедникомъ (тоже очень милымъ), или исполнялъ волю начальства, повелѣвавшаго выдрать товарища за ухо.

Я бывалъ въ этомъ обществѣ, но я ужь значительно облѣнился, и жилъ жизнью толпы болѣе, нежели можно было думать; я даже оставилъ въ это время гимназію, потому что, въ качествѣ одного изъ субъектовъ толпы, почувствовалъ большую тоску... Война кончилась. Турку снова нужно было запереть въ душу на неопредѣленное время, и все стало по старому. Силачу Ѳедотову опять нечего дѣлать. Алешѣ не о чемъ пророчествовать. Улица, гдѣ сломалъ ногу обыватель, бѣжавшій съ газетными извѣстіями, освѣщена, но зачѣмъ теперь ходить по ней? Фонарь стоитъ въ ней одинъ-одинешенекъ. Почитать газетку? да что въ ней интереснаго? Освобожденіе крестьянъ? Почему же мнѣ это интересно? Развѣ былъ я когда нибудь связанъ и чѣмъ нибудь съ ихъ страданіями? По совѣсти мнѣ это не особенно интересно... У толпы опять не осталось ничего, и мѣщанинъ, вчера еще разсуждавшій съ женой о политикѣ, теперь снова говоритъ ей свирѣпымъ голосомъ: «Что стала? Не знаешь своего

дѣла? Загони свинью то! Давно я за васъ не принимался...». Мѣщанскій ребенокъ рѣшительно не можетъ выдумать игры «въ освобожденіе крестьянъ», и попрежнему лѣзетъ головой въ заборную дыру и оретъ.

Послѣ турка у толпы ничего не осталось своего...

Зашелъ я къ Змѣеву. Онъ жилъ въ отдѣльной комнатѣ у чиновника-сотоварища, и хотя не имѣлъ съ отцомъ никакого дѣла, но я замѣтилъ, что онъ уже въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно возможности распорядиться своей свободой.

— Ты что же въ Петербургъ-то? сказалъ я ему и замѣтилъ, что онъ пьянъ.

— Погоди... Будетъ все...

Храбрости въ его голосѣ, однако, не было.

— Надо послать за водкой! торопился онъ прервать рѣчь о Петербургѣ.

Принесли водку. Змѣевъ выпилъ и охмѣлѣлъ.

— Я человѣкъ! Понимаешь ты это? сталъ-было онъ кричать попрежнему, но на крикъ явилась хозяйка и сказала:

— Вы, пожалуйста, не шумите.

— Какъ? Я не имѣю права дѣлать что хочу?

— Домъ мой!

— Я плачу деньги..

— Все-таки вы не смѣете...

— Не смѣю?

— Не смѣете.

— Я не смѣю?.. Вотъ-же вамъ!

И онъ поставилъ на столъ нѣкоторую посуду.

— Побойтесь Бога, на столѣ стоитъ божій даръ— хлѣбъ, а вы...

— А-а... вопилъ Змѣевъ:—я не смѣю!.. Погодите, я вамъ покажу... Вотъ же вамъ...

Хозяйка выбѣжала вонъ, а за ней и я.

Змѣевъ бушевалъ и дебоширничалъ еще недѣли двѣ. Всѣ безобразія, находившіяся въ его рукахъ, онъ пустилъ въ ходъ для доказательства, что онъ человѣкъ; но такъ-какъ этими безобразіями онъ ничего не доказалъ, и отрезвившись, сообразилъ, что далеко ему до человѣка, то вскорѣ засѣлъ онъ за письмо къ отцу.

Въ письмѣ просилъ онъ прощенія, кланялся въ ноги и умолялъ позволить ему вернуться.

Отецъ отвѣтилъ ему длиннымъ письмомъ, съ текстами изъ священнаго писанія,—и позволеніе вернуться далъ.

И вотъ Змѣевъ опять не смѣетъ выдти вечеромъ изъ дому до тѣхъ поръ, пока не улягутся.

Все въ толпѣ стало по старому.

А я все плотнѣй забивался въ уголъ; лѣнь овладѣвала мною все болѣе и болѣе, и кругомъ было столь же много

тоски скуки, которая мнѣ давала возможность быть покойнымъ

V.

Такъ, за самоварчикомъ, просидѣлъ я долгое время. Не зналъ я, какъ мои гимназическіе товарищи кончили курсы и разлетѣлись по чужимъ краямъ; не зналъ, въ какихъ они были университетахъ и что́ тамъ дѣлали.

На дворѣ у меня кудахтали куры, ходилъ пѣтухъ «мышьякъ», прошибавшій до мозгу, — все было тихо и покойно.

И вдругъ, является Павлуша Хлѣбниковъ, съ безконечными разсказами объ университетской жизни.

«А, думалъ я не безъ злости:—ишь тебя тамъ какъ налили-то новыми мыслями! Помогать народу!.. И какъ это ты будешь помогать ему? Найдешь ли ты въ немъ такую струну, такую душевную привязанность, ради которой онъ бы сталъ тебя слушать? И къ чему такому нашелъ ты у него жажду, чтобы ему было мало лаптей и неусыпнаго труда?».

А тутъ вылѣзаетъ какой-то полуумный ходокъ и объявляетъ про какое то дѣло, за которое всѣ стоятъ, и это дѣло не просто изъ-за надѣла, а изъ-за души.

— Да что же? Неужели еще что-нибудь осталось въ

этой душѣ? Турка болѣе нѣтъ... Что же тамъ? Религія? Семья?..

Я рѣшительно ничего не понималъ.

Но все это было весьма ново и я рѣшился предпринять путешествіе съ петербургскимъ гостемъ.

Мы намѣрены были пройтись «недалеко», ибо даже и при началѣ путешествія (нельзя утаить) чувствовали тайно, что тамъ, въ народѣ, намъ пожалуй что дѣлать нечего.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Два непродолжительныя путешествія.

I.

До настоящаго времени, т.-е. почти до той поры, когда начаты эти записки, я совершилъ два путешествія изъ предѣловъ роднаго переулка въ слободкѣ, по полямъ, проселкамъ и деревушкамъ. Оба путешествія были весьма непродолжительны, но послѣднее, совершенное почти на дняхъ, я считаю наилучшимъ и по краткости и по результатамъ. Отправлялся я въ путь въ увѣренности, что найду порядокъ; достигнувъ первой деревни, нашелъ его, увидалъ, что и въ другой и въ третьей будетъ то же и что все это протянется на вѣки вѣчные, почему, не трудясь путешествовать далѣе, счелъ возможнымъ съ спокойною совѣстью воротиться домой и лечь спать. Совершенно не то было въ первое путешествіе: подъ вліяніемъ неокрѣпнувшей еще надлежащимъ образомъ лѣни, подъ вліяніемъ смутнаго страха предъ наступающимъ новымъ,

неопредѣленныя формы котораго такъ неожиданно тронулъ извѣстный читателю мужикъ, неумѣвшій однако высказать въ чемъ дѣло, — подъ всѣми этими вліяніями я совершилъ путешествіе и утомительное, хотя и краткое, и весьма тягостное для души. Тягостное и странное впечатлѣніе этого перваго путешествія ничуть не разсѣялось даже тогда, когда случай далъ намъ возможность кое-что узнать о таинственномъ мужикѣ и о томъ, какъ комбинируются его, невысказываемыя человѣческимъ языкомъ мысли.

Случай этотъ представился намъ на богомольѣ, въ уѣздномъ городѣ, отстоящемъ отъ нашего, губернскаго верстъ на тридцатьпять. Попали мы на богомолье именно вслѣдствіе страннаго душевнаго состоянія, которое стали ощущать почти съ первыхъ шаговъ пути, состоянія, которое по совѣсти можно назвать нѣсколько глуповатымъ... Тамъ, гдѣ есть настоящая, подлинная жизнь, тамъ нѣтъ надобности шататься за ней куда бы то ни было, ѣсть за семь верстъ киселя; тамъ по всей вѣроятности всякій вопросъ, возбужденный жизнью, получаетъ тотчасъ же и отвѣтъ отъ нея самой. Въ путешествіи нашемъ было не то. Отправляясь въ путь, мы тоже имѣли нѣкоторый, хотя и недостаточно опредѣленный вопросъ; но когда отвѣтомъ на него стали намъ служить десятки верстъ пустыря, десятки верстъ проселка, который, казалось,

рѣшительно не хотѣлъ вести къ тому мѣсту, куда шелъ, и старался, виляя безъ цѣли изъ угла въ уголъ, только проморить или протянуть время, чтобы потомъ не привести ни къ чему, — когда пришлось радоваться всякой галкѣ и воронѣ, которая заблагоразсудитъ изрѣдка оживить картину унылыхъ полей, — словомъ, когда обнаружилось, что мы за отвѣтомъ отправляемся неизвѣстно куда, — я думаю, никто не задумается опредѣлить нашего душевнаго состоянія, назвавъ его глуповатымъ... Да, природа на первыхъ же порахъ сдѣлала свое дѣло: «куда мы идемъ? Не лучше ли воротиться домой? И какое намъ до всего этого дѣло?» стало мелькать въ головѣ, когда мы отмолотили по тоскующему проселку верстъ пятокъ.

Признаться вслухъ, что мы были чужими въ этихъ поляхъ и проселкахъ, — было неловко, и мы шли, неся въ душѣ порядочно странное состояніе. Невольно чувствовалась потребность ободрить себя, зайдя въ кабачокъ, и мы крайне обрадовались, завидя постоялый дворъ, стоявшій при впаденіи проселка въ старинную большую дорогу. Постоялый дворъ съ раскрытыми по мѣстамъ крышами, съ пустымъ дворомъ, на которомъ повременамъ вѣтеръ поднималъ кое-гдѣ труху и раздувалъ хвость одиноко бродившей курицѣ, — не особенно оживилъ насъ, хоть мы и выпили водки и поѣли. Какое-то запустѣніе вѣяло изъ каждаго угла, отъ каждой вещи. Хозяйка хо-

дила по сѣнямъ, распустивъ на желудкѣ платье и босикомъ, и не то она чего-то искала, не то хотѣла позвать кого то, — но сердилась, что́ можно было заключить по довольно вѣскому удару, нанесенному ею полѣномъ свиньѣ, опрокинувшей корчагу съ помоями; посердившись съ просонокъ въ сѣняхъ, хозяйка вышла на крыльцо и стала будить работника, который спалъ ничкомъ на лавкѣ. «Иванъ! Иванъ! Иванъ! Иванъ!» слышалось намъ въ окно, причемъ всякій разъ раздавалось шлепанье хозяйской ладони объ Иванову спину; но Иванъ не просыпался, да хозяйкѣ повидимому и надобности въ немъ не было, ибо наколотивъ ему спину и накричавшись, она пошла прочь, нѣсколько какъ будто успокоенная, по крайней мѣрѣ она залегла спать не ругаясь... Пустырь, неопредѣленное ворчаніе, вѣтеръ и свиньи, гулявшія свободно по горницѣ, хлопавшія рамы,—все это, при нашемъ неопредѣленномъ положеніи, еще болѣе разстроило насъ: мы испытывали, ощущенія далеко непріятнѣе тѣхъ, какія испытываетъ человѣкъ, попавшій на непріятную семейную сцену, насильно задержанную его приходомъ.

Вечеромъ, мы вышли на крыльцо постоялаго двора не зная куда идти—направо или налѣво. По большой дорогѣ плелись богомолки и богомольцы. Иные изъ нихъ садились близь крыльца перевязать лапоть или просили напиться и скоро уходили далѣе.

На крыльцѣ было общество.

Здѣсь, на ступенькахъ, сидѣлъ хозяинъ—лысый, чернобородый мужикъ, повидимому, съ просонокъ, угрюмый и пыхтѣвшій, какъ котелъ. Онъ былъ въ ситцевой рубашкѣ босикомъ и сурово посмотрѣлъ на насъ.

— Разсчетъ, что-ли, требуется? спросилъ онъ насъ искосясь.

— Да! Разсчетъ бы .. сказали мы, хотя,—не зная, что́ дѣлать,—просто хотѣли посидѣть на крыльцѣ.

— Авдотья! позвалъ хозяинъ жену такимъ голосомъ, словно бы онъ хотѣлъ ее растерзать. — Авдотья! Иди, что-ли!.. заснула тамъ...

Авдотья, жена хозяина, появилась на крыльцѣ. Завязывая на желудкѣ платье, она недовольно сморщила свое лицо и пискливымъ, тоже крайне разстроеннымъ, голосомъ спросила:

— Ну, что?

Говоря это, она обращалась одновременно и къ намъ и къ мужу.

— Разсчетъ дай господамъ.

— Почему же господамъ? вдругъ спросилъ Павлуша Хлѣбниковъ, имѣвшій неосторожность нарядиться въ деревенскій костюмъ, купленный въ городѣ.

Этотъ вопросъ весьма заинтересовалъ и дворника и

дворничиху, такъ что у послѣдней почти вовсе исчезло недовольное выраженіе лица.

— А кто же вы? сказала она. — Я сейчасъ васъ узнала.

— Почему же?

— Вотъ чудаки-то! Что жь вы, мастеровые, что-ли?

Мы не могли дать отвѣта—кто мы.

— Нѣчто мастеровые, продолжала она:—станутъ трескать — извините — подъ такой день скоромь?

Мы опять не могли отвѣтить, ибо не знали, «подъ какой день» съ нами случилось путешествіе.

— Подъ какой день? спросилъ Павлуша.

Тутъ хозяйка захохотала, ударивъ себѣ руками бедра, а хозяинъ поворотилъ къ намъ жирную багровую щеку, и искашиваясь сердитымъ глазомъ, спросилъ:

— Да вы куда идете-то?..

Положеніе наше стало еще труднѣе.

— Къ угоднику, что-ли?

— Къ угоднику! отвѣтили мы на удачу.

— А потребовали молока! произнесла хозяйка.— Какіе-жь вы мастеровые? Нешто мастеровой человѣкъ сдѣлаетъ такъ-то? Онъ Бога помнитъ, онъ не посмѣетъ этого... я сейчасъ васъ узнала, какъ потребовали молока... Какъ это можно, чтобы простой человѣкъ... Простые вы!.. А вы зачѣмъ нарядились-то, баловники?.. Какіе притворщики...

— Къ угоднику идти, на богомолье, сказалъ хозяинъ довольно нравоучительнымъ тономъ:—да наряжаться словно на масляницѣ,—тутъ порядку мало. Такъ нельзя...

Хозяинъ даже тряхнулъ головой—такъ говорилъ онъ нравоучительно.

— Какой человѣкъ имѣетъ вѣру, тотъ идетъ, продолжалъ тотъ онъ тѣмъ же нравоучительнымъ тономъ: — идетъ, напримѣръ, съ вѣрой, напримѣръ, да... А не то что... чтобы... молока—тамъ... Ему память разъ въ годъ, сталобыть надо ее почтить... А не то, что...

— Это «Память» называется то же самое, что праздникъ, пояснила намъ хозяйка.

Мы сидѣли какъ школьники.

— А когда будетъ праздникъ? спросилъ Павлуша.

При этомъ вопросѣ на нѣкоторое время остолбенѣлъ и поднялся даже съ своего сидѣнья дворникъ, а дворничиха просто отшатнулась въ сторону.

— Вы что́ же это творите такое? сказалъ дворникъ, когда прошло оцѣпененіе. — Идете къ угоднику, а не знаете, когда ему память? Мы молчали. Дворникъ смотрѣлъ на насъ въ упоръ, какъ слѣдователь, и сдѣлавъ небольшой промежутокъ молчанія послѣ перваго вопроса, для того чтобы мы почувствовали всю нелѣпость нашихъ поступковъ, — задалъ другой, тоже слѣдовательскій вопросъ:

— Утверждаете, что идете къ угоднику,—а позвольте узнать, какимъ манеромъ вы можете туда идти, ежели вы ничего этого не знаете, и спрашиваете: когда праздникъ?

— Ахъ-ахъ-ахъ! покачивая головой, въ какомъ-то полуудивленіи и полусмѣхѣ лепетала хозяйка. — Н-ну бог-гомольцы...

— Идемъ къ угоднику! по возможности спокойно сказалъ Павлуша дворнику, поднимаясь съ лавки.—Больше ничего...

— Идете Богу молиться—а требуете скоромь! сказала хозяйка.

— Что́-жь такое? Если я боленъ...

— Ахъ-ахъ ахъ! вопила хозяйка —А угодникъ-то на что? Зачѣмъ къ угоднику-то идете?... Неужто-жь молоко можетъ больше противъ... а-ахъ-ахъ...

— Вы бы въ аптеку шли, а не къ угоднику! сказалъ хозяинъ весьма сурово... Ежели вы полагаете, что наѣсться скоромнаго лучше,—то угодника божія вы бы оставили... да...

— Ну, богомольцы... Прикрасно!

— Въ томъ случаѣ вамъ нужно въ аптеку... да! продолжалъ хозяинъ, сердито усаживаясь на ступеньки къ намъ спиной:—а не къ Богу...

— Ну, богомольцы! удивлялась хозяйка. — Идутъ къ

угоднику — не знаютъ когда ему память; нарядились въ мужичье, а сами господа, — вѣры не имѣютъ, а идутъ... молоко для нихъ больше Бога.

— Что это вы говорите! воскликнулъ Павлуша, видя, что она сдѣлала слишкомъ яркое резюме нашего глупаго положенія,—но спохватился онъ не во́ время, ибо, почти во то же время, хозяинъ, точно также пораженный яркостью резюме своей супруги, снова быстро поднялся и еще быстрѣе спросилъ насъ:

— Да кто вы такіе, господа?

— Ты давай-ко разсчетъ-то, да не разговаривай много! сказалъ я весьма нелюбезно.—Не твое дѣло.

— То-то лучше вамъ подобру отседа... поздорову...

— Говори, сколько надо, да заверни языкъ въ тряпку, а то ты мастеръ молоть-то я вижу.

— Три цѣлковыхъ! вотъ сколько! закипѣвъ гнѣвомъ прогремѣлъ хозяинъ.—Давай деньги! Съ васъ, проходимцевъ, и не такъ еще надо бы... Мы вашего брата знаемъ коротко... да!

Видно было, что хозяинъ считалъ насъ въ своихъ рукахъ, но я, чтобы не уронить себя передъ нимъ, принялся торговаться, но выторговалъ, впрочемъ, немного, ибо въ рѣчи хозяина стали упоминаться «становые», «волость» и такъ далѣе, которые хотя и не предвѣшали намъ опасности, но могли затянуть нашу прогулку въ безконеч-

ность, такъ, что я былъ очень радъ, когда намъ, хотя и съ малыми барышами удалось, наконецъ, уйдти. Разставшись съ постоялымъ дворомъ, нѣкоторое время мы шли вдоль столбовой дороги на удачу, куда глаза глядятъ, и поэтому-то встрѣча съ партіею богомольцевъ была намъ необыкновенно пріятна.

Мы пристали къ партіи.

II.

Среди богомольцевъ намъ было свободно и хорошо Народъ этотъ шелъ куда-то тоже какъ и мы, повидимому, неизвѣстно зачѣмъ,—это намъ было по душѣ. Мы въ этомъ обществѣ, могли хоть немножко опомниться, ибо все это общество, и причина его странствованій — было готовою темою для нашихъ наблюденій. Куда и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, идутъ они? пришло мнѣ въ голову, и скоро между нами и богомольцами завязались разговоры. Народъ шелъ къ угоднику самый разнообразный: тутъ были и чиновницы, и мѣщанки, и отставной солдатъ, и какія то неопредѣленныя лица въ полукафтанахъ мужескаго пола, и такія же женскія. Но при самомъ поверхностномъ ознакомленіи съ мыслью ихъ путешествія, оказывалось, что этой мысли, пожалуй, что и нѣтъ. Была тутъ старушка, которая шла подавленная милліонами семейныхъ несчастій, молчаливая,

вся измученная, но она не пускала къ себѣ въ душу, дѣйствительно наполненную вѣрой; въ прочихъ же сюжетахъ толпы богомольцевъ я не примѣчалъ серьёзности, или цѣльности руководившей ими мысли въ путешествіи. Слушая ихъ разговоры, я вспоминалъ нашу томительно-скучную провинціальную жизнь, въ которой выростаютъ Алеши, бѣгающіе съ котомъ, Павлуши-тенора, поющіе басомъ, и такъ далѣе.

— Вы, матушка, по обѣщанію, что-ли?

— По обѣщанію, родная. А вы?

— И я по обѣщанію. Болѣли у меня зубы три года ровно, день и ночь, день и ночь.

— И—матушка...

— Измучилась я, родная, — вся какъ есть: и доктора были, и заговаривали,—воротитъ вотъ скулу на сторону. Тутъ я и дала обѣщаніе.

— Вы бы дергали зубы? притворно-болѣзненнымъ тономъ говоритъ товарка.

— У меня и такъ ни одного нѣту...

— И—и... И прошли?

— Какъ дала обѣщаніе, такъ сейчасъ и прошли.

— То-то угодникъ-то. Я сама тоже — у меня пять лѣтъ ломила нога лѣвая.

Слѣдуетъ длинный разсказъ про болѣзнь.

— И прошло?

— Слава Богу... Кажный годъ съ тѣхъ поръ хожу къ угоднику...

— А я, матушка, въ первой... Сказываютъ, какъ хорошо-то!

— И—и родимая! Такъ-то хорошо—такъ хорошо.— Боже мой! Разсказать этого—такъ и словъ нѣту никакихъ... То-то хорошо-то.

Странницы нѣсколько разъ повторили, какъ все это хорошо и чудно, но въ чемъ состояла красота—вы рѣшительно бы не узнали, еслибы въ разговоръ не вмѣшался странникъ въ черномъ полукафтанѣ.

— Въ Оптиной пустынѣ, сказалъ онъ:—вотъ ужь такъ хорошо, а въ Соловецкомъ еще лучше.

— Не была, батюшка, не хочу лгать.

— Какъ можно, вмѣшалась новая странница: — въ Соловецкомъ невпримѣръ лучше... Есть ли тутъ ночлегъ-то страннымъ?

— Тутъ, матушка, отъ обители нѣту ночлега.

— Гдѣ-жь народъ-то спитъ?

— А гдѣ Богъ пошлетъ. И на голой землицѣ поспишь.

— Для Бога все можно,—а ужь, что насчетъ упокою, такъ въ Соловецкомъ монастырѣ эдакія хоромы выведены для страннаго человѣка,—пріютъ тебѣ есть покрайности... А трапеза здѣсь какъ?

— Не знаю, матушка, свое ѣмъ.

— Здѣсь трапеза слабая! сказалъ странникъ. — Вотъ у Саввы плотника,—такъ тамъ—вотъ тамъ ужь чудесно. Въ полночь ты пришелъ, за полночь, во всякое время тебѣ—пища... Экономъ сейчасъ выноситъ—рыбу ли тамъ, квасъ-ли—что тамъ по чину — вкуси, говоритъ... То-то хорошо-то!

— Ужь такъ! ужь хорошо!... А тутъ-то какъ же? Неужто ужь угощенія обитель не выставляетъ?

— Угощеніе есть—ну, скудное. Послѣ обѣдни по копейкѣ, по полуфунта хлѣба, да щей тамъ.

— И—и!... Что́-жь такъ? Тутъ мѣста рыбныя?

— Рыбныя точно, только что нѣту заведенія этого... Настоятель изъ военныхъ.

— Н—ну!.. Только щи? Какія же щи-то?

— Ну, тамъ со снѣткомъ иной разъ... Скупо!

— Скупо! Ужь скупо! такая обитель... Нѣтъ, у Тихона Задонскаго много лучше..! Вотъ ужь гдѣ хорошо-то, такъ ужь, кажется, и разсказать-то не разскажешь .. Тамъ сейчасъ тебѣ подаютъ пирогъ съ кашей...

— Въ Оптиной съ капустой, прибавилъ странникъ.

— А тутъ съ кашей,—первое... съѣла ты пирогъ,—начинается пѣніе; пропѣла ты тропарь, опять садись за столъ,—щи от-тличнѣйшія.

Просто слюни текли, слушая реэстръ кушаньямъ, кото-

рыя, по словамъ записной и опытной странницы, подавались въ обители. Нѣкоторые изъ странниковъ и странницъ, заслушавшись ея разсказами, въ умиленіи повторяли:

— То-то хорошо-то!... Ужь и хорошо..

Съѣстная черта неизвѣстнаго намъ «то-то хорошо» — была разъясняема довольно долгое время, причемъ совершенно неожиданно обнаружился совершенно для меня новый типъ странника,— изъ мѣщанъ, который странствовалъ исключительно съ съѣстными цѣлями.

Это былъ молодой, лѣтъ двадцати-пяти, малый, весьма недалекій, но крайне добродушный.

— Чудесное это дѣло, я тебѣ скажу, странствовать, сказалъ онъ мнѣ, слушая странницу.—Слабому человѣку, вотъ какъ я, примѣрно, лучше не надо

— Чѣмъ же?

— Да чѣмъ. Чего мнѣ нужно-то? былъ бы сытъ, больше мнѣ ничего не надо... А тутъ въ обителяхъ почесть, вездѣ кормятъ. Круглый годъ и сытъ.

— Неужто круглый годъ?

Да почесть что такъ. Теперь гляди. По веснѣ идутъ обительскіе праздники съ выносомъ, изъ теплаго, стало быть зимняго мѣста, переносятъ въ холодное мѣсто. Тутъ бываютъ праздники; ну-ко, покуда обѣгаешь всѣ-то ихъ? Хвать, анъ весна-то, Господи благослови, и прочь. Весну отправишь—идетъ лѣто, тутъ ужь настоящіе праздники,

тутъ угощеніе отъ обителей иной разъ сутокъ потрое, почетверо... Тутъ только поспѣвай; я вотъ теперь сюда, а завтра, послѣ вечерень, я ужь отсюда въ ходъ. Да Надо поспѣвать къ Саввѣ Плотнику, большое празднество, съ трапезой, тутъ надо облаживать дѣла, не зѣвать. Ви дѣли, какъ дѣла-то?

— А осень?

— А осенью опять, Господи благослови, переносъ начинается изъ холоднаго мѣста опять же въ теплое обратно, и опять же празднество. Тутъ опять обѣжишь мѣстовъ тридцать, анъ, гляди, и зима.

— Ну, а зимой какъ?

— А зимой, братецъ мой, я къ купцамъ въ кучера. Особливо люблю купчихъ. Куда ей ѣхать? Лежишь, да стихи духовные поешь на печи. Купцы народъ — не поворотъ, что ему? Иной разъ только и ѣзды бываетъ, что отъ угару...

— Какъ отъ угару?

— Угораютъ вѣдь они, купцы, по зимамъ. Почесть каждый день они угораютъ, ну, запряжешь мѣрина, потаскаешь ребятъ по воздуху, чтобъ отошло... Сами-то хрѣномъ болѣе... Только всего и работы иной день.. А иной случится, съ хозяйкой на рынокъ съѣздишь. На рынокъ ей, все одно какъ въ театръ, время провести. Нашъ братъ, простой человѣкъ, захотѣлъ ѣсть, пришелъ въ об-

жорный рядъ: «Почемъ? Рѣжь!» Больше ничего... Засунулъ рубецъ за щеку и пошелъ къ своему мѣсту,--а имъ этого не надо. Ѣдешь въ лавку шагомъ, разговариваешь съ ней, съ купчихой: «не будетъ ли, молъ, завтра морозу», какъ узнать? Ну, говоришь ей такъ и такъ... Собака пробѣжитъ, о собакѣ поговоришь, галка въ случаѣ,— тоже и объ ней частію... А иной разъ, думаешь угодить ей, чтобъ побольше времени протянулось, возьмешь распряжешь лошадь среди улицы, и водишь такъ-то кругомъ, а она сидитъ въ саняхъ, ждетъ... Ей это любо... „Ты бы, говоритъ, мѣрина-то вонъ туда бы повелъ...“ Я его эво куды заведу, за пять верстъ, а она дожидается въ саняхъ. Чудаки они бываютъ, купчихи! Я у нихъ зимой жить люблю... А какъ весна, я маршъ на переносъ и пошелъ. Да что же?

— Да, хорошо.

— Ей-богу... Да и по святымъ мѣстамъ, какъ хорошо-то.

— Хорошо!

— Дюже хорошо... Столь дивно, такъ это... Ахъ, шутъ тебя возьми, табакъ-то весь.

— На, возьми папироску, сказалъ я.

— Дай, другъ, дай... Весь табакъ-то...

— Постыдись ты, безпутный, замѣтила, увидѣвъ папироску, одна изъ странницъ, грубымъ, басоватымъ го-

лосомъ. — Далеко-ль тутъ осталось до угодника? Хошь бы ты малость потерпѣлъ... Грѣхъ вѣдь!

— Грѣхъ, это вѣрно. Только теперь я и курить примусь, и грѣха не будетъ, хвастовито сказалъ молодецъ.

— Будетъ!

— Анъ нѣтъ! То-то и есть. Они, обратился онъ ко мнѣ, съ веселой улыбкой:—они, эти богомолки, страсть какъ для моей души помогаютъ. Ей-богу. Теперь, изволишь видѣть: курить точно грѣхъ, это вѣрно. Но коль скоро она меня осудила, на комъ грѣхъ-то?

Богомолка сердито молчала.

— На тебѣ! весело сказалъ ей молодецъ. — Видѣла? И выходитъ такъ, что ты идешь къ угоднику-то съ папиросой, а не я... Ловко, что ли?

— Богъ съ тобой.

— Видѣла? продолжалъ молодецъ.—Какъ вышло-то чудесно. Я вотъ покурю субѣ, накурюсь, а чистъ! а ты съ папироской... А не осуждай! Отлично мнѣ, продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—съ этими съ богомолками ходить... Я напьюсь, наѣмся, накурюсь, все справлю, а онѣ идутъ, корочку да водицу, хвать, вся ѣда на нихъ, потому не вытерпитъ—осудитъ, а я чистъ-чистехонекъ подхожу къ Господу, словно бы я и не ѣлъ, и не пилъ ничего. От-тлично это выходитъ...

Г. Успенскій.

— А ты-то не осуждаешь, что ли? спросила его старуха.

— Я-то? Никакъ. Чѣмъ я тебя осудилъ? Я тебя какъ называлъ: «старушка божія», на мнѣ грѣховъ вотъ на этакой волосокъ нѣту, а вотъ на тебѣ есть... Теперича ты идешь къ угоднику, и напилась ты, и наѣлась, и накурилась, а я—чистъ. А кто ѣлъ-то? Я! Видѣли, какъ ловко вышло?.. Ха!..

Молодой малый весело покуривалъ папироску, весело шелъ впередъ, и повременамъ съ улыбкой говорилъ:

— Ну-ка, старушка божія, закури еще папироску, и закуривалъ самъ.

— Ахъ, старушка, какъ тебѣ не стыдно, идешь къ угоднику и табачищемъ дымишь... Вѣдь это дьяволы въ тебѣ дымятъ... Какой у тебя табакъ знатный! мимоходомъ замѣчалъ онъ мнѣ.

Богомолка молча норовила идти впереди и не отвѣчала.

Пройдя съ богомольцами верстъ десятокъ, мы почти не слыхали отъ нихъ другаго въ объясненіе «то-то хорошо-то», кромѣ съѣстного. Изрѣдка только кто нибудь, пренебрегая съѣстнымъ и желая коснуться предмета съ другой, болѣе высокой стороны, упоминалъ о звонѣ, о пѣніи.

— Въ которомъ часу звонъ-отъ, батюшка? поохивая и покряхтывая спрашивала богомолка богомольца.

— Въ первомъ часу, матушка! отвѣчалъ тотъ, выдѣлывая слова на старушечій манеръ и даже стараясь говорить женскимъ голосомъ.

— Въ полночь?

— По полуночи, матушка, въ сам-мую по полуночи.

И они оба вздыхали. Вздоховъ этихъ понять мы не могли.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались все ближе и ближе къ городу, толпы богомольцевъ стали увеличиваться; по дорогѣ все чаще и чаще стали проноситься экипажи, и нарочно устроенныя на случай праздника кибитки изъ рогожъ, трепавшихся по сторонамъ телеги; народу ѣхало много. На двѣнадцатой верстѣ отъ постоялаго двора, въ большую губернскую дорогу, впадала другая такая же большая дорога, шедшая на Москву, — и съ этого впаденія количество богомольцевъ и повозокъ съ пассажирами еще болѣе увеличивалось. Шатанія съ богомольцами и вообще ходьба цѣлаго дня, достаточно ужь утомили насъ и мы приняли предложеніе какого-то ямщика, который громкимъ голосомъ кричалъ, обращаясь къ богомольцамъ:

— Два мѣста есть; православные, садись. Недорого возьму... Звонъ прозѣваешь... Ей!

За рубль серебромъ мужикъ согласился насъ довезти до города, и мы, забравшись въ просторный и круглый

какъ орѣхъ тарантасъ, необыкновенно покойно сидѣвшій на сломанныхъ и перевязанныхъ веревками дрогахъ,— очутились въ обществѣ купца и купчихи.

Послѣ обычныхъ вопросовъ: «къ угоднику-ли, батюшка?» сказанныхъ тоже старушечьимъ тономъ, почему-то необходимымъ при разговорѣ объ угодникахъ божіихъ, и вовсе ненужномъ этому купцу, когда онъ въ своей лавкѣ продаетъ гнилой товаръ, — послѣ этого вопроса, на который мы дали утвердительный отвѣтъ, опять послышалось знакомое намъ:

— То-то, говорятъ, хорошо-то!

Это сказала купчиха и вздохнула.

Купецъ, ея супругъ, только вздохнулъ, и не имѣя, по всей вѣроятности, возможности выяснить свой вздохъ словами,—обратился къ кучеру съ вопросомъ:

— Это какъ деревня-то называется?

— Не знаю.

— Это Красные Дворы, отвѣтилъ купецъ самъ себѣ, ибо давно зналъ эти мѣста какъ свои пять пальцевъ.

Мы молчали. Иногда тарантасъ трепалъ насъ головами о свои стѣны, причемъ купчиха крестилась.

— А что, господа, сказалъ купецъ: — въ которомъ часу въ обители начало звону будетъ?

— Въ полночь! отвѣчали мы.

— Въ полночь! сказалъ купецъ.—Какъ чудесно!

Купчиха вздохнула. Они ѣхали къ угоднику отъ стрѣльбы въ голову.

— Въ полночь! повторилъ купецъ.—Правда ли, нѣтъ ли, не знаю, сказываютъ, всенощная оканчивается въ двѣнадцатомъ часу, а черезъ часъ опять служеніе?

— Не знаю, сказалъ я.—Мы въ первый разъ.

— Гм! Въ первый... Сказываютъ, дюже хорошо?

— Говорятъ, что хорошо.

— Хорошо!..

Купчиха, ударясь о косякъ вискомъ, вздохнула и перекрестилась. Разговоръ пресѣкся. Съѣстной взглядъ на вещи не приличествовалъ купцу по его состоянію и положенію, а насчетъ звону много не наговоришь...

— Это какая деревня-то? спросилъ онъ опять ямщика.

— Не знаю! отвѣчалъ тотъ.

— Это Мымриха...

Разговоръ было опять пресѣкся, но неожиданно врагъ попуталъ купца и онъ произнесъ:

— Тутъ воровъ... Господи, Боже мой!

— Гдѣ именно?

— А вокругъ обители — страсть одна! Тутъ воры шатаются цѣлыми табунами, изъ одной обители въ другую такъ и переваливаютъ. Меня разъ какъ обчистили; дѣло было такъ...

Начался длинный, длинный разсказъ про воровъ,

сразу оживившій нашу до сихъ поръ довольно натянутую бесѣду. Сначала купецъ разсказалъ, какъ его обокрали у Митрофанія; потомъ купчиха начала разсказывать про свояченицу, которую среди бѣла-дня обокрали наиобразцовѣйшимъ образомъ. Интересны были не процессы кражи, а оживленіе, съ которымъ шелъ этотъ разговоръ.

Видно было, что купецъ ѣхалъ поразмять кости, засидѣвшіяся за прилавкомъ, и отвести душу, одеревеневшую отъ постояннаго сосредоточенія на томъ, что «уступить нельзя», «самимъ дороже» и т. д.

Мы такъ подружились, что купецъ предложилъ намъ отправить жену въ страннопріимный домъ, а самъ хотѣлъ остаться съ нами, гдѣ-нибудь въ трактирѣ.

— Все чайку попьемъ, сказалъ онъ.

— Перекрестись! дернула его за руку жена:—аль не видишь? колодецъ святой?

Купецъ снялъ шапку, перекрестился и сказалъ:

— Право, попили бы, господа?

Далѣе шелъ разговоръ о нынѣшнихъ и старыхъ временахъ. Сущность разговора была та, что теперь пошло въ ходъ мошенничество, тогда какъ прежде его и слыхомъ не было, будто бы, слышно.

Между тѣмъ на дворѣ темнѣло сильно; ночь была жаркая, съ тучами безъ звѣздъ.

Вдали уѣзднаго города виднѣлись огоньки и ярко горѣла внутренность соборнаго купола надъ мощами угодниковъ.

Фигуры богомольцевъ поминутно мелькали цѣлыми толпами мимо дверей нашего тарантаса.

— Марья Кузьминична! дернувъ за рукавъ жену и указывая ей на куполъ, произнесъ купецъ.—Глянь: кумполъ-то!

Купчиха глянула и перекрестилась.

— Ужь какъ хорошо!

— Дивно! сказалъ купецъ, но намѣренія своего отправиться съ нами въ трактиръ не бросилъ.

Когда тарантасъ нашъ заколесилъ по темнымъ, изрытымъ канавами и ямами улицамъ уѣзднаго города, онъ опять сказалъ женѣ:

— Право, тебѣ къ Амелоѣ бы Тимоѳевнѣ, въ страннопріимный... По крайности спокойнѣе.

— Ну-ка-чтожь!

Въ голосѣ купчихи слышалось недовольство, несмотря на то, что мужъ говорилъ, повидимому, ласково: по всей вѣроятности, она коротко знала, что́ значатъ эти ласковыя приглашенія. Сдавъ жену въ страннопріимный домъ, купецъ громко крикнулъ извощику «пошелъ», и судя по жесту, употребленному имъ при этомъ, намѣренъ былъ провести время весело.

— Въ первомъ часу звонъ-то? спросилъ онъ у извощика.

— Въ первомъ.

— Теперь девятый часъ. Пошелъ! Много время. Къ Синицыну...

У Синицыца былъ трактиръ, гдѣ мы нашли водку и жареную рыбу. Но разговора и веселья съ купцомъ не состоялось, да и усталость клонила ко сну. Павлуша Хлѣбниковъ совсѣмъ раскисъ, ничего не слыхалъ и не понималъ, и когда мы, наконецъ, улеглись всѣ трое въ томъ же тарантасѣ на дворѣ, такъ-какъ во всемъ городѣ не было угла, гдѣ бы не было набито биткомъ, онъ заснулъ, какъ убитый. Мы лежали рядомъ съ купцомъ и молчали. О чемъ было говорить намъ? Купецъ, видимо, настроивался на религіозный ладъ. На этотъ ладъ настроивалось кромѣ насъ множество народу, лежавшаго тоже въ тарантасахъ и телегахъ, которыми былъ запруженъ дворъ. Но, какъ они ни налаживались, ничего не выходило кромѣ вздоховъ и вопросовъ о звонѣ.

— Когда звонъ-то? слышалось въ одномъ углу.

— Въ первомъ часу, отвѣчало пять человѣкъ.

— Въ первомъ?

— Въ первомъ часу звонъ.

— Что это?

— Про звонъ спрашиваютъ.

— Про звонъ?

— Про звонъ.

— Звонъ въ первому часу.

— Да я такъ и сказалъ.

— А-а! Я не разслышалъ. А звонъ тутъ точно въ полночь начинается.

И потомъ:

— О-охъ, Господи, батюшка!

Или:

— Хорошо! дюжо хорошо!

Я заснулъ.

Когда я проснулся, звонъ шелъ въ полномъ разгарѣ. На дворѣ все копошилось и суетилось: тутъ купецъ причесывалъ гребнемъ мокрые волоса; тамъ богомольцы умывались, утираясь полами и шапками; народу было вездѣ множество, хоть было только шесть часовъ утра. Купца уже не было. Не безпокоя Павлушу, крѣпко спавшаго, я пошелъ въ монастырь.

У монастырскихъ воротъ торговали свѣчами, иконами, книгами. Тутъ же была небольшая ярмарка: около палатокъ толпились красныя полки деревенскихъ женщинъ. Слѣпые пѣли стихи, нищіе просили милостыню, торгаши кричали съ покупателями. Въ монастырскихъ воротахъ стоялъ столъ со множествомъ стклянокъ и бутылокъ, наполненныхъ масломъ. Простыя деревенскія женщины,

больные, увѣчные, толстыя купчихи, толпами подходили и пили по стаканчику.

Иногда въ маслѣ чернѣлъ кусокъ фитиля. Но все-таки пили.

— Ваше благородіе! весело произнесъ купецъ, встрѣчая меня.—Что долго почивали?

— Усталъ.

— А канпаніонъ?

— Онъ спитъ.

— Хе-хе-хе Богомольцы! Развѣ такъ можно! А я ужь приложился.

— Уже?

— Эво! А вы?

— Я вотъ сейчасъ

— Пойдемте, я еще разъ приложусь вмѣстѣ съ вами!

Въ это время изъ толпы народа пробралась къ намъ купчиха, и запыхавшись произнесла, обращаясь къ мужу:

— Приложился?!

— Какъ же.

— А въ старомъ предѣлѣ?

— Въ какомъ?

— Гдѣ рака?

— Это гдѣ же?

— Да вонъ онъ, вонъ, иди скорѣе, а то набьется народу... Иди...

— Пойдемте скорѣе! сказалъ купецъ, торопясь идти.

— Ай не были? спросила купчиха меня.

— Да народу много, не проберешься.

— Ахъ, молодые люди! Ужь на что мы женщины, дряни считаемся, а и то пробились... Идите скорѣе.

Старая церковь была набита биткомъ, такъ что народъ большою массою толпился у входа.

Толкотня и давка ужасныя.

— Купецъ, купецъ! кричали купцу нѣсколько богомолокъ. — Мы за тобой слѣдомъ... Дай, батюшка, пробиться женщинамъ.

— Господинъ купецъ! проведи женщину.

— Идите! идите! за мной!

Купецъ былъ истинный герой въ эти минуты. Онъ оживился, сталъ молодцомъ, выпрямился и съ истинно варварскимъ ожесточеніемъ вломился въ толпу. Круто согнутыми локтями онъ валилъ народъ направо и налѣво, не разбирая: женщина ли тутъ съ ребенкомъ, старикъ ли, монахиня, — онъ просто крутилъ среди толпы, какъ вихорь! Богомолки, держась одна за другую, и охая, бѣжали по слѣду, который купецъ, какъ хорошій пароходъ, оставлялъ за собой.

Я не могъ за нимъ слѣдовать—такая была давка.

Минутъ черезъ пять онъ воротился весь красный, и

расшвырнувъ толпу съ крыльца въ разныя стороны, появился передо мной.

— Приложились? спросилъ я его.

— От-тлично, два раза приложился.

Купецъ встряхнулъ волосами и отеръ губы рукавомъ.

— А вы-то?

— Да тѣснота ужасная.

— Пойдемте, я васъ проведу, въ другомъ мѣстѣ. Я еще тамъ не прикладывался. Дска.

— Что такое?

— Дска, доска по нашему... Такъ приложиться надо къ ней... Пойдемте...

И опять онъ врѣзался въ толпу съ какимъ-то неестественнымъ азартомъ, какъ будто въ этомъ была его задача. И я замѣтилъ, что не одинъ онъ любилъ расправить кости въ этой свалкѣ.

Наконецъ, онъ вездѣ приложился.

— Куда-жь теперь? сказалъ онъ въ недоумѣніи.

— Пойдемте чай пить, сказалъ я.

— Грѣхъ бы...

— Какъ знаете.

— Да ужь пойдемъ, пойдемъ. Обѣдни начнутся въ двѣнадцатомъ часу... Куда дѣться...

Но выпивъ одну-другую чашку почти молча, купецъ сказалъ:

— Нѣтъ, надо отстоять раннюю, отдѣлаться да подтить по рынку потолкаться... Поздняя-то обѣдня вѣдь она до трехъ часовъ протянется... и ушелъ.

Я посидѣлъ немного и пошелъ разъискивать Павлушу Хлѣбникова. Въ тарантасѣ его не было. Поднявшись во второй этажъ каменнаго постоялаго двора, я нашелъ его въ широкихъ новыхъ сѣняхъ, — онъ умывался. Передъ нимъ стояла кухарка съ корцомъ воды, и чему-то смѣялась, прикрывая ротъ рукою.

Завидя меня, онъ молча махалъ мнѣ рукою, какъ бы говоря: «ступай, ступай!» Я не понималъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ ли полотенчика? сказалъ онъ, обращаясь къ кухаркѣ.

— На-те! послышался откуда-то дѣвичій голосъ...

Изъ раскрытаго, выходившаго въ сѣни окна, изъ-подъ опущенной шторы, высунулись пальцы женской руки, съ колечкомъ на мизинцѣ и подали полотенце.

— Покорно васъ благодарю.

Рука спряталась. И въ комнатѣ, изъ занавѣшаннаго окна которой она высовывалась, послышался смѣхъ молодыхъ голосовъ...

— Не хотятъ къ обѣднѣ-то... усмѣхаясь прошептала кухарка...

Павлуша очевидно одерживалъ побѣду. Я оставилъ его, и ушелъ на улицу...

III.

Шла поздняя обѣдня. Главная соборная церковь, гдѣ находился угодникъ, была биткомъ набита господами, наѣхавшими изъ окрестныхъ деревень, городской аристократіей, купечествомъ и тѣми изъ простонародья, которые успѣли пробраться заблаговременно. Церковныя двери были заперты и на паперти стояли частные пристава и будочники, пропуская благородныхъ господъ и провожая дамъ. Массы другихъ богомольцевъ наполняли дворъ и большими толпами разлеглись вокругъ высокой монастырской стѣны. Было глубокое молчаніе,—молчаніе необыкновенно томительное, въ которомъ кромѣ терпѣнія я не могъ ничего видѣть. Изрѣдка слышался голосъ кликуши въ толпѣ, и тогда возбуждалось вниманіе, но потомъ опять та же тишина, терпѣніе и молчаніе. Иной богомолецъ стоитъ, стоитъ, — пойдетъ куда-то. Въ проходѣ подъ колокольней толпа народу ломится въ желѣзныя двери, стараясь проникнуть на колокольню — и ломится потому, что какой-то слѣпой горбунъ не пускаетъ туда, напирая широкою, неуклюжею грудью на дверь. Богомолецъ самъ начинаетъ продираться на колокольню. За копейку его пускаютъ. Вошелъ онъ въ первый ярусъ, тутъ народъ идетъ во второй,—и онъ за нимъ Кто-то хочетъ

перелѣзть черезъ перила, на монастырскую крышу — и перелѣзаетъ, весь народъ смотритъ на смѣльчака, вслѣдъ за которымъ лѣзетъ другой; желѣзные листы кровли гремятъ подъ ихъ ногами Частный приставъ погрозилъ имъ пальцемъ съ крыльца и они сѣли на крышѣ на корточкахъ. И опять томительное молчаніе. Вокругъ монастыря лежатъ толпы бабъ и мужиковъ. Разговоровъ нѣтъ никакихъ — про свое, про домашнее говорить еще успѣютъ въ дорогѣ и дома. Сюда они шли добровольно, не такъ, какъ на барщину или по требованію становаго,—зачѣмъ-нибудь имъ это было нужно... Но скучно и клонитъ сонъ... На колокольнѣ раздались удары колокола; лежавшіе подняли головы, встали, поглядѣли, почесались и легли.

Я сидѣлъ за воротами постоялаго двора, и глядя на эти молчавшія, дремавшія толпы, чувствовалъ себя очень тяжело...

Рядомъ со мной, тутъ же на лавочкѣ, сидѣли: сельскій дьячокъ и солдатъ, оба пожилые; солдатъ былъ отставной.

Дьячокъ задавалъ ему отрывочные вопросы, солдатъ отвѣчалъ ему тоже полусловами, растирая на ладони табакъ.

— Какой губерніи?

— Новгородской.

Молчаніе.

— Новгородской? переспрашивалъ дьячокъ.

— Новгородской губеніи, повторялъ солдатъ.

— Гм!

И молчаніе.

— Тихвинскаго уѣзда, произносилъ онъ какъ бы въ раздумьѣ спустя нѣкоторое время:—Новгородской губерніи, села Спасскаго.

— Большое село?

— Село у насъ большое.

И потомъ:

— У насъ село большое. Большое село.

— Большое?

— Большое село... Семьсотъ дворовъ...

— У-у-у...

— Да... Село богатое. Богатое село.

И опять молчаніе.

— Эта медаль гдѣ получена?

— За Польшу!

— За польскую кампанію?

— За польскую.

— То-то я гляжу новенькая.

Солдатъ поглядѣлъ молча на свою медаль.

— Мы тогда три мѣсяца выстояли въ Радомской губерніи...

— Что же? какъ?

— На счетъ чего?

— Какъ, напримѣръ, бунтъ этотъ... ихній. Вѣдь они хотѣли своего царя?

— Мало чего нѣтъ!.. Имъ дозволь...

— Какъ можно!.. Ну, а какъ народъ?

— Народъ,—обнаковенно... ничего.

— Ничего?

— Ничего...

Изъ подобострастія въ голосѣ, которымъ дьячокъ разспрашивалъ солдата, и изъ торопливости, съ которою онъ какъ бы наобумъ задавалъ ему ничего незначущіе вопросы, я не могъ не видѣть, что дьячокъ боится потерять собесѣдника.

Да и самъ я боялся потерять его. Вслѣдствіе чего, когда солдатъ замолчалъ и сталъ укладывать кисетъ въ карманъ, какъ бы собираясь уйдти, а дьячокъ, уставившись на него, не зналъ повидимому, о чемъ спросить, я тоже поспѣшилъ задать ему вопросъ:

— Ну, а прежде гдѣ вы стояли? сказалъ я на удачу.

— По губерніямъ больше.

— По губерніямъ? спросилъ я, и дьячокъ повторилъ то же.

— Больше все по губерніямъ стаивали.

Нить разговора снова готова была прерваться, но

солдатъ, должно быть умилосердившись надъ нами, произнесъ:

— Во время крестьянства, такъ тогда много насъ потаскали... По поволожью...

— Много? спросилъ дьячокъ.

— Потаскали довольно.

— Что-жъ усмирять, что-ли?

— Усмирять. Усмиреніе было... Противъ безпокойства.

— Ну, и что-же, много было хлопотъ?

— Нѣтъ, настоящаго ничего почесть не было... чтобы напримѣръ, битвы, али что... Такъ...

— Ну, какъ же вы?

— Ну, придемъ, получаемъ отъ помѣщика угощеніе...

— Угощенье?

— Какъ же. Одинъ намъ выставилъ шесть коровъ.

— Шесть?

— Шесть коровъ; да какъ же? выставилъ. Господа хорошіе.

— Н-ну?

— Ну,—пришли. Стали за селомъ. Бабы, дѣвки разбѣжались,—думали насильство будетъ...

— Ишь вѣдь безтолочь!

— Разбѣжались всѣ кто куда... А мужики съ хлѣбомъ-солью къ намъ пришли, думали мы имъ снизойдемъ. Хе-хе!

— То-то дурье-то, и-и!

— Ужь и правда... Я говорю одному: вы, говорю, ребята, оставьте ваши пустяки! Мы шутить не будемъ, намъ ежели прикажутъ, мы ослушаться не можемъ, а вамъ будетъ очень отъ этого дурно...—Противъ насъ, говоритъ, пуль не отпущено...

— Вотъ дубье-то...

— Говоритъ:—«не отпущено, говоритъ, пуль...» Я говорю: «а вотъ увидите, ежели не покоритесь»...

— Ну, и что же?

— Ну, обнаковенно — непокорство... И шапокъ не снимаютъ! Начальство дѣлаетъ команду, — холостыми! Какъ холостыми-то мы тронули, — никто ни съ мѣста.. Загоготали всѣ какъ меренья! Го-го-го! Пуль нѣтъ... «Нѣтъ?» Нѣтъ! Ну-ко! скомандовали намъ. Мы—рррaзъ! Батюшки мои! Кто куда! Отцу родному, и лихому татарину, и-и-и... А-а!.. Вотъ-те пуль нѣту.

— А-а!.. Не любишь?

— Вотъ-те пуль нѣту у насъ!..

— Ха-ха-ха!.. То-то дураки-то!.. Нѣту пуль! И заберется же въ голову!

— Вотъ-те, говорю, пуль нѣту!. ха-ха-ха!..

— Ха-ха-ха!

Посмѣялись.

— То-то черти-то, прости Господи! сказалъ дьячокъ.— Какую иной разъ заберутъ въ голову ахинею,—хоть что

хошь, ничего не выбьешь! Вѣдь какую кашу иной разъ заварятъ... Вотъ въ нашемъ селѣ и посейчасъ идетъ суматоха съ мужиками... Того и гляди, доведутъ до бѣды... Ей-богу.

— А то что-же? сказалъ солдатъ. — Не будешь соблюдать что́ показано, —за это тебя по головкѣ гладить не будутъ, будь покоенъ...

— И ей-Богу такъ! Вотъ хоть у насъ.

— Далеко-ли?

— Здѣшняго уѣзду, верстъ тридцать... Село Персоленое. Такъ у насъ, я тебѣ скажу, вотъ ужь который мѣсяцъ идетъ безтолочь... Просто покою нѣтъ! Да дураки! Да что они денегъ-то извели! Вѣдь страсть! А почему? Шутъ ихъ знаетъ!

— Порядку не знаютъ. Больше ничего.

— Именно! Теперь на однихъ ходоковъ сколько они прогусарили денегъ. Посылаютъ ходока, — такого же, какъ и сами дуракъ,—ходитъ, ходитъ, — придетъ ни съ чѣмъ... А теперь какъ ходокъ въ городъ,—и простись.

— Я одного такого ходока встрѣтилъ, сказалъ я. — Не знаю, отъ васъ ли.

— Гдѣ вы встрѣтили?

— Въ городѣ. Недѣли полторы тому назадъ.

— Ну, нашъ, нашъ! Ну нашъ! Это наши!

— Бѣлокурый?

— Ну, нашъ, нашъ, Демьянъ! Теперь онъ въ тепломъ мѣстѣ сохраняется...

— Изъ-за чего это у нихъ вся исторія? спросилъ я.

— А шутъ ихъ разберетъ!

— Какъ же такъ?

— Да такъ... Вы разговаривали, что ли, съ нимъ? съ ходокомъ-то?

— Разговаривалъ.

— Ну, что-жь онъ вамъ сказалъ?

— Да онъ-то дѣйствительно что-то путался. Что-то про душу, про...

— Ну, вотъ-вотъ! перебилъ меня дьячокъ. — Про душу... Вспомнили душу, изволишь видѣть! сказалъ онъ, обратившись къ солдату.

— Хе! промычалъ тотъ.

— Что́ же можетъ сдѣлать для нихъ начальство? Ну, самъ ты посуди!

Солдатъ не отвѣчалъ, хотя и произнесъ слово «обнаковенно».

— Больше ничего, продолжалъ дьячокъ: — что дали волю...

— Это самое...

— Д-да! больше ничего—воля. Прежнее время онъ съ утра до ночи на работѣ. Онъ пришелъ домой повалился — какъ камень, а въ нонѣшнее-то ему ужь часъ

другой—и безъ дѣла придется... да! Ну, ему и лѣзетъ въ башку.

— Это самое. Свобода.

— Да какъ же. Прежде онъ одно дѣло кончилъ, пошелъ бы куда хотѣлъ, анъ управляющій кричитъ: «иди туда-то». А теперь онъ лошаденку свою загналъ въ сарай,—и все его дѣло... И въ кабакъ...

— Да-а, въ кабакъ! это ему первое удовольствіе, весь пропился.

— Дѣт-ти пьютъ! Дѣт-ти!

— Цссс... Нѣтъ, этого не было!

— И въ умѣ-то ни у кого объ этомъ не было, не то что вьявъ... А какъ дали имъ волю,—вотъ у нихъ и забрусило... На разные манеры: душа, то-се... Ну, только, я такъ думаю,—опоздали! да!

— Поздна штука!

— Да, поздновато!.. Опомнились! Становой имъ говоритъ: « на все есть законъ; тамъ сказано, чтобъ этого не было, больше ничего» — нѣтъ, воротятъ, стоятъ на своемъ.

— Да въ чемъ же въ самомъ дѣлѣ вся эта исторія? спросилъ я.—Кажись, дѣло началось изъ за земли?

— Видите, какое дѣло. Я вамъ сейчасъ разскажу. .

— И душа тутъ какъ-то къ землѣ...

— И душа. Вотъ какъ было дѣло.

Дьячокъ придвинулся ко мнѣ.

— Изъ-за земли, изволите говорить? Это несправедливо. Ужь ежелибы изъ-за земли, то имъ бы надо затѣвать дѣло раньше, въ самомъ началѣ, когда крестьянство уничтожилось. Въ это время съ ними господскіе довѣренные дѣйствительно поступали неакуратно. Земля имъ дана плохая, но такъ-какъ страху они были научены, то и взяли ее, безсловно! Второе дѣло — придирка къ нимъ была большая: снопы развалились—штрафъ. Цѣлину пахали, борозды рѣдкія—штрафъ, а мерзлую (раннюю весну ихъ тогда выгнали) землю пахать, да еще цѣлину—и то спасибо, хоть и рѣдкіе-то. Но они и тутъ молчали. Другой разъ троимъ досталось совсѣмъ понапрасну: гулялъ баринъ съ собакой, ночью, а караульщикъ увидалъ его, не разглядѣлъ и подошелъ съ другимъ караульщикомъ, къ барину-то! У обоихъ на плечахъ дубины — ну, барину-то и того... онъ бѣжать! они за нимъ, онъ — «караулъ!» Поднялся шумъ (время было непокойное), и покажись съ горяча-то, что они съ злымъ, напримѣръ, намѣреніемъ, похватали. Началось дѣло .. Много было противъ нихъ грѣха, это говорить нечего,—только ничего—ни-ни,—ни Боже мой не было... Авось не привыкать имъ къ этому?

— Обнаковенно! сказалъ солдатъ.—Въ прежнее время нешто—такъ-то.

— Ну, да! Еще въ тридцать разъ хуже... А тутъ

все же мужику и на себя время стало оставаться; иной разъ, что по положенію справитъ дома, уберется, да и безъ дѣла посидитъ... Ну, и пошло ему въ голову... Послѣ того, какъ я разсказывалъ вамъ, — посадили караульщиковъ въ острогъ, — отецъ Алексѣй, нашъ священникъ, самъ ходилъ къ барину, объяснялъ ему, «что, молъ, неправильно это вы, и кстати ужь и про управляющаго объяснилъ: теперь, говоритъ, воля, этого нельзя дозволять управителю, народъ, пожалуй, недовольствіе окажетъ...» Послѣ этого, баринъ взялъ другого управляющаго, — и народу еще послободнѣй стало; тутъ ему и полѣзло въ голову... Особливо ежели пропить нечего.

— Да!

— Да! Какъ въ кабакъ-то не пойдетъ. Что онъ на печи-то лежа надумаетъ?.. Только дозволь себѣ.

— Такъ полѣзетъ нечистота, упаси Богъ.

— Да и кромѣ нечести, пойдетъ тебѣ,—и то и се... Кажется не глядѣлъ бы на свѣтъ—ну, вотъ и у мужиковъ тоже самое... Гляжу я, идетъ ко мнѣ подъ вечерокъ мужикъ.—Здраствуй, Игнатичъ! Что скажешь? — Думаю что-нибудь по хозяйству, по домашности тамъ...—Да такъ говоритъ... И мнется. — Садись; скажи, молъ, что-нибудь... — Да я такъ, говоритъ, ничего... Чешетъ голову. Я молчу.—А что, говоритъ: Игнатичъ, что я хотѣлъ тебя спросить, правда-ли нѣтъ-ли, кто на святую помретъ,

тотъ въ рай? — Что это, говорю, тебѣ пришло на умъ? Да такъ, говоритъ, ноне рано убрались, тамъ оно тае... Ну, обыкновенный ихній разговоръ...

— Таё да таѣ! сказалъ солдатъ.—Талды да калды.

— Ну, да... Ну, объяснилъ ему, — чтобъ онъ и не мечталъ; «царствіе божіе внутрь васъ есть» и для него много надобно,—а не просто умеръ да и на!..—А говоритъ, а душа? — Что душа? Ну, говори. — Нѣтъ, ты, говоритъ, скажи. Я не знаю... Ну, объяснилъ. Ну, спасибо... И стали ко мнѣ, другъ любезный, шататься, — то одинъ то другой. И почему человѣкъ идетъ въ землю, и какъ въ аду, и что́ кому будетъ... Что за чудеса? думаю. Что́ васъ прорвало? Ребята, говорю, я вѣдь не попъ, я и ошибку могу дать; шли бы вы лучше по домамъ,—потому у меня еще вонъ лошадь не убрана, — а на все на это есть храмъ божій; слушай, что поютъ, читаютъ, — вотъ тебѣ и отвѣтъ. А иному просто скажешь: шелъ бы ты, любезный домой на печку!—Да мнѣ, молъ, маленько въ умъ вошло.—То-то въ умъ-то вамъ все лѣзетъ; шелъ бы ты лучше домой...—Я, молъ, такъ.—Ну, и ступай съ Богомъ...

— Да! На печку!

— Ужь куда, молъ, намъ съ тобой разсуждать. Отвадилъ я ихъ такимъ манеромъ. Думалъ конецъ,—хвать анъ далеко еще до конца-то.—Стали они ужь вотъ какъ.

«Давай, говоритъ, спорить!» Эге! думаю. Встрѣтится иной разъ на улицѣ.—А давай, говоритъ Игнатичъ, споръ съ тобой сдѣлаемъ. — Объ чемъ?—О душѣ. — Давно ли ты объ ней узналъ?—Когда ни узналъ, да узналъ, говоритъ. Недавишь узналъ.—Поздновато, говорю, ты спохватился.— А то мы, говоритъ, какъ свиньи.—Именно, говорю, свиньи, и разговаривать мнѣ съ тобой не время. Извини. И уйдешь.—Нѣтъ, кричитъ вслѣдъ, это дѣло оставить нельзя.—Ну, думаю, какъ знаешь. Оставляй, не оставляй, у меня своихъ хлопотъ полонъ ротъ. Да, право.

— Чаво еще. Всякій исполняй свое дѣло, свое положеніе, что̀ слѣдуетъ.

— Да, не до того. Отбиваешься такъ-то отъ нихъ, а дѣло-то все не къ концу, да! Что за чудо? Слышу, и у батюшки были, тоже споръ предлагали, и у отца дьякона... Идетъ слухъ, человѣкъ пять на работу не пошли... И все душа.—Да что вы за черти такіе? Какая душа? Вѣдь подписали грамоту, слышали положеніе, чего еще? Нѣтъ, о душѣ что-то городитъ, работать не хочетъ. Что̀ такое? Стали мы искать, кто такой это ихъ завастривалъ. Потому ежели-бы они одни, то имъ только въ кабакъ отъ скуки ходить, а тутъ нѣтъ, тутъ ишь какую паутину распустили. И что за чудо: неповиновеніе стали оказывать. За землю, говорятъ, платить не надо. — Да вѣдь вы платили, вѣдь ужь два года платили?—Ошибка была; побожески, гово-

рятъ, этого не выходитъ... — Да вѣдь законъ, порядокъ требуетъ?—Ладно, говорятъ. Вотъ и сказъ!... Что такое! Дальше больше, дольше больше,—чисто бунтъ открывается...—Отчегожь вы тогда не претендовали?—Богъ намъ ума не далъ.—А теперь далъ?—Теперь, говорятъ, далъ.—Ну, говоришь, глядите, ребята, становой тутъ какъ тутъ какъ бы чего не вышло... А это что же?

— А это изволите видѣть, проживалъ у насъ въ деревнѣ, какой-то старичишко. И ужь съ давнихъ временъ все я его такимъ помню древнимъ. То на пчельникѣ проживаетъ, то такъ... Такъ, бездомовный. Былъ слухъ, что даже и въ бѣгахъ онъ состоялъ. Вотъ этотъ-то старичишко ихъ и помутилъ всѣхъ; можетъ слыхали, есть этакіе раскольники, называемые—бѣгуны... По слѣдствію-то вышло, что и этотъ старикашко тоже бѣгунской ереси... Бѣгать-то ему ужь некуда, такъ вотъ онъ и сталъ разводить смуту... А бѣгунская ересь, это ужь самая заморенная. Въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ было описаніе,—такъ это страсть! Противъ начальства, противъ податей, противъ всего ломитъ на прочь. Сам-мая злющая ересь эта. Вотъ старикашко-то тожъ этой ереси придерживался — живи, молъ, самъ по себѣ, отчетъ отдавай одному Богу, у тебя душа, ты подумай о ней, самъ-то въ навозѣ весь и душа твоя въ навозѣ, душу твою платой обложили; за нее ты платишь, а не думаешь о ней. И всякое этакое. Вотъ

какъ стало имъ посвободнѣй-то, старикашко это и запѣлъ свою пѣсню, и заворочало у нихъ. И стали они: «Я человѣкъ»! а я имъ: «Да мнѣ чортъ тебя дери! Прости Господи. Мнѣ-то что, хоть ты пѣтухъ будь такъ мнѣ все равно». Право, ей-Богу... Такъ разуважилъ этихъ мужиковъ—страсть. И возмечтали—и то имъ, и другое, Боже мой! Оно дѣйствительно человѣку тоскливо; надо говорить по совѣсти: съ женой дерется, дома слова не слышно, праздникъ пьянъ,—плохое житье, ну, старикашка-то тутъ и напуталъ. «А это, говоритъ, ты потому жену бьешь, что бѣденъ, а почему?» Надо говорить прямо — хитрая оказался шельма, этотъ старикашко... Я на допросѣ его былъ, такъ вѣдь какъ онъ, шельма, подводилъ одно подъ одно, просто чудо! По его словамъ такъ кажнему мужику бариномъ надо быть. «Баринъ-то, говоритъ, вонъ какъ свою супругу любитъ, тебя мужика и на очи ей не пуститъ, а ты, говоритъ, подпоить тебя, такъ ты жену-то за рубъ серебромъ чиновнику продашь... А ты долженъ знать любовь!» Ужь какъ подвелъ! Очень плутоватый былъ старичишко, нечего сказать. Ну, и помутилъ народъ, только въ грѣхъ ввелъ. У самого-то старика весь, можетъ быть, родъ ихній былъ въ этой ереси воспитанъ, всѣ они по лѣсамъ бѣгали можетъ лѣтъ сто, а то и больше; ему все это знать въ тонкости не диво, онъ можетъ никогда и въ крѣпостной работѣ-то не работалъ, жилъ по своему,

такъ ему не въ диковинку всѣ эти привередничанья, а нашъ-то мужикъ, съ тѣхъ поръ и думать обо всемъ позабылъ. На крѣпостномъ-то положеніи у него вся родня лѣтъ триста либо пятьсотъ была, такъ какая тутъ любовь? Чтó онъ тутъ понимаетъ? До любви-ли ему было, когда разложуть, да...

— Гар-рячихъ! вставилъ солдатъ: — штукъ пятьсотъ ввалютъ.

— Да! Отъ всего этого онъ во-она когда еще отвыкъ, и зналъ одно исполнять чтó прикажутъ... Стало быть, чтò же онъ могъ тутъ понять по человѣчеству? И вышло у насъ — невѣстъ что! Старикашко то разлакомилъ ихъ, а умомъ-то взять всего они не могутъ.

— Опоздали маленько!

— Да! Припоздали малымъ дѣломъ... И хочется быдто какъ по человѣчьи, — а не туда! Не выходитъ! Всего-то порядку-то, какой у старика былъ, въ мысляхъ—у нихъ и нѣтъ! Пошло у нихъ въ головахъ отъ этого большое смятеніе... И душа тутъ, и земля, и богъ-знаетъ, чтó. Пріѣхалъ становой. «Вы почему не ходите на работу?» — Такъ и такъ, мы люди, теперь возьмите—у насъ душа и все такое. Становой обнаковенно «молчать!» Больше ничего?—Да что же? Ну, что же ежели мы всѣ такъ-то заоремъ? Нѣшто это дѣло начальства? Онъ требуетъ порядку, эти разные мозголовія прошли; ежели хочешь по

своему—убирайся въ дремучій лѣсъ, а въ порядкѣ этого нельзя...

— Каждому потрафить нельзя...

— То-то я думаю, что не подходитъ. Становой исполняетъ свою должность, ты исполняй свою. «Я съ вами, говоритъ, не разговаривать пріѣхалъ; разговаривать иди въ кабакъ, а не здѣсь. Почему вы нейдете на работу? Молчать! Это что такое?» Начинаютъ опять свое: — мы сами земля, за что-жь намъ платить; мы прахъ... Опять становой имъ кричитъ: «Молчать!» Просто измучили бѣднаго! «Порядокъ, говоритъ, требуетъ, чтобъ вы шли; все это вздоръ, не мое дѣло, душу имѣй какую хочешь, мнѣ это наплевать, а исполни по закону все. Молчать!». Что тутъ дѣлать? Опять вопрошаетъ: — это что такое, отчего вы молчите?—Мы имѣемъ душу... Мы прахъ... За что-жь платить-то? Просто смерть! «Молчать, канальи!» Просто даже весь красный сталъ, подъ съ него льетъ, а главное человѣкъ-то хорошій, и радъ бы, да ничего не сдѣлаешь. Какую онъ имъ душу? Откуда? Бился, бился, написалъ слѣдователю... Что́ прикажешь дѣлать?

— Ну, и пошло?

— И пошло.

— Ну, и что-жь они?

— Все стоятъ на своемъ. Какъ бы этого старичишку вытравили перво-наперво, они бы опамятовались. Это вѣрно.

Потому сами по себѣ они къ этимъ философіямъ непривычны, а то старичишку-то они куда-то запрятали, а тотъ ихъ подгвозживаетъ. «Стойте, говоритъ, крѣпко, ребята!» Тѣ и стоятъ... Ловкачи этакіе есть: «Стойте, стойте, шушукаютъ,—хошь въ острогъ!» И ничего не сдѣлаешь.

— Не знаютъ порядку, больше ничего.

— Да больше ничего и есть. Что́ такое ему надобно? Вѣдь человѣка, конечно, смутить можно. А по совѣсти сказать, ну, что ему надо? Что́ онъ смыслитъ въ душѣ? Живетъ онъ чисто какъ скотъ, надо говорить прямо. Придешь въ избу-то,—страшно поглядѣть какъ есть какъ свинья.

— Чистая скотина!

— Ей-ей, жену колотитъ, напьется, изъ дому все волочитъ въ кабакъ, о себѣ не заботится, ни свѣчки, ни чашки, жрутъ почесть изъ корыта, — куда ему толковать о душѣ? Онъ и въ церкви-то стоитъ какъ столбъ, да это, когда еще придетъ въ церковь-то. Вонъ погляди, сказалъ дьячокъ, указывая на валявшіяся толпы богомольцевъ, на людей, безцѣльно шатавшихся по монастырской стѣнѣ, по крышамъ, на колокольнѣ.—Вотъ поглядите: кажется, всѣ они пошли Богу молиться, къ угоднику, и видите чѣмъ занимаются... Вы думаете, тутъ вѣра? Ему просто чтобъ ничего не дѣлать, въ чужомъ кабакѣ выпить...

— Тутъ ужь давича ломились въ кабакъ-то, да запертъ, говорятъ, послѣ обѣденъ отопрутъ.

— Ну, вотъ видите. Какая же тутъ вѣра! Онъ какъ есть какъ деревянный, больше ничего. Ему вотъ вышелъ денекъ, онъ и радъ радъ ничего не дѣлать, вотъ и претъ къ празднику, а онъ и житія-то угодника не знаетъ, такъ какъ дикій какой эфіопъ. Поглазѣть, потолкаться... Теперь вонъ литургія идетъ, а онъ валяется, ему скука.

Дьячокъ замолкъ, и мы тоже молчали; стояла прежняя тишина и томительное молчаніе.

Вдругъ на колокольнѣ раздалось нѣсколько ударовъ колокола.

Валявшаяся толпа вдругъ вскочила.

— Ишь! Вонъ какъ! всѣ поднялись! сказалъ дьячокъ. — Какъ же, — все разобрать хочется! охъ, черти, черти!...

Толпа поглядѣла, поглядѣла и улеглась опять.

— Видно, не разберешь, сказалъ солдатъ: — съ мякины-то.

— Да-а! Такъ намъ и разбирать... Хоть бы Богъ далъ и съ тѣмъ справиться, что́ слѣдуетъ, по твоей части, и то слава тебѣ Господи, а то еще...

Дьячокъ не кончилъ.

Мы долго молчали. Солнце начинало подвигаться въ

нашу сторону, я ушелъ съ лавки и пошелъ во дворъ, самъ не зная зачѣмъ.

— Вотъ какъ по нонешнему-то! въ полусерьезномъ, полушутливомъ тонѣ говорила кухарка, сметавшая пыль съ послѣднихъ ступенекъ лѣстницы.—Маменька въ церкви Божіей, а дочки тутъ балясы точутъ.

Сверху лѣстницы раздался смѣхъ.

— А тебѣ какое дѣло?

— Какъ какое? А на комъ взыщется?.. Я вѣдь за вами смотрѣть приставлена? а вы что́ дѣлаете?

— Разговаривали.

— Что жь такое? послышался голосъ Павлуши.

— Въ такое время нельзя балясничать, а надо идти въ церкву, да.

— Вѣдь идемъ.

— Эва! когда ушь шапки разбираютъ... Охъ, дѣвки, дѣвки!... Я вошелъ на лѣстницу, тоже потому, что некуда было идти и незачѣмъ.

Молоденькая дѣвушка, одѣтая въ какое-то нелѣпаго покроя и цвѣта праздничное платьице, съ голыми по локоть, худенькими руками и плечами, сбѣжала мнѣ на встрѣчу.

— Пойдемъ! сказала она назадъ, и вмѣстѣ съ двумя другими дѣвушками за ней появился Павлуша.

Всѣ они побѣжали къ воротамъ.

— Ты куда? остановилъ-было я его.

— Къ обѣднѣ! второпяхъ произнесъ онъ, догоняя дѣвушекъ.

— Постой! Погоди!

— Послѣ, послѣ! говорилъ онъ.—Твоя сосѣдка! Вотъ братъ прелесть!

— Какая сосѣдка?

— Городская! Да послѣ разскажу все.

— Ты поѣдешь, что-ли, со мной? Я буду лошадей искать...

— Не поѣду! Я нанялъ ихняго ямщика... На козлахъ.

И онъ умчался вслѣдъ за дѣвушками.

Я видѣлъ, какъ первая изъ дѣвушекъ нѣсколько разъ обернулась пока мы разговаривали.

Я мелькомъ видѣлъ лицо ея—оно мнѣ сразу понравилось.

«Затѣвается что-то... Но что-то выйдетъ?» подумалъ я, и шелъ на балконъ.

Чтó изъ этого вышло,—я разскажу впослѣдствіи. Теперь же прибавлю, что Павлуши я больше въ этотъ день не видалъ.

Сидя на балконѣ, я видѣлъ тутъ молчаливую толпу. Взглядъ дьячка на весь этотъ народъ, какъ на скотъ,—былъ не особенно справедливъ; въ скукѣ и молчаливомъ ожиданіи этой толпы было повременамъ много истинной

душевной теплоты и глубокой вѣры, постичь которую я, какъ горожанинъ, незнакомый вовсе съ народной душою, рѣшительно не могъ. Я видѣлъ только эти серьезныя, задумчивыя лица мужиковъ и бабъ, терпѣливо ждавшихъ выноса мощей съ шести часовъ утра до трехъ часовъ дня.

Чѣмъ-нибудь же да поддерживались ихъ уставшіе нервы? Что-то, стало быть, держитъ его на землѣ, среди трудовъ, невѣжества и скотскаго житья, очерченнаго дьячкомъ?..

Я не буду изображать необыкновеннаго воодушевленія, охватившаго толпу, когда неожиданно раздался громкій, веселый звонъ и тронулся крестный ходъ. Я ничего этого не понималъ.

Мнѣ только было очень тяжело на душѣ.

А когда черезъ двѣ минуты по окончаніи хода, началось пьянство, наступившее почти моментально и въ самыхъ изступленныхъ размѣрахъ, я вдругъ почувствовалъ непреодолимую жажду вернуться домой... Къ вечеру мнѣ удалось найдти ямщика.

IV.

Этимъ богомольемъ кончилось краткое, но весьма тягостное первое путешествіе. Выбравшись вечеромъ изъ

города снова въ поле, на возвратный путь, и лежа въ мужицкой телегѣ, я соображалъ о видѣнномъ и чувствовалъ себя крайне дурно; эти почти безсильныя потуги ощущать что-либо непохожее на тягостную обыденщину,—и неумѣнье, отвычка отъ потребности цѣнить личныя ощущенія, которыя я видѣлъ и въ купцѣ, притворно кряхтящемъ и охающемъ побабьи, разсуждая о звонѣ, который для него не представляетъ ничего особеннаго, и томящихся скукою толпахъ народа, вскакивающихъ отъ удара колокола, и въ особенности въ любопытной исторіи, разсказанной дьячкомъ, о безтолковыхъ односельчанахъ, затѣявшихъ запутанную исторію «обо всемъ» нужномъ человѣку: о душѣ, о любви, и требующихъ удовлетворенія отъ становаго пристава. Какъ смутно чувствовали эти люди свои душевныя потребности, какъ мало было у нихъ средствъ выразить свои желанія, хоть мало-мальски доступно человѣческому пониманію, какъ отвыкли они отъ этихъ насущныхъ потребностей души, безъ которыхъ обходилась столѣтняя, поистинѣ, мученическая жизнь...

Небо было сѣрое; моросилъ дождь; на душѣ было скучно и тяжело. Такъ провелъ я всю дорогу до дому. Но вотъ я дома. На столѣ кипитъ самоваръ; мокрый пѣтухъ оретъ подъ крыльцомъ здоровеннымъ басомъ и громко хлопаетъ крыльями.

— Ай дома? возглашаетъ Лукьянъ, появляясь съ веселымъ лицомъ въ комнату. Помолился Богу-то?

— Помолился.

— Ну, ладно. Посылай поздравку.

Послали за поздравкой.

— А тутъ безъ тебя то-то дѣла-то были.

— Были?

— Тутъ были дѣла, Боже милостивый! (Лукьянъ махаетъ рукой, уже успѣвъ опорожнить чашку и придвигая ее къ самовару). Ужь мы съ твоей маменькой то-то посмѣялись.

— Ужь да! Ужь было смѣху! говоритъ матушка.

— Да разскажите, чтó такое? говорю я, съ удовольствіемъ входя въ колею нашихъ обычныхъ интересовъ.

— Андрюшку косолапа знаешь?

— Ну, знаю.

— Ну, ужь дѣло пошабашенное, — ужь вѣдь онъ шилья укралъ у меня весной?

— Это вѣрно, что онъ.

— Ну, онъ. — «Ты молъ укралъ-то?» — «Нѣтъ, не я». — «Не ты?» — «Нѣтъ, не я...» — «Н-ну, смотри!..». Я ему давно это говорилъ, и, признаться, точно что имѣлъ на него злобу... Попадись подъ пьяную руку—я бы съ нимъ, съ шельмой, шутить не сталъ. Ну, такъ это тогда сердце и прошло: чортъ съ тобой! Только теперь и

взбреди мнѣ на умъ: дай я съ нимъ сшучу шутку. Пошелъ онъ въ баню, а я взялъ ихняго пѣтуха,—знаешь, «Зубодёръ»?

— Ну, знаю.

— Ну, взялъ этого пѣтуха,—любимый онъ у него... Душу отдастъ. Взялъ я пѣтуха-то, поднесъ къ окну въ банѣ, и говорю: «Андрюшка — говорю — я сейчасъ ему голову на́прочь». Какъ онъ увидалъ пѣтуха-то у меня, что́-жь бы ты думалъ?

— Ну?

— Выскочилъ, каковъ былъ,—за мной. Я въ переулокъ, онъ за мной, весь въ мылѣ,—тутъ смѣху! Вся улица высунулась.

— Ха-ха-ха!..

— Ха-ха-ха!.. помираетъ наша компанія.

И мало по малу успокоиваетъ меня, и сталъ я думать нѣсколько проще: если ужь, дѣйствительно, народъ опоздалъ завоевать вещи, которыхъ, за долгимъ отсутствіемъ, онъ не можетъ даже и выразить настоящимъ образомъ, то на эти невыразимыя вещи не стоитъ обращать и вниманія, а укрѣпляться болѣе въ томъ убѣжденіи, что современемъ ихъ не будетъ совершенно. Всѣ эти Демьяны поумнѣютъ, и не будутъ роптать на жестокость становаго, у котораго имѣется тоже только право одного возгласа «молчать». Что́ можетъ сдѣлать этотъ бѣдный

человѣкъ, еслибы онъ былъ даже переполненъ возможностью выразить и растолковать Демьянамъ все то, что́ они выразить сами не умѣютъ? Я начиналъ думать, что: «ничего», ибо, разъяснивъ и растолковавъ, онъ все-таки долженъ бы былъ прибавить — «молчать...». И будетъ, сталъ я вѣрить, такое благодатное время, когда никто ничего самъ хотѣть не будетъ.

Быть можетъ, я только хотѣлъ успокоить мою натуру, начавшую крѣпко привыкать къ лѣни; не спорю: мнѣ нужны были факты успокоительные; но въ то тревожное время, когда появлялись уже знакомые читателю Демьяны, нужны были нѣкоторыя натяжки, чтобы отстранить отъ себя плѣнительный обманъ зрѣнія, нужно было иной разъ убѣждать себя въ томъ, что это пройдетъ, и вообще очень часто приходилось чувствовать какую-то душевную тяжесть.

Но чѣмъ ближе къ нашему времени, къ послѣднимъ днямъ, тѣмъ мнѣ становилось все легче и легче и тѣмъ чаще стали попадаться люди, изумительно хорошо выработанные для того, чтобы всѣ Демьяны могли знать, что кромѣ порядка не должно быть ничего.

Познакомлю васъ съ однимъ изъ этихъ людй, участвующихъ въ поддержаніи благообразія настоящаго времени, котораго мнѣ недавно пришлось встрѣтить послѣ долгой разлуки со школы. Звать этого моего знакомаго

Иванъ Купріяновъ; онъ юристъ. Трудно представить себѣ другую, болѣе благопріятную обстановку для выработки современнаго типа «порядочнаго» человѣка, чѣмъ та, въ которой съ дѣтства находился Купріяновъ. Прежде, нежели онъ родился на свѣтъ, семейство его хранило множество преданій относительно того, что «ничего не подѣлаешь», что каждый шагъ зависитъ отъ кого-то, кто можетъ позволить сдѣлать его, можетъ и не позволить. Слово «нельзя» и «молчать» семейство Купріянова знало въ совершенствѣ. Отецъ Ивана Купріянова дослужилъ до офицерскаго чина изъ простыхъ солдатъ; это стоило ему немалыхъ трудовъ, увѣчій и ранъ, и съ словомъ «нельзя» ознакомило довольно хорошо. Отлучиться съ часовъ къ больной женѣ, крикъ которой слышится изъ сосѣдней лачужки, нельзя. Купить корову для ребенка и повести ее за полкомъ, — такъ-какъ приказано идти въ походъ, — нельзя. Отлучиться къ женѣ, оставшейся въ лазаретѣ на пути похода, нельзя; купить и носить шапку на ватѣ, по случаю ревматизма, нельзя, равно нельзя надѣть фуфайку, несмотря на ломоту въ поясницѣ. Все это, то-есть и шапка, и корова и пр., могли быть разрѣшены точно такъ же, какъ могли быть и строго воспрещены, и если отецъ Ивана Купріянова успѣлъ достигнуть офицерскаго чина, то можете судить, какія громадныя усилія долженъ былъ онъ посвятить терпѣнію

и повиновенію. Въ такой страшной школѣ, гдѣ для того, чтобы надѣть теплую шапку, нужно было дожидаться указа изъ правительствующаго сената. Прожила семья Купріяновыхъ, т.-е. отецъ и мать, до сѣдыхъ волосъ, когда пожалованъ былъ чинъ, и Иванъ Купріяновъ, десятилѣтній мальчикъ, когда я узналъ его, уже былъ прочно воспитанъ для безропотнаго повиновенія. Я познакомился съ нимъ на вступительномъ экзаменѣ въ гимназію. Это былъ не мальчикъ съ дѣтскимъ лицомъ, а человѣкъ, въ глазахъ котораго было видно, что кромѣ несправедливостей, онъ не встрѣтитъ ничего, но что онъ къ нимъ привыкъ, и покорно несетъ свою голову подъ ихъ удары. Тутъ же я увидѣлъ и отца его, запыленнаго, только что, съ разрѣшенія начальства, отлучившагося изъ сосѣдней деревни съ стоянки и дрожавшаго за участь сына. Потъ лилъ градомъ съ его худого, загорѣлаго лица, когда онъ велъ своего сына къ экзаменатору. Сынъ его зналъ все въ совершенствѣ; онъ годился не только въ первый классъ, куда отецъ просилъ опредѣлить его, но въ пятый. На подготовку онъ убилъ несчетное число трудовъ и безсонныхъ ночей, причемъ ему твердилось, что на него въ будущемъ вся надежда, что́, впрочемъ, мальчикъ зналъ и самъ, ибо Богъ далъ ему простую, любящую душу; но, несмотря на все это, Богъ-знаетъ что́ могло случиться.

И, дѣйствительно, случилось.

— Зарѣзалъ его учитель-то! говорилъ его отецъ, чуть не плача, моей матушкѣ, выходя въ корридоръ.

— Что́ вы, родной?

— Именно зарѣзалъ. Не такъ! все не такъ!

— Да дайте вы ему... по силѣ, по мочи...

— Матушка моя, не имѣю... Семью оставилъ въ деревнѣ съ рублемъ.

Иванъ Купріяновъ стоялъ при этомъ съ опущенными въ землю глазами, съ дрожавшими, покрытыми мѣломъ пальцами и съ каплями пота на гладко выстриженной головѣ.

— Какъ же это ты, Ваня? говорилъ отецъ. — Вѣдь, знаешь ты—все... Какъ это ты?..

Ваня весь трясся и вздохнулъ.

— Возьмите у меня, отецъ родной,—отдадите... Авось не на вѣки вѣчные,—дѣти вмѣстѣ будутъ...

— Благодѣтельница!..

— Богъ вамъ поможетъ. Подите къ учителю, да спросите, какъ, молъ, повидаться...

— Спасибо вамъ, мать родная. Какъ ваше имячко, матушка? заливаясь слезами и едва слышнымъ голосомъ говорилъ воинъ, знавшій и черкесовъ, и поляковъ, и турокъ и венгерцевъ.

Ивана Купріянова приняли въ гимназію, и съ этого

дня онъ сталъ моимъ лучшимъ другомъ. Это былъ человѣкъ опытный въ несчастіяхъ, знавшій, что́ такое жизнь, знавшій, что жить на свѣтѣ трудно, и что слава Богу, если не умрешь съ голоду. Сидя въ училищѣ на лавкѣ въ то время, какъ товарищи отвѣчали учителю выученный наизустъ «Делибашъ», онъ думалъ о томъ, что шинель, которую носитъ теперь, можно къ Рождеству отдать маленькому братишкѣ; считалъ, сколько будетъ стоить передѣлка, къ кому отдать подешевле, и когда очередь доходила до него, онъ поднимался и исправно читалъ наизустъ «Делибашъ». Окончивъ отцу письмо, въ которомъ напрасно бы стали мы искать просьбы взять на праздникъ, беречь щенковъ, оставленныхъ дома, и пр., въ которомъ, напротивъ, все дѣло и горе, въ которомъ прилагается рубль, вырученный за уроки, извѣщается, что полтинникъ оставляется на пуговицы, которыя оборвались и за которыя начальство строго взыскиваетъ,— окончивъ это полное заботъ письмо, Иванъ Купріяновъ принимался писать къ слѣдующему уроку сочиненіе, на тэму «о спящемъ младенцѣ», причемъ необходимо было выразить невинность спящаго младенца и перенестись къ его будущему, которое должно быть прекрасно, и притомъ изобразить такъ, чтобы было поболѣе придаточныхъ предложеній. Необъятнаго труда стоило ему сочинять заданную ахинею, — ему, знавшему сонъ младенца безъ

придаточныхъ предложеній розоваго цвѣта; но онъ писалъ это, воротилъ, потѣлъ цѣлыя ночи, потому что это нужно, надо, безъ этого плохо и просто нельзя жить на свѣтѣ.

Когда, случалось, онъ приходилъ къ намъ по воскресеньямъ, я не могъ надивиться его познаніямъ разныхъ жизненныхъ подробностей, въ которыхъ онъ смѣло могъ конкурировать съ моей матушкой, имѣвшей на плечахъ сорокъ лѣтъ. Со мной, исправнѣйшимъ уличнымъ мальчишкой, ему не о чемъ было толковать — любимымъ собесѣдникомъ его была матушка. Въ разговорахъ ихъ постоянно слышались слова: трудно, да надо, да нельзя, да вздохи. Теперь сестрѣ ужь четырнадцатый годъ пошелъ, а образованія ей не дано, говоритъ Ваня:—потому тогда, когда подавали прошеніе объ опредѣленіи ее, не вышло лѣтъ, не хватило два года и семь мѣсяцевъ три дня, изъ Петербурга отвѣтили отказомъ, а потомъ не съ чѣмъ было ѣхать, потому, отцу не разрѣшено было перейти въ — скій полкъ, который стоялъ въ губернскомъ городѣ.

— Да просили бы, говоритъ матушка.

— Да ужь просили. Отказано. Пропущенъ срокъ.

Съ этимъ семейнымъ бременемъ на плечахъ, тяжесть котораго въ будущемъ должна была увеличиться во сто разъ, ибо отецъ Вани Купріянова былъ плохъ, утомленъ

и страдалъ отъ ранъ,—съ этими-то семейными заботами Ваня Купріяновъ родился, учился въ гимназіи, учился въ университетѣ—и вездѣ, дорожа жизнью своей семьи, которая должна была остаться на его попеченіи, и не имѣя права подвергать несчастнымъ случайностямъ жизнь родныхъ ему людей, которые на своемъ вѣку вынесли слишкомъ много, онъ долженъ былъ покоряться тому, что «можно» и училъ знать, что то, что́ нельзя—нельзя. Поэтому-то въ гимназіи онъ училъ акуратно глупые и скучные учебники, отвѣчая на ни на что и никому ненужные вопросы учителей, хоть самъ понималъ жизнь больше всѣхъ учебниковъ. Въ университетѣ акуратно держалъ экзамены, не имѣя силы отличаться и разсчитывая получить столько баловъ, которые бы акуратно хватало для права болѣе или менѣе свободно дышать на бѣломъ свѣтѣ.

Я не видалъ этого мальчика съ отъѣзда его въ университетъ, куда онъ поѣхалъ на кровныя деньги, добытыя кровнымъ трудомъ, на урокахъ у купцовъ, платившихъ не больше трехъ рублей въ мѣсяцъ; денегъ этихъ было скоплено ровно столько, чтобы не умереть съ голоду въ дорогѣ, а для продовольствія въ столицѣ, начать, съ перваго же дня по пріѣздѣ, вновь трудиться, шагать изъ конца въ конецъ за рублемъ. Жизнь эта была воистину мученическая, но вотъ она кончилась, и Купрія-

новъ уже два года прокармливаетъ семью скромнымъ жалованьемъ судебнаго слѣдователя. Уже два года онъ не зналъ ни сочувствія, ни несочувствія, вымѣриваетъ и утопленниковъ, засовываетъ пальцы въ раскроенные мозги, обозначаетъ глубину и силу нанесеннаго прохожимъ молодцамъ удара, спрашиваетъ о вѣрѣ, о количествѣ лѣтъ и сажаетъ въ тюрьмы и остроги, и т. д. Словомъ, дѣлаетъ свое дѣло и прокармливаетъ семью. Безстрастіе его въ этихъ дѣлахъ изумительно Переведенный въ нашъ городъ, онъ случайно встрѣтилъ меня на улицѣ, и я едва узналъ его. Это былъ худой, сухой и совершенно скучный человѣкъ, съ какимъ-то сухимъ надорваннымъ голосомъ, ничему неудивляющійся, ничего неожидающій. Обстановка моего жилища съ лѣнью, курами и прочими атрибутами, весьма заинтересовавшая Павлушу Хлѣбникова, не произвела на него никакого впечатлѣнія; казалось, какія бы ему обстановки ни попадались — для него все равно — надъ всѣми обстановками виситъ что-то такое, чего ни я, ни онъ предвидѣть не въ состояніи. Визитъ его ко мнѣ былъ очень странен: я не былъ чиновникъ, не зналъ о чемъ говорить съ нимъ, онъ не зналъ о чемъ завести рѣчь со мной. Такъ что мы преисправно помалчивали.

— Это у тебя не кассаціонныя ли рѣшенія? проговорилъ онъ, потягиваясь къ толстому соннику, только-что пріобрѣтенному матушкою.

— Нѣтъ, братъ, сказалъ я: — не кассаціонныя.

— А! произнесъ онъ и сталъ собираться домой.

Я его не удерживалъ.

Но спустя нѣкоторое время, какъ-то совершенно нечаянно, я зашелъ къ нему самъ.

На каждомъ шагу лежали разные законы и вороха дѣлъ. Онъ объявилъ мнѣ, что, быть можетъ, скоро придется получить мѣсто товарища прокурора и поэтому-то онъ набралъ разныхъ дѣлъ, чтобы практиковаться. По стѣнамъ были развѣшены окровавленные обухи, которыми производились убійства, окровавленныя дубины съ прилипшими волосами, висѣла кровавая рубашка и т. д. На полу были разломанные сундуки, на столѣ замки съ уголовными взломами—словомъ, весьма много оригинальныхъ украшеній, которыхъ не пожелалъ бы человѣкъ съ собственною волею. Заглавія дѣлъ, валявшихся на столѣ, были тоже крайне любопытны. Тутъ были дѣла о солдатѣ Стратилатовѣ, жаловавшемся на обвѣсъ его, при покупкѣ свинины, мѣщаниномъ Уховостровымъ; солдатъ дошелъ въ исканіи правды до сената. Было тутъ дѣло «Объ обнаруженіи бутылки съ малиновой наливкой на постояломъ дворѣ крестьянина Бунтовщикова», дѣло «О безсрочно-отпускномъ рядовомъ Безхвостовѣ, обвиняемомъ въ имѣніи при кабакѣ другой комнаты» и т. д. Все это были дѣла.

Я развернулъ дѣло о двухъ комнатахъ, которыя дозволилъ себѣ шельмецъ солдатъ, и которыя съ дьявольскою проницательностью открыло акцизное управленіе и увидѣлъ, что солдатъ навострился ловко надувать начальство.

— Признаете ли вы себя виновнымъ? спросилъ его предсѣдатель мироваго съѣзда.

— Нѣтъ! отвѣчалъ солдатъ, безъ зазрѣнія совѣсти.— Эко бѣда какая, вашебродіе, что двѣ каморки я по грѣхамъ моимъ обладилъ.

— Вы потрудитесь не уклоняться отъ прямаго отвѣта, замѣтилъ ему.

— Я, какъ передъ Богомъ! говорилъ солдатъ.—Какая она комната? Каморка. Тамъ всего и есть, что сундукъ стоитъ съ дрянью со всякою. Передъ истиннымъ Богомъ!

Но въ одной изъ толстыхъ книгъ, лежавшихъ на столѣ съѣзда, былъ пунктикъ, который давно уже предвидѣлъ суетную солдатскую мысль о соотвѣтственномъ наказаніи, каковому солдатъ и подвергся.

Солдатъ этотъ, какъ оказалось въ концѣ дѣла, тоже пошелъ искать правды въ сенатѣ.

Крестьянинъ Бунтовщиковъ, у котораго «обнаружены» были бутыль съ наливкой, тоже, капалья, себя виновнымъ не признавалъ и ударился за правдою въ съѣздъ, а потомъ тоже въ сенатъ.

Разговоры между нами и въ этотъ визитъ были плохи. Иванъ Купріяновъ даже не смѣялся тому, напримѣръ, что крестьянинъ Бунтовщиковъ или солдатъ не признали себя виновными и достигали сената изъ-за бутыли и изъ-за свинины.

Пришелъ какой-то гость, поздоровался и тоже сталъ рыться въ законахъ, нѣтъ ли какихъ-нибудь кассаціонныхъ рѣшеній.

— Самъ никакъ не найду, сказалъ хозяинъ.

— Эка жалость! А мнѣ было надо.

— Что у васъ искъ, что-ли?

— Д-да, есть маленькій исочикъ. За оскорбленіе... Одинъ поваръ сдернулъ кучера съ лавки за ногу.

— А!...

Будучи постороннимъ свидѣтелемъ этихъ разговоровъ, я испытывалъ необыкновенную скуку, и навѣрное не посмѣлъ бы, ради ея, въ другой разъ посѣтить моего пріятеля, еслибы самъ онъ не явился ко мнѣ и не сдѣлалъ предложенія проѣхать съ нимъ недалеко въ одну подгородную деревню, гдѣ у него было дѣльцо.

— Страшно надоѣло одному...

Я въ первый разъ видѣлъ, что онъ скученъ, и, признаюсь, не мало удивился.

На предложеніе ѣхать я согласился. Черезъ нѣсколько часовъ пріятель мой подъѣхалъ къ моему домишку въ та-

рантасѣ на тройкѣ земскихъ лошадей, и мы поѣхали Со времени перваго моего путешествія прошло нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ было достаточно времени образумиться возмечтавшему о себѣ мужичью, и научиться исполнять новыя времена безъ запинки. Думая такъ, я крайне интересовался видѣть, въ какія формы могло выработаться его поведеніе, и въ этомъ смыслѣ мнѣ удалось быть свидѣтелемъ одной исторіи, которую я теперь и разскажу такъ, какъ она обрисовалась мнѣ вся цѣликомъ.

Въ тотъ самый день, когда я и слѣдователь пріѣхали въ село Стрѣшнево производить дознаніе по какому-то дѣльцу, священникъ этого села уѣзжалъ на нѣкоторое время, вмѣстѣ съ женой, къ сосѣду родственнику, тоже священнику, а ребенка своего, остававшагося дома, поручилъ старушкѣ-дьячихѣ. Старушка-дьячиха, недавно выдавшая дочь за молодого дьячка, которому мужъ старушки старый дьячокъ, сдалъ мѣсто при жизни, не рѣшаясь объѣдать молодую семью, на плечахъ которой былъ ся мужъ, проживала то у священника, то у дьякона, то денекъ, два у господъ, лишь бы только «имъ» было хорошо. Но «имъ» вовсе хорошо не было. Почти съ самой свадьбы старый и молодой дьячки начали ссору, нерѣдко переходившую въ драку, причемъ совершенно неповинно страдала дочь старухи, на которую сыпались удары съ обѣ-

ихъ сторонъ, и отъ отца, и отъ мужа, которые, къ тому же, оба придерживались крѣпкаго напитка. Сердце старушки давно болѣло за свое дѣтище и въ головѣ ея тысячу разъ рождалось намѣреніе увести свою дочь куда-нибудь подальше отъ этихъ изверговъ. Въ тотъ день, когда она осталась въ домѣ священника няньчить ребенка, драка въ ея семьѣ достигала гигантскихъ размѣровъ. Замѣчательно при этомъ для характеристики новаго времени: оба дьячка, нанося другъ другу удары по головамъ скалками и горшками, кричали при этомъ, что «Нѣтъ, *не то* время!... Нѣтъ, братъ, теперь не то...» Понимая сущность *не того* времени, очевидно, различно, они тѣмъ не менѣе полагали въ дракѣ и поволочкѣ общую сходственную точку. Время было лѣтнее, жара страшная; окна поповскаго дома были отворены, и драка, и крики подгулявшихъ дьячковъ, смѣшанные съ воплями несчастной дочери, громомъ разбивающихся горшковъ, вылетающихъ стеколъ и т. п. были ясно слышны старушкѣ, и она заливалась слезами, не знала куда дѣться, какъ спасти дѣтище. На этотъ разъ ей нельзя было даже побѣжать къ ней, потому что на рукахъ ея былъ чужой ребенокъ. Намучившись и нарвавшись въ мукахъ, и не видя конца драки и воплямъ дочери, она почти въ полномъ безпамятствѣ выхватила изъ шкафа священника пять цѣлковыхъ, положенные на ея глазахъ передъ отъѣздомъ и, оставивъ ребенка, броси-

лась къ дочери съ тѣмъ, чтобы непремѣнно увезти въ городъ и спасти хоть ее, не разсуждая о себѣ.

Пять рублей, предъявленные въ дерущейся семьѣ, какъ явное доказательство того, что теперь съ этими деньгами старушка непремѣнно исполнитъ свое намѣреніе увезти дочь въ городъ, — почти моментально прекратили драку, ибо хотя смыслъ возгласа «не то время», «теперь, братъ, ужь не то», весьма таинственен съ перваго взгляда, но сущность его—бѣдность и голодъ и ѣсть нечего; поэтому-то пять рублей, какъ деньги внезапно явившіяся среди стараго и новаго голода, которые потому можно употребить по благоусмотрѣнію, — и прекратили драку. Какъ только драка прекратилась, старушка опомнилась, пришла въ себя, сообразила, что сдѣлала худо и вознамѣрилась тотчасъ же отнести деньги назадъ. Она бѣгомъ побѣжала въ домъ священника, который на ту пору воротился изъ гостей и не зналъ, что́ подумать: двери были расперты, ребенокъ сидѣлъ одинъ на полу и кричалъ во все горло; шкафъ, въ которомъ лежали деньги, отворенъ и денегъ нѣтъ.

— Что́ ты это дѣлаешь? Власьевна? Что́ это такое? въ изумленіи и негодованіи сказалъ священникъ старухѣ.

— Твоя во всемъ воля! виновата! Сѣките голову! говорила старушка въ изнеможеніи.

— Что ты съ нами дѣлаешь?

Поднялся шумъ, въ которомъ принимала участіе матушка, и порядочное количество народу, сбѣжавшагося смотрѣть драку.

— Не ждала я отъ тебя. Вѣрь вотъ людямъ! кричала она.

— Что́ такое, матушка? спрашивали зрители.

— Да какъ же? оставили старуху, а она деньги вытащила изъ шкафа.

— Власьевна-то?

— Д-да-а! Власьевна! Ну-ка, думали ли, гадали-ли?

— Ахъ-ахъ-ахъ!

— Сѣките, сѣките голову! покорно твердила старушка, изнемогши отъ нравственной муки.

Когда дѣло о покражѣ разъяснилось, батюшка и матушка совершенно утихли, простили старушку, попросили даже у нея прощенія, но вѣсть о покражѣ уже разнеслась по селу. Не было человѣка, который бы душевно не жалѣлъ объ этомъ происшествіи. Всѣ старушку знали давно за женщину добрую и честную, и при всемъ томъ, вышло такъ, что жалость всеобщая ничего тутъ путнаго сдѣлать не могла.

Волостной старшина первый опомнился отъ обуревавшихъ его душу сожалѣнія и соболѣзнованія къ старушкѣ и инстинктивно припомнилъ, что порядокъ что-то требуетъ.

Онъ зналъ, какъ намыливали шею за упущенія, и дорожилъ жалованьемъ, ибо былъ мужикъ-чиновникъ, — типъ, нарождающійся по русскимъ деревнямъ.

— Какъ же быть, Иванычъ? сказалъ онъ писарю. — Надо какъ-нибудь. .

— Надо-то, надо. Да жаль.

— Жаль, жаль. Да порядокъ-то другъ мой, требуетъ. Что́ будешь дѣлать?

— Что дѣлать-то! Добрая старушка, нечего сказать, а во вредъ порядку — нельзя.

— Теперь мы ее помирволимъ, у насъ пойдутъ и мужичье волочь, что подъ руку попадется.

— Что тутъ дѣлать? Надо.

— Что-жь, бери бумаги-то. Пойдемъ къ попу. Благо слѣдователь здѣсь. Намъ что? Свое сдѣлалъ, а тамъ пусть ихъ что хотятъ... У насъ спина-то одна.

— Надо идтить.

Несмотря на просьбы священника прекратить все это дѣло, старшина и писарь, почти со слезами на глазахъ, принялись писать протоколъ, а священникъ и его жена, тоже со слезами на глазахъ, принялись показывать противъ старухи.

— Сѣките, сѣките голову, отцы мои, виновна! говорила старуха, рыдая.

— Виновна! Запиши, Пантелей, говорилъ староста

писарю и прибавлялъ: —матушка! Душа у меня у самого разрывается на части! Али я тебя не знаю? Я еще тебѣ— какъ ты у меня второго ребенка принимала — не отплатилъ. Родная! Ничего не сдѣлаешь. Пантелей, пиши—со взломомъ.

— Боже мой! восклицалъ писарь, настрачивая отличнымъ почеркомъ (онъ учился въ сельской школѣ) бумагу.—Что́ только дѣлается... Со взломомъ! Да вѣдь это надо ее сажать въ темную. Боже!

— Боже мой! восклицалъ старшина.—Посадишь! Посадишь! Ахъ, ты Боже мой!

— Сѣките, рубите голову....

— Ахъ, Боже мой! Собирайся, Власьевна! Кабы это я—это правило требуетъ. И за что? О, Боже мой... Ведите ее въ тюрьму!

Когда старушка была заточена вь темную, весь штатъ начальства тѣснился около нея и умолялъ простить, такъ-какъ никто изъ нихъ ни въ чемъ не виноватъ.

— Мы только что́ намъ приказано, то и сдѣлали. Прости ты насъ, родная! Господняя старушка! А засудятъ тебя, не наше дѣло. Что́ тамъ будетъ — не наше дѣло. Только прости.

Иванъ Купріяновъ приступилъ къ этому дѣлу съ тѣмъ же сухимъ безразличіемъ, которое составляетъ исключи-

тельную принадлежность людей, привыкшихъ не разбирать своихъ личныхъ симпатій.

— Неужели ты будешь ее?... спросилъ я у Купріянова.

— Ни за что! перервалъ онъ меня.—Пусть они (онъ указалъ на старосту и писаря) отнесутся формальной бумагой, иначе мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

Бумагу формальную написали, а Купріяновъ тотчасъ же составилъ «протокольчикъ», какъ онъ выразился.

При всеобщихъ сожалѣніяхъ къ старухѣ и при точномъ и акуратнѣйшемъ исполненіи требованій долга, ни въ грошъ не ставящаго этихъ сожалѣній, мы отбыли изъ села обратно въ городъ, причемъ, на вопросы мои, что́ будетъ со старухой, Купріяновъ отвѣчалъ:

— Ужь тамъ это дѣло прокурора. Я свое дѣло сдѣлалъ, а тамъ—что́ хотятъ, ихъ дѣло... Чортъ съ ними!

Долго я не видѣлся съ Купріяновымъ. Но мнѣ хотѣлось знать кое-что о старухѣ и черезъ мѣсяцъ я зашелъ къ нему.

Купріяновъ встрѣтилъ меня словами:

— Поздравь меня, я назначенъ товарищемъ прокурора.

Я поздравилъ.

Объяснено было многое множество о количествѣ окладовъ и т. д.

Я выслушалъ все — но ничего не помню и не понимаю.

— Ну, какъ старуха? спросилъ я.

— Да! вспомнилъ онъ.—Дѣло ея у меня.

— Послушай, братъ, вѣдь жалко старуху-то?

— Да! ужасно жаль.

— Что же ты?

Купріяновъ пожалъ плечами и помолчавъ, произнесъ:

— Надо будетъ написать «легенькое» обвиненьице.

— Обвиненьице?

— Да что же я могу? Посуди ты самъ! Вѣдь со взломомъ!.. Что́ же я тутъ сдѣлаю?.. Я и такъ избавилъ ее отъ ареста... Больше я не могу. Это ужь будетъ дѣло присяжныхъ...

Я слушалъ и молчалъ. Дѣйствительно, онъ ничего не могъ сдѣлать.

— Я и то стараюсь, какъ можно легче. Вотъ что́ я написалъ. Слушай.

И вынувъ листъ, онъ прочелъ обвинительный актъ старухи, въ которомъ попадались слова: «преступное намѣреніе, ясно обнаруживается, первое», «заранѣе обдуманное», «со взломомъ, а потому я полагалъ бы».

— Ну? сказалъ онъ, дѣйствительно въ полной безпомощности и беззащитности, относительно приведенныхъ

фразъ, которыхъ не писать онъ не могъ, ибо другихъ нѣтъ и нельзя.

Я не возражалъ.

Судить старуху, по разсчету Купріянова, должны были не ранѣе, какъ черезъ полгода.

Проведя эти полгода въ уединеніи и обществѣ моихъ заваляющихъ пріятелей, — я опять пошелъ къ Купріянову.

— Поздравь меня! сказалъ онъ: — теперь я бросилъ прокуратуру и поступилъ въ присяжные повѣренные.

— Поздравляю.

— Практика идетъ отличная. Недавно помирилъ двухъ помѣщиковъ и взялъ за это съ нихъ полторы тысячи.

— Хорошо. Жарь! сказалъ я.

— Теперь вонъ еще у меня есть дѣло...

— Погоди, перебилъ я его. — А старуха?

— Теперь я ее защищаю.

— Вотъ какъ!

— Д-да! Теперь я ее защищаю...

— А обвиняетъ-то кто-жь?

— Это ужь не мое дѣло...

Какъ все хорошо и ловко!

Старуха была оправдана.

Но смыслъ этой исторіи долго пугалъ меня и заста-

влялъ плотнѣе забиваться въ свой уголъ. Наилучшія движенія десятка сердецъ, подведенныхъ въ приличную и установленную форму,—дѣлали эти движенія совершенно ненужными. Какъ мнѣ не убѣдиться, видя сотни этихъ, по книжкамъ выдѣлываемыхъ исторій, — что движеній этихъ совсѣмъ не будетъ?..

ПРО ОДНУ СТАРУХУ.

I.

— И съ кѣмъ это старуха разговоры разговариваетъ? недоумѣвалъ отставной солдатъ, сидя за починкою стараго сапога, въ одномъ изъ гнилыхъ, сырыхъ петербургскихъ «угловъ», и слушая какъ за ситцевой занавѣской другого «угла»,—съ кѣмъ-то ведетъ разговоры, только что перебравшаяся новая жилица, старуха.

— Кажись, думалъ солдатъ—никого я у нее не примѣтилъ,—а разговариваетъ...

И онъ прислушивался.

Новая жилица вбивала въ стѣну гвоздь и, дѣйствительно, съ кѣмъ-то разговаривала.

— Ишь! сказалъ солдатъ.

— Покрайности хоть своего ангела образокъ нажила за сорокъ-то лѣтъ! слышалось за ситцевой занавѣской вмѣстѣ съ звуками вколачиваемаго гвоздя.—Родительскаго благословенья у насъ съ тобой нѣту! Покрайности хоть свой ангелъ... хорошо ли такъ-то?.. Вколачиваніе гвоздя прекратилось, — и солдатъ подумалъ что сейчасъ-вотъ,

кто нибудь отвѣтитъ; хорошо ли она повѣсила образъ? Но никто не отвѣчалъ; слышно было какъ старуха сѣла на свое скрипучее изъ полѣнъ и ящиковъ составленное ложе и вздохнула...

— И своего-то ангела отдать мнѣ некуда другъ ты мой! вздохнувъ заговорила старуха... Охъ, и гдѣ-то дѣтки мои! милые? Гдѣ дѣтушки мои, родименькіе! Гдѣ-ѣ! скажи ты мнѣ?..

Послѣдній вопросъ сопровождался громкимъ и внезапнымъ рыданіемъ,—и, какъ-бы въ отвѣтъ на него — послышался какой-то посторонній какъ-бы сочувствующій вздохъ, какого-то живого существа.

— Есть! Есть кто-то! пріостанавливаясь работать недоумѣвалъ солдатъ. Тоже плачетъ!

Въ звукѣ, который послышался за занавѣской дѣйствительно слышались какъ будто слезы.

— Плачетъ и есть...

Солдатъ осторожно положилъ на обрубокъ заваленный принадлежностями сапожнаго дѣла свою работу, рваный сапогъ, и сталъ едва замѣтно приближаться къ занавѣскѣ съ каждымъ шагомъ все ниже и ниже наклоняясь и присѣдая къ землѣ.

— Кто-бы такой? подвигаясь на четверенькахъ думалъ онъ...

— Охъ и взыщетъ Господь за дѣтушекъ моихъ! съ

господъ взыщетъ... Съ насъ что взыскать? мы люди были подневольные... У насъ воли не было ни капельки!.. ни единой минуточки!.. былъ одинъ страхъ,—только всего... Чего со страху не сдѣлаешь? И тебя ежели учать бить да колотить и ты уйдешь... И я бѣгивала... да глупа была, не знала куда бѣжать. Охъ дѣтушки мои! Гдѣ вы? Ни одного нѣту! Теперь и волю дали, и хромая я, одна на всемъ свѣтѣ... хоть бы кто одинъ былъ живъ, мальчикъ... пришелъ-бы! нѣтъ, нѣту!..

Жилица плачетъ громко, навзрыдъ — и ей отвѣчаетъ какой-то мучительно болѣзненый визгъ неизвѣстнаго собесѣдника, вслѣдъ за которымъ вдругъ раздается оглушительный лай и солдатъ, просунувшій было голову подъ занавѣску, кубаремъ летитъ къ своему обрубку...

— Дурдилка! Глупая! Цыцъ! Что ты это глупая на кого?.. останавливала собаку старуха.

— Жидъ васъ заѣшь! потирая щеку оцарапанную собакой кричитъ совершенно разсерженный солдатъ. — Съ собаками разговариваютъ, дубье этакое... Я думалъ... Ахъ вы анаѳемы эдакіе... Какъ же ты можешь съ собакой разговаривать?..

— Да не съ кѣмъ мнѣ!..

— Не съ кѣмъ! — нѣсколько утихая и успокоиваясь пробурчалъ солдатъ. Не съ кѣмъ! Какую отличную компанію нашла,—собаку!...

— Да не съ кѣмъ батюшка!.. Все въ господскомъ домѣ жила, дворовая была, — а вотъ теперь мнѣ волю дали... Прослышали господа, дай Богъ имъ здоровья, что воля будетъ всѣмъ,—ну, и пустили меня на всѣ четыре стороны, потому я ужъ стара стала .. хрома, нога болитъ... что-жъ меня кормить то задаромъ? Ну и прогнали... Ни отца, ни матери нѣтъ... дѣтокъ нѣту... У насъ строгая была барыня... Н-ну съ кѣмъ же мнѣ? И есть что одна собака... Дурдилушка? Что мы съ тобой будемъ дѣлать... а?..

— Ха—ха—ха!—совершенно успокоившись засмѣялся солдатъ... Волю дали!.. И шутники же эти господа... Ей-ей!

— Ужъ да! Ужъ шутники!.. согласилась старуха.. Пустили человѣка по-вѣтру...

— Ха—ха—ха... какъ же теперь ты старушка?..

— И не знаю господинъ кавалеръ! Я такъ думаю надо съ терпѣніемъ ждать своей кончины!..

— Гм . Покрайности ты-бы съ пріѣзду, для начатія знакомства,—хоть мало-бы мальски угощеньица солдату? Все, авось, что нибудь...

— Чтожъ, я съ моимъ удовольствіемъ: есть у меня серебряная ложка. .

— Господская?

— Господская, господинъ служивый. Не утаю. Не

умирать, — самъ суди... Я почесть босикомъ вѣдь ушла на волю-то...

— Ну, ничего... ты эту ложку-то дай мнѣ, а я ужъ предоставлю, — и сдачи принесу!

Солдатъ скоро одѣлся и ожидая ложки, которую старуха доставала изъ тряпокъ и узелковъ, — смотрѣлъ на собаку и говорилъ:

— Ничего собачка!.. Они тоже случаются вѣрные собаки... И разговоръ понимаетъ!.. ничего!.. Я тебѣ сдачи принесу съ ложки-то...

Солдатъ ушелъ. Старуха въ ожиданіи его, снова связывала свои тряпочки въ узелки и плакала, а Дурдилка сидѣла противъ нее, молча, угрюмо,— и не спускала съ нее глазъ.

II.

Настасья – такъ звали старуху, дѣйствительно была въ беззащитномъ положеніи. Круглая сирота и больная, она, кромѣ того, была несчастна незнаніемъ жизни, несмотря на то, что была уже старуха. Въ самомъ дѣлѣ: «дворня» и «жизнь на волѣ», даже та, какую ведетъ ломовой извощикъ, поденщикъ, простой нищій—это большая разница. Всѣ они знаютъ людей равныхъ себѣ, знаютъ какъ съ ними вести дѣла, знаютъ на кого работаютъ, потому что у каждаго семья или хоть просто личная потребность не умереть съ голоду. У каждаго изъ нихъ есть пріемы, какъ изловчиться въ трудной жизни. У Настасьи этого ничего нѣтъ. Хлѣбъ она всю жизнь ѣла господскій, — и теперь заработать его не умѣетъ; работала она что-прикажутъ но не для себя а для другихъ; а съ людьми жила такъ, какъ приходилось. Словомъ, относительно жизни — она была чистый ребенокъ. Въ теченіи двухъ-лѣтняго житья въ углахъ, за ней замѣтили однажды грѣхъ, — покражу платка, и долгое

время звали воровкой, тогда какъ она лично не считала своего проступка порокомъ... Она привыкла къ этому въ дворнѣ. И множество другихъ привычекъ, усвоенныхъ ею на дворнѣ, въѣлось въ нее и портило ея отношенія, хотя и къ нищенской, но болѣе или менѣе самостоятельной жизни, окружавшей ее на волѣ... Работаетъ она напр. цѣлую недѣлю безъ устали, по двугривенному въ день въ прачешной, встаетъ въ четыре часа и приходитъ въ свой уголъ въ девять; выработаетъ что нибудь и пропьетъ, хотя бы ей давно надо было купить башмаки. На ее пьяную, смотрятъ съ презрѣніемъ (и дѣйствительно она непріятна), — а у ней нѣтъ другаго удовольствія: до сорока лѣтъ она привыкла «*урвать да уѣхать*», т. е. воспользоваться свободной минуткой случайно попавшимъ гривенникомъ... Другіе изъ жильцовъ въ углахъ—угощаютъ другъ друга кофеемъ, сплетничаютъ, ругаютъ хозяевъ, ругаютъ лавочника,—она ни къ чему этому не имѣетъ апетита, она не привыкла стоять за себя. И какъ же скучно ей на волѣ!.. Какъ она печалится видя какъ живутъ люди, и какъ свой вѣкъ прожила она. Изъ-за чего ей биться и мучиться, больными ногами стоять по колѣно въ водѣ, въ холодной прачешной?.. Нѣтъ у ней ни друзей, ни дѣтей! — Друзья изъ той же деревни сами можетъ быть такъ же какъ и она гдѣ-нибудь доживаютъ свой вѣкъ... а дѣти? объ дѣтяхъ

страшно и подумать... Куда она ихъ дѣвала? И зачѣмъ боялась строгой барыни, когда Бога нужно было бояться больше ее? Душевное одиночество страшно и какъ страшно оно у Настасьи!.. Въ два года житья въ углу, ни одного вечера не прошло, чтобы трезвая или хмѣльная Настасья не плакалась на себя,—возбуждая негодованіе сосѣдей, своимъ хриплымъ непріятнымъ голосомъ,—неплакалась передъ Дурдилкой о своемъ горькомъ житьѣ...

— Смотри! говорила она Дурдилкѣ,—только задумай уйдти... Разыщу—удавлю своими руками!..

— Я тѣ дамъ! отзывался солдатъ. Попробуй!

— И удушу! Ты что тутъ? Нешто твоя собака?

— Не моя, а не дамъ... На то есть начальство собакъ бить,—а не ты... Не дамъ!.. Себѣ возьму!

— Къ себѣ?.. Да ты хоть озолоти ее,—не пойдетъ она къ тебѣ.

— Эхъ дура старая!.. Я ей кусокъ дамъ,—она сейчасъ ко мнѣ пойдетъ!.. Сладкое ей у тебя житье, нечего сказать!.. Тютёкъ!.. иси, сюда, пострѣлъ!

— Ну-ну! говоритъ Настасья смотря на Дурдилку... поди-поди, попробуй...

— Иси, сюда! нà говядины!..

— Поди, Дурдилка, возьми у кавалера говядины,—она у него съ француза еще въ зубахъ застряла...

— Старуха-а! не шуми!.. довольно строго предостерегаетъ солдатъ.

— Ты зови собаку-то!.. Ну зови!.. чегожъ-ты?

— Старая баба! презрительно заключаетъ солдатъ, такъ какъ Дурдилка рѣшительно не поддается соблазну...

— Ай взялъ! съ удовольствіемъ кричитъ Настасья сосѣду... Такъ, — такъ Дурдилушка! На тебѣ корочку, у—у ты моя легковѣрная слуга! Настасья употребляла иногда въ разговорѣ слова совсѣмъ не тѣ, какіе слѣдуетъ; это потому, что она на своемъ вѣку слышала словъ довольно мало и теперь, на волѣ, усвоивала всякое новое слово безъ разбору.

«Легковѣрная», по словамъ Настасьи, Дурдилка, — была дѣйствительно вѣрная собака, и не потому, чтобы она была облагодѣтельствована Настасьей—а по одинаковости положенія. Это тоже была «дворовая» собака, безъ конуры, безъ хозяина. Въ характерѣ ея было много мрачности, равнодушія и вмѣстѣ недовѣрія. «На̀ кость!» говоритъ ей какой-нибудь добрый обыватель угла. Дурдилка мрачно смотритъ на него и не идетъ. «На̀ дура!» Она чуть чуть вильнетъ хвостомъ и все ни съ мѣста. Надо брасить кость и уйдти и тогда, подождавъ и убѣдившись, что кость одна, и никто надъ ней не сторожитъ, она медленно подойдетъ къ ней, медленно возьметъ, и медленно понесетъ въ такой уголъ, гдѣ ужъ ее не сы-

щешь. Въ жизни Дурдилки бывали разные случаи и разные повара. То она привыкнетъ свободно входить въ кухню и навѣрное разсчитывать на кость, то вдругъ, явившись въ веселомъ расположеніи духа, получаетъ отъ новаго повора, полный корецъ кипятку на свою спину. Когда ее били, она не визжала и не рычала,—а только поджимала хвостъ, и уходила; она привыкла.. Настасью она знала,—и была увѣрена, что если у Настасьи есть что нибудь изъ съѣстнаго, то и ей Дурдилкѣ достанется. Отъ этого она и вѣрна была ей; да кромѣ того она чувствовала, что время ее прошло, что собака она не хозяйственная, и что на улицѣ ей дѣлать нечего: только поглядитъ да пойдетъ въ уголъ лечь. Во всемъ домѣ, во всемъ дворѣ, ей не симпатезировала ни одна собака. Если иной разъ къ ней разлетится какой нибудь джентльменъ, то Дурдилка просто отойдетъ отъ него, опустивъ голову, словно конфузясь за джентльмена, что онъ не на ту напалъ. И джентльменъ, дѣйствительно, поглядитъ ей вслѣдъ чуть-чуть,—и тоже уйдетъ... Настасьѣ нравилось это отчужденіе Дурдилки отъ собачьяго общества. «Нечего тебѣ съ ними» говорила она ей «что за компанія?» Издерутъ послѣднюю шкуру. «На кость и сиди!..» И дурдилка сидѣла въ ея углу. Разъ только Дурдилка позволила было себѣ вмѣшаться въ чужія дѣла. Выйдя на дворъ она увидѣла, что съ молоденькимъ, мѣ-

сяцевъ пяти, щенкомъ играетъ собачка постарше щенка мѣсяцами двумя... Собачка повалилась на спину и пренѣжно цѣловала щенка, который совалъ ей голову въ самый ротъ. Дурдилка зарычала на собаку... Она сердилась на собаку... Въ эту самую минуту ее настигла возвращавшаяся домой Настасья. Какъ несчастная мать, много выстрадавшая изъ-за неудовлетвореннаго чувства любви—она сразу поняла что тутъ происходитъ.

— А плутъ-собака! накинулась она на Дурдилку,—завидуешь шельма этакая! Зачѣмъ сюда пришла, пошла домой! (Дурдилка пошла поджавъ хвостъ). А каналья,—продолжала Настасья войдя въ уголъ и обращаясь къ Дурдилкѣ, которая уже была въ темномъ углу подъ кроватью.—Что норовишь! Тебѣ-ли старой дурѣ соваться въ чужія дѣла? Ужъ лежала-бы старая дура, ждала смерти (подъ кроватью слышался вздохъ). Тоже завидуешь! А-ли ты думаешь мнѣ легче твоего? Что-жъ, и мнѣ теперича, стало-быть, надо думать отчего это у насъ съ тобой у старыхъ псовъ, ни дѣтокъ, ни...?

И начался длинный монологъ о горькой долѣ принимавшей все болѣе и болѣе драматическіе оттѣнки, по мѣрѣ того какъ опорожнивалась посудинка съ водкою (бутылочка отъ о-де-колону, тоже господская); посудинка, которую Настасья имѣла обыкновеніе приносить съ собою, возвращаясь съ работы...

— Проклятущая! кричала она на Дурдилку поздно ночью. Из-зурродую! лежи не ѣвши!..

Боже мой, какъ она была отвратительна! Зубовъ у нее нѣтъ, глаза громадные, чорные, злые; впалыя, дряблыя щеки побѣлѣли отъ злости; голосъ злой, хриплый, гадкій... и какъ же за то была она несчастна! Дурдилка, и та на что-то надѣется, хочетъ, и будто-бы защитить щенка. А Настасья такъ измучена, больна, одинока, что и подумать не можетъ быть съ кѣмъ нибудь, кромѣ Дурдилки въ пріятельскихъ или враждебныхъ отношеніяхъ.

— Когда ты замолчишь старая карга? не вытерпѣвъ закричалъ ей солдатъ... Городоваго позову!.. Что это такое?

А Настасья все ругала и проклинала Дурдилку.

Потомъ она плакала.

Потомъ позвала Дурдилку, накормила, и всетаки плакала...

Дальше солдатъ ничего не слыхалъ.

III.

Однажды Настасьѣ пришлось мыть полы въ квартирѣ какихъ-то молодыхъ супруговъ, которые только-что женились и были въ хорошемъ расположеніи духа. Ихъ хвалилъ въ эту пору весь обыкновенный штатъ петербургскаго дома, получающій и просящій на водку. Дворники, швейцаръ, кухарки, газетчикъ и т. д. Всѣ ихъ называли:—«вотъ ужъ господа, такъ-та́къ!»—потому, что господа совали двугривенные и рубли куда попало. Они были ко всѣмъ расположены. Это расположеніе попало и на долю Настасьи. Барыня ее распрашивала, сколько она получаетъ, гдѣ живетъ, отчего не лечила ногу и т. д. Они удивлялись, жалѣли, обѣщали послать ее къ знакомому доктору, дали лишній полтинникъ, напоили чаемъ, подарили башмаки и сказали, чтобъ она приходила къ нимъ когда нѣтъ работы. Словомъ, господа эти, по мнѣнію Настасьи, поняли ее и жалѣли; очень хорошо чувствовала она на душѣ. Ей казалось, что она живетъ уже не одна на свѣтѣ и не на воздухѣ виситъ,—

у ней есть подъ ногами земля. Она можетъ сходить «въ гости». И она ходила въ гости, только какимъ-то страннымъ образомъ.

Въ сундукѣ ея были какіе-то удивительные наряды, все конечно «господскіе». Была тутъ коротенькая юпка, словно балетная, шолковые, заштопанные шерстью чулки; была тутъ какая-то чорная, люстриновая баскина, вся на камышѣ и желѣзѣ, концы которыхъ давно вылѣзли наружу,—словомъ, наряды самые удивительные. Одѣвшись въ это шутовство, она чувствовала себя хорошо и шла въ гости, гдѣ вела себя такъ: прямо отправлялась въ кухню «молодыхъ господъ», засучивала рукава баскины, подтыкала балетную юбку, снимала шолковые чулки и башмаки и принималась мыть, стирать, подметать, словомъ, дѣлать все, что слѣдуетъ дѣлать кухаркѣ. «Въ гостяхъ» она перечиститъ всѣ ножи, перемоетъ всѣ тарелки, вспотѣетъ отъ работы десятка два разъ и напившись кофею уйдетъ... Угощалась она, такимъ образомъ, очень странно, — но все-таки ей было удивительно весело на душѣ. Чѣмъ-бы она не отблагодарила «молодыхъ господъ» за вниманіе, если бы могла, — но кромѣ стирки въ ея распоряженіи не было ничего...

Такъ она ходила въ гости довольно долго, и впослѣдствіи приводила къ господамъ даже Дурдилку, которая, однажды, когда господа почувствовали однимъ вечер-

комъ порядочную скуку, — даже очень развлекла ихъ и понравилась имъ.

— Не взять-ли намъ собачку? предложила молодая супруга мужу.

— Д-да! согласился о чемъ-то крѣпко думавшій супругъ.. Необходимо завести что-нибудь... вообще! даже двухъ...

— Чтобы каждому отдѣльно! пояснила супруга.

Настасья розыскала имъ двухъ щенятъ, но Дурдилку водить перестала.

Такъ шло довольно долго и Настасья чувствовала себя хорошо.

Какъ вдругъ случилось слѣдующее обстоятельство.

Разъ въ воскресенье къ молодымъ господамъ, нежданно-негаданно, наѣхало и нашло пропасть пріятелей и друзей. Вдругъ поднялось такое веселье, котораго нарочно никогда не устроишь, полилось вино, заиграло фортепьяно, пошли танцы, шутки, смѣхъ. Настасья давно невидывала такого веселья. Ей такъ было хорошо и весело, какъ можетъ быть бывало только въ раннемъ дѣтствѣ. Она забыла, что у ней болитъ нога, бѣгала по десяти разъ за виномъ, выпивала и опять бѣгала, и разъ какой то шутникъ изъ гостей вдругъ обхватилъ ее и провальсировалъ съ нею по комнатѣ,—причемъ всѣ хохотали, поили Настасью виномъ, заставляли ее шутить,

говорить прибаутки, которыхъ у нее было въ запасѣ довольно. Въ передней набилось горничныхъ со всей лѣстницы, пришли посмотрѣть на потѣху, какіе-то неизвѣстные люди, довольно прилично одѣтые въ новыя сибирки, и поглядѣвъ немного, раскритиковали всю публику и ушли. Настасья не слыхала этой критики,—и веселилась какъ ребенокъ не помня себя... возбуждая всеобщій хохотъ, и господъ и зрителей передней, она проплясала какую то удивительную пляску, цѣловала ручки, представляла какъ ѣздитъ легкая почта, причемъ почему то бокомъ скакала по горницѣ, словомъ дѣлала всевозможныя глупости... Но репертуаръ ихъ у Настасьи былъ не великъ, а ей хотѣлось дальше и дальше...

Послали ее не то за табакомъ, не то за виномъ; полетѣла Настасья съ лѣстницы какъ птица, — и вдругъ видитъ, что дворникъ забылъ на площадкѣ лѣстницы топоръ. Ей вдругъ смертельно захотѣлось украсть этотъ топоръ, ей представилось, какъ это будетъ необыкновенно весело, и она въ одну минуту, схватила его, притащила въ горницу и объявила:

— У дворника украла!

И залилась громкимъ смѣхомъ.

Это было такъ глупо, что всѣ покатились со смѣху, а Настасья, разумѣется, больше всѣхъ.. Не замѣчая того, что веселье, во время ея отсутствіе за покупкой, приняло

другое направленіе, она воротившись разсказала, продолжая покатываться со смѣху, что встрѣтила на лѣстницѣ дворника, который искалъ своего топора (представила даже) и не на находя ругался... Такъ какъ это продолженіе исторіи о топорѣ было совершенно неожиданно, среди новаго направленія веселья, то публика опять засмѣялась, а Настасьѣ стало еще веселѣе. Какъ кончился веселый день и вечеръ, никто изъ гостей на другой день хорошенько не помнилъ. Непомнилъ никто и о Настасьѣ и только недѣли черезъ полторы уже кто то, барыня или кухарка вспомнили о ней. — «Что это давно не видать Настасьи?»

Прошла еще недѣля,—Настасьи все нѣтъ...

Кухарка зашла къ ней на квартиру, но и тамъ ее небыло, тамъ сказали, что недѣли двѣ съ половиной назадъ, пошла она въ баню и съ тѣхъ поръ не бывало. Уголъ ея отданъ другому, сундукъ и ангелъ у хозяйки,— а Дурдилка шатается гдѣ придется. Хозяйка не весьма ласково отзывалась и о Настасьѣ и о Дурдилкѣ, которая внимательно слушала этотъ разговоръ.

А съ Настасьей вотъ что случилось.

На другой день послѣ веселаго дня, Настасья пошла въ баню, намѣреваясь оттуда пройти къ «молодымъ господамъ», помыть полы «послѣ вчерашняго» «поприбрать» словомъ «въ гости». Воспоминанія о вчерашнемъ

весельѣ не покидали Настасью. Она такъ разлакомилась вниманіемъ и смѣхомъ, которые возбуждала вчера, что и сегодня такъ ее и подмывало отмочить какую нибудь смѣшную штуку. Выходя изъ бани, она замѣтила цѣлую груду шаекъ и проворно схвативъ спрятала одну изъ нихъ подъ полу: ей представилось какъ господа захохочутъ, когда она явится и похвастается вновь покражей, какъ смѣялись всѣ вчера покражѣ топора. Схвативъ шайку, она побѣжала бѣгомъ, но думая, что еще будетъ веселѣй, если притащитъ двѣ (у Туляка, думала она, ихъ много),—вернулась, схватила другую, потомъ, вдругъ, третью, потомъ вѣникъ...

— Ты что это дѣлаешь? строго, но спокойно сказалъ, неожиданно появившійся дворникъ.

— Батюшка, я въ шутку...

— Въ шутку!.. повторилъ дворникъ и тотчасъ съ тѣмъ же спокойствіемъ петербуржца, крикнулъ младшему дворнику, разчищавшему снѣгъ,—Иванъ! покарауль старуху,—гляди не убѣгла-бы, я будочника приведу...

— Батюшки! родимые! Христомъ Богомъ!

— У насъ двѣ тысячи шаекъ въ годъ публика воруетъ, все тоже въ шутку. Гляди, держи!

Вопли Настасьи собрали толпу, которая сильно осрамила Настасью. Ее взяли въ часть.

IV.

Настасью взяли въ часть просто для «острастки», въ шутку, на одну ночь,—но утромъ, когда ее хотѣли выпустить,—она лежала вся въ жару, совершенно больная. Водочкой погрѣться послѣ бани ей неудалось, а и на дворѣ, и въ камерѣ части было довольно холодно. Кромѣ того она была испугана и глубоко огорчена... Она горько плакала, сидя съ ворами и пьяницами и вспоминая Дурдилку, которой никто теперь поѣсть недастъ, и которая, послѣ знакомства Настасьи съ молодыми господами, иной разъ получала хорошій кусокъ, и даже привыкла къ этому куску... Къ утру Настасья совсѣмъ разнемоглась... Ее помѣстили въ полицейскую больницу и здѣсь-то пролежала она, почти невставая, шесть мѣсяцевъ... Разболѣлась нога, о которой въ весельи она забыла думать, спина, грудь, сердце... Все это, измученное, и старое, поддерживалось прежде водочкой, а теперь все это разклѣилось, пошло врозь... Настасья каждую минуту ждала смерти, вспоминала свою жизнь, дѣтей,—думала что будетъ горѣть въ аду, думала, безпре-

станно о Дурдилкѣ, представляла какъ ее гонятъ со двора, какъ она умираетъ... Словомъ въ эти шесть мѣсяцовъ,— и физически и нравственно она выстрадала ужасно много. Она чуяла, что смерть приходитъ, что она не за-горами, и это-то чутье заставило ее бодриться, чтобы въ послѣдній разъ поглядѣть на бѣлый свѣтъ, посмотрѣть Дурдилку, господъ...

Слабая, раздражительно-нервная выписалась она изъ больницы... Надежда, что вотъ сейчасъ она увидитъ молодыхъ господъ, которые пожалѣютъ ее, нѣсколько ободрила Настасью... Выйдя изъ больницы, она выпила водочки, и поплелась къ господамъ... Шла она долго, утомилась, устала. Наконецъ добралась...

Но господа переѣхали, тамъ живутъ другіе.

Какъ ножомъ ударило это Настасью въ сердце, ей отдохнуть, даже присѣсть было негдѣ...

— Куда переѣхали, милый человѣкъ, такіе-то? спрашивала она у дворника.

— Выѣхали въ Москву... въ деревню.

Настасья вдругъ потеряла бодрость, вдругъ ослабѣла и присѣла у воротъ, прямо на тротуаръ. Долго сидѣла она въ одышкѣ, но такъ какъ дѣло шло къ вечеру,— нужно было идти куда нибудь...

Она пошла къ Дурдилкѣ въ свой старый уголъ...

Поздно уже ночью добралась она туда...

И дѣйствительно только любовь къ собакѣ держала ее на ногахъ. Съ самымъ лучшимъ, съ самымъ задушевнымъ другомъ, мы не такъ встрѣчались, не съ такою пламенною любовью спѣшили къ нему на встрѣчу, какъ Настасья желала и спѣшила встрѣтиться съ Дурдилкой.

Но въ «углѣ» Дурдилки нѣтъ...

— Гдѣ-жъ она? едва дыша произнесла Настасья.

— Гдѣ? Да солдатъ твой взялъ ее...

— И пошла? Дурдилка съ солдатомъ убѣжала?

— Чего-жъ ей! Ее здѣсь кормить некому было...

Настасья окаменѣла отъ такой измѣны. Дурдилка могла умереть съ голоду, но измѣнить!—Настасья никогда не ожидала этого...

— У-у проклятая образина! разозлившись закричала она. Удушу и съ солдатомъ-то вмѣстѣ... Безсовѣстные разбойники! Куда солдатъ переѣхалъ, давай адресъ мнѣ, пойду изуродую обоихъ разбойниковъ! Солдатъ, оказалось, переѣхалъ куда то очень далеко, и идти теперь, ночью, не было никакой возможности. Настасья въ гнѣвѣ и въ возбужденномъ состояніи провела въ кухнѣ хозяйки цѣлую ночь, предварительно купивъ, за уступленную хозяйкѣ баскину, довольно много водки... Цѣлую ночь она плакала, ругалась, забываясь только на минуту, цѣлую ночь ругали ее за безпокойство угощенные ею-же обыватели угловъ. Утромъ съ хмѣльными парами въ головѣ и еще болѣе

больная и слабая, она пошла къ солдату... Она такъ была больна, что не могла злиться на Дурдилку, разсудивши ея беззащитное положеніе; она была увѣрена, что собака обрадуется ей,—и все пойдетъ по старому... Ей нужно было только взглянуть на нее.

— Гдѣ собака? довольно категорически спросила она солдата, розыскавъ его въ «углу» на Петербургской сторонѣ.

— Какая собака?

— Какая! моя собака! гдѣ Дурдилка?

— Теперичe она не твоя! спокойно и даже съ ироніей отвѣчалъ солдатъ.

— Какъ не моя? Воръ ты этакой!

— Не шуми старуха... Толкомъ тебѣ говорю, не твоя собака теперь! Не пойдетъ она за тобой, хоть ты ее озолоти!

— Врешь разбойникъ!.. горло перерву вору! Кажи гдѣ...

— Слушай старуха! вѣдь и я ежели примусь:

Солдатъ показалъ кулакъ.

— Берегись этого! Я говорю дѣло... Вонъ твоя собака, поди попробуй,—пойдетъ ли...

Въ углу за сундукомъ дѣйствительно виднѣлась морда Дурдилки... Настасья замлѣла отъ радости, какъ только увидѣла эту морду.

— Голубчики! прошептала она съ истинно материн-

скою нѣжностью, осторожно подходя къ Дурдилкѣ, и недоумѣвая почему это она сама не идетъ къ ней? и почему это морда и глаза какъ будто не—тѣ?

— Дурдилушка! протянувъ руку къ собакѣ, шептала Настасья...

Но дурдилка вдругъ ощетинилась, оскалилась и зарычала захлебываясь на Настасью какъ на лютаго врага.

— Ай взяла? съ удовольствіемъ произнесъ солдатъ. Ну, поди, поди, подступись...

— Дурдилушка! Матушка! шептала ошеломленная Настасья, не помня себя... Это я... что ты?

Но Дурдилка рычала все грознѣй и грознѣй... Щетина на затылкѣ стояла дыбомъ.

— Да что-же это ты сдѣлалъ, варваръ этакой? вдругъ въ совершенномъ отчаяньи вскрикнула Настасья, обращаясь къ солдату. Что ты сдѣлалъ съ собакой...

— Дура! остановилъ ее солдатъ. У ней щенята!.. Чего ты ко мнѣ лезешь? тресну,—духъ вонъ!..

— Щеняты!.. побѣлѣвъ отъ злости, прошептала Настасья...

И тутъ началась отвратительная и ужасная сцена.

Въ углу солдата раздавалась возня, крикъ, лай, визгъ щенятъ, удары, звонъ разбитыхъ стеколъ.

Эту сцену кончили городовые...

— Щенятъ перебила, разсказывали на другой день въ углахъ... Солдату щеку раскроила... Все переломала... Собакѣ ногу переломила,—разбила голову... Послѣ увезли въ часть... Говорятъ сумасшедшая...

Настасья должно быть на этотъ разъ и умерла въ части, потому что жить ей стало совершенно не зачѣмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЛѢНТЯЙ, ЕГО НАБЛЮДЕНІЯ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЗАМѢТКИ.

СТРАН.

Глава I. О моемъ отцѣ, о порядкѣ, лѣни и о прочемъ, вмѣсто предисловія. 1

Глава II. Воспоминанія по случаю странной встрѣчи 59

Глава III. Два непродолжительныя путешествія . 113

Про одну старуху. 189

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. Ѳ. БАЗУНОВА.

МЕЖДУ ПРОЧИМИ КНИГАМИ ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЕ ТОМЫ

БИБЛІОТЕКИ СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

Николай Негоревъ, или благополучный россіянинъ. соч. **Ив. Кущевскаго.** Два т. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 80 к.

Фаня (Очерки прошлаго), соч. **А. Чужбинскаго.** Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Очерки и Разсказы, соч. **Глѣба Успенскаго.** Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 коп.

Разоренье.—Старьевщикъ. — Идиллія.—Зарокъ не пить, соч. **Глѣба Успенскаго.** Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Нравы Растеряевой улицы.—Изъ біографіи искателя теплыхъ мѣстъ.—Прогулка.—Бойцы.—Извощикъ.—Соч. **Глѣба Успенскаго.** Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Въ чужомъ полѣ, романъ въ двухъ книгахъ, **Петра Бобарыкина.** Ц. 1 р. 25 коп., съ пер. 1 р. 50 коп.

Вѣчный мужъ, разсказъ **Ѳедора Достоевскаго.** Спб. 1872 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р 50 к.

Убійство въ деревнѣ Медвѣдицѣ.—Помочь. С. Панова. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Картины изъ русской жизни, соч. **Н. Успенскаго.** Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Дуэлисты.—Городъ Смуровъ, А. Чужбинскаго. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Доброе старое время (Очерки былаго). **А. Милюкова.** Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

На западѣ и на востокѣ (Очерки) **Вс. В. Крестовскаго.** Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Изъ-за благъ земныхъ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Два т. цѣна 2 р. 50 съ пер. 2 р. 80 к.

Грѣшница. Волчиха. А ей весело—она смѣется!.. П. **Засодимскаго.** Цѣна 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 50 к.

Окольнымъ путемъ, повѣсть. **Въ морѣ житейскомъ,** литературный жанръ, В. Авсѣенко. **Столичный воздухъ,** эскизъ петербургскихъ нравовъ, Д. В. Григоровича, Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Примѣчаніе Печатаются и въ скоромъ времени поступятъ въ продажу слѣдующіе томы Библіотеки современныхъ писателей: Милюкова, Крестовскаго. Боева, Глѣба Успенскаго.

Матереубійца, уголовный романъ **А. Бэло и Жюля Дотено.** Спб. 1873 г. Цѣна 1 р. пер. за 2 ф.

Лѣтописи Круглаго Окна (Loeil-de Boeuf). Хроника частныхъ аппартаментовъ двора и гостинныхъ Парижа при Людовикѣ XIII, Людовикѣ XIV, Регенствѣ, Людовикѣ XV и. Людовикѣ XVI., **Тушара-Лафосса.** Спб. 1873 г. Томъ I. Цѣна 1 р. 75 к. перес. за 2 ф.

КОРАБЛЬ РЕТВИЗАНЪ

(Годъ въ Европѣ и на европейскихъ моряхъ).
Впечатлѣнія и воспоминанія. **Д. В. ГРИГОРОВИЧА.**
Спб. 1873 года. Цѣна 2 руб. сереб. пересылка за 2 ф.

Поступилъ въ продажу:

ЛИСТОПАДЪ

Историческій романъ второй половины XVIII столѣтія, въ 2-хъ частяхъ. Соч. Графа А. Ржевусскаго. Переводъ съ польскаго, подъ редакціей А. С. Афанасьева-Чужбинскаго. Ц. 2 р. 50 к. сер.

Типографія Скарятина, на углу Фонар. пер. и Екатер. кан. д. Франка.

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
00024147253